

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.
ЛОМОНОСОВА»

На правах рукописи

БАТАШЕВА Анна Александровна

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
МЕДИАСОБЫТИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
МЕДИАДИСКУРСЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Клушина Наталья Ивановна

Москва – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОБЫТИЯ В СМИ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ.....	11
1.1. Событие и медиасобытие. Стратегии и тактики речевого воздействия. Детерминанты журналистской интенции.....	11
1.2. Интерпретация медиасобытий. Нарративность как особый способ интерпретации медиасобытий.....	20
1.3. Достоверность медиатекста. Фейк-ньюс	27
1.4. Понимание и интерпретация медиатекста.....	34
Выводы по первой главе.....	38
ГЛАВА 2. ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МЕДИАСОБЫТИЯ	40
2.1. Теоретические и методологические предпосылки формирования фонда лингвостилистических способов интерпретации медиасобытия	40
2.2. Лексико-семантические приемы интерпретации медиасобытия	48
2.3. Текстовые и композиционные приемы интерпретации медиасобытия ...	93
2.4. Сопоставительный анализ интерпретации медиасобытия в российских и немецких СМИ	144
Выводы по второй главе.....	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	158
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	161

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Данная диссертационная работа содержит результаты исследования лингвостилистических способов интерпретации медиасобытия в современном российском медиадискурсе.

Мы живем во времена политических и военных конфликтов, а также социально-экономических кризисов, которые в свою очередь порождают информационные войны.

Чаще всего люди смотрят на мир и события глазами журналистов. Журналистский институт – это неотъемлемая часть общества. В связи с этим он подвержен определенной идеологии. Можно сказать, что журналистика идеологична по самой своей природе.

Ю.М. Лотман писал, что культура начинается с разделения мира на внутреннее («свое») и внешнее («чужое») пространства (Лотман, 2004: 257). В моменты кризисов национальное сознание интерпретирует события, обращаясь к архетипическим категориям «свой» – «чужой». Во времена информационных войн данные категории служат своеобразным цементом для общественного сознания, обеспечивая основу для создания национального варианта истории. В прочие периоды журналистика демонстрирует более мягкую оппозицию «свой» – «другой», когда иная точка зрения не дискредитируется, а учитывается. В кризисные периоды подобная позиция характерна только для качественной прессы. Данный подход позволяет сделать образ России в мире, а также образ других стран в глазах российских читателей более привлекательным.

Стремясь сформировать образ страны, журналисты обращаются к интерпретации медиасобытия.

Учитывая тот факт, что мы живем в условиях информационной войны, большое значение приобретают вопросы информационной безопасности общества. Она заключается в том, что граждане осознают характер и способы интерпретации событий в своем и других государствах. Этим и объясняется актуальность темы исследования.

Степень разработанности темы. Основополагающими являются работы, посвященные теории интерпретации, таких авторов как: В.З. Демьянков (1983; 1991; 1996; 1999; 2001; 2003; 2004; 2012), М.Н. Володина (2003; 2008), Г.Я. Солганик (2001; 2003; 2015), А.Н. Баранов, Б.П. Паршин (1986), Т. ван Дейк (2000), В.А Кухаренко (1979), К.И. Долинин (2010), Н.Ф. Алефиренко (2006).

Основополагающее значение для исследования имели научные труды кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова: Г.Я. Солганика (2001), Н.И. Клушиной (2008). Значимыми для написания диссертации стали исследования коммуникативных стратегий и тактик русской речи в работах О.С. Иссерс (2008); особенностей интенционально-нарративной организации медиатекстов в трудах Н.И. Клушиной (2012), Д. Матисона (2005), У. Фикс (2007); медиадискурса – у авторов коллективной монографии «Дискурс и стиль» (под редакцией Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой) (2014).

Значительную группу исследований, представляющих высокий интерес для написания диссертации, составили труды ученых, посвященные описанию различных приемов интерпретации: концептуальной лексики в работе Г. Я. Солганика (2012), метафор в книге Н. Д. Бессарабовой (2015), структурных средств в исследованиях В.З. Демьянкова (2004), фонда языковых механизмов в трудах Т.Б. Булыгиной и А.Д. Шмелева (1997), фразеологизмов в газетных текстах в исследованиях Е.И. Бегловой (2017).

Все лингвостилистические приемы интерпретации являются средствами экспликации категории достоверности, т.к. в конечном итоге они служат стратегии ее утверждения. В связи с этим интерес представляла группа исследований, сформированная научными работами Н.Д. Арутюновой (1999), Н. Лумана (1996), А.Д. Шмелева (2002), Н.Н. Панченко (2010), Х. Вайнриха (2016), определяющими и разграничивающими понятия истины, правды и достоверности медиатекста.

Реализация коммуникативных целей автора невозможна без понимания. Согласно М.М. Бахтину, адресаты являются активными участниками речевого процесса (Бахтин, 1979: 275). Проблематика понимания также отражена в работах М.Н. Володиной (2003), В.З. Демьянкова (1983), Л.Г. Кайды (2005), Н.Д. Арутюновой (1988).

Большое значение для подготовки диссертации имели также исследования медиаречи и коммуникативной ситуации В.И. Конькова (2016), текстовой реальности медиа А.В. Полонского (2015), медиадискурса Е.А. Кожемякина (2016), а также анализ различных концептов в немецкой философской традиции в работах В.Н. Степанова (2016).

Объектом исследования служат медиатексты газеты «Коммерсантъ» на тему конфликта в Сирии. **Предмет** исследования – лингвостилистические приемы, применяемые для интерпретации медиасобытий.

Цель диссертационной работы заключается в выявлении и описании лингвостилистических способов интерпретации медиасобытий в качественной прессе России.

К **задачам** исследования относятся:

- описать приёмы интерпретации медиасобытия,
- сформировать фонд приёмов интерпретации медиасобытия,
- провести сравнительно-сопоставительный анализ особенностей использования лингвостилистических приемов интерпретации российскими и немецкими журналистами для выявления специфики формирования российской национальной картины мира,
- доказать, что интерпретационные приёмы вариативны (так как журналисты самостоятельно решают, как их использовать) и инвариантны одновременно (так как фонд приемов интерпретации уже создан и относится к области интерпретационной стилистики).

Нами выдвигается гипотеза о том, что фонд лингвостилистических способов интерпретации, используемый в российских масс-медиа, является универсальным для различных культур, однако вследствие воздействия

различных национальных детерминант журналистского творчества авторы используют его по-разному. В результате одни и те же события получают в СМИ разных стран различную интерпретацию: вокруг событий складываются различные нарративы, используются аргументы авторов-журналистов, учитывается государственная политика и общественное мнение своей страны. В результате из-за разных национальных идеологических установок одни и те же фрагменты истории получают альтернативное описание и таким образом в разных странах формируются только частично совпадающие информационные картины мира.

Научная новизна исследования заключается в формировании фонда интерпретационных приемов и его теоретическом осмыслении. Несмотря на то что на данный момент многие приемы интерпретации известны, они лишь частично сформулированы и не сведены в единый фонд. Новизной отличается предмет исследования, а именно интерпретационные приемы, используемые журналистами современной качественной прессы России. Новым является также изучение тематического медиадискурса с точки зрения интерпретативной стилистики.

Впервые выявляются закономерности и особенности применения журналистами лингвостилистических приемов интерпретации событий, обладающих повышенной общественной значимостью (на примере вооруженного конфликта в Сирии), которые помогают формированию национальной медиакартины мира.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что исследование вносит вклад в изучение медиалингвистики и интерпретационной стилистики, открывая перспективы для дальнейших исследований в области формирования и описания фонда лингвостилистических приемов интерпретации медиасобытия. Также значимыми являются выводы исследования о роли интерпретации в формировании национальной медиакартины мира.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы на курсах медиабезопасности и медиаграмотности для любого круга участников в целях защиты от манипуляций СМИ, а также в вузовских курсах преподавания современного русского языка и русского языка как иностранного.

Методология и методы диссертационного исследования. В качестве основы методологии, применяемой в данном диссертационном исследовании, были выбраны интенциональный и интерпретационный методы исследования медиатекстов. Также применялись метод частотного анализа (количественный), описательные стилистические методы, а также методы логического анализа языка.

На основе теоретических работ по современной медиалингвистике и научных трудов, связанных с теорией интерпретации, а также теории логического анализа языка был сформирован фонд приемов интерпретации медиасобытий, применяемых в журналистике. В целях детального анализа мы условно разделили их на две большие группы, в зависимости от способов подачи их в тексте: 1) лексико-семантические приемы; 2) текстовые и композиционные приемы интерпретации. Такой подход позволил выявить, каким образом при помощи интерпретации в России создается информационная повестка, картина мира, национальный вариант истории.

Эмпирическую базу исследования составили 100 статей, опубликованных в российской газете «Коммерсантъ» за период с 2014 по 2017 год. Общий массив текстов проанализированных текстов составил более 1000 статей. В итоговую выборку попали статьи, посвященные одной теме – вооруженному конфликту в Сирии. Акцент делался на аналитических статьях, но также были изучены расширенные новостные заметки.

Выбранная для исследования газета относится к сегменту качественной прессы и демонстрирует высокий уровень отношения к адресату – обращение к нему как к серьезному, вдумчивому читателю, обладающему

значительными фоновыми знаниями о политике. Газета «Коммерсантъ» является ведущей всероссийской ежедневной общественно-политической газетой. Находится в частном владении (входит в состав медиахолдинга Алишера Усманова). Журналисты уделяют особое внимание политике и деловой повестке дня. Целевая аудитория – менеджеры, бизнесмены, госслужащие. Политическая направленность – либеральная. Число читателей в России – 4,2 млн. чел. Тираж – 100 000 экземпляров.

В сопоставительном аспекте также исследуются лингвостилистические способы интерпретации, применяемые журналистами немецкой качественной прессы. Данный выбор обуславливается тем, что Германия не была прямо вовлечена в конфликт в Сирии, в связи с чем немецкие СМИ демонстрировали при освещении событий нейтральную позицию. Проведение сопоставительного анализа необходимо, чтобы подтвердить выдвинутую гипотезу: при интерпретации событий с различных точек зрения журналисты используют общий фонд приемов интерпретации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Для описания событий авторы-журналисты используют специфические лингвостилистические средства, из которых формируется фонд интерпретационных приемов, характерных для любого медиадискурса.
2. Характер интерпретации медиасобытия проявляется в самом выборе медиасобытия для освещения, в стилистическом оформлении медиатекста, его текстовых и структурных особенностях.
3. В современных СМИ существует ряд базовых лексико-семантических приемов интерпретации: использование концептуальной лексики, образных средств, метафор (образных и когнитивных).
4. Основными текстовыми и композиционными приемами интерпретации являются: обращение к комментариям экспертов, цитация, тональность, эксплицитная и имплицитная оценка.

5. Интерпретационные приемы, используемые в российских СМИ, универсальны, что подтверждает сопоставление с немецкими СМИ.
6. Идеологический фокус освещения событий формирует национальную специфику интерпретации, что также выявляется благодаря проведенному сопоставлению.

Степень достоверности. Высокая степень достоверности результатов исследования обусловлена опорой на необходимую теоретическую и методологическую базу исследования, обширностью эмпирического материала, глубиной его анализа и проработки.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертационного исследования обсуждались на одиннадцати научных конференциях, среди них: IV Международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра» (Москва, 2016), Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2017, 2018, 2019), Международные научно-практические конференции «Журналистика в 2016 году: творчество, профессия, индустрия» (Москва, 2017), «Журналистика в 2017 году: творчество, профессия, индустрия» (Москва, 2018), «Журналистика в 2018 году: творчество, профессия, индустрия» (Москва, 2019), «Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия» (Москва, 2020), Международный круглый стол «Язык и дискурс СМИ в XXI веке» (Москва, 2016), Научно-практическая конференция «Учимся говорить по-русски» (Москва, 2016), Научный семинар «Гуманитарные исследования и современная медийная ситуация» (Нижний Новгород, 2017). Сделан доклад на кафедре стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Основные положения диссертации изложены в 14 работах общим объемом 6,88 п.л., в числе которых 4 – в научных журналах и изданиях, входящих в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Объем личного вклада автора составляет 6,88 п.л.

Структура диссертационной работы определяется ее целью и задачами. Работа состоит из введения, двух глав (включающих 8 параграфов), заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОБЫТИЯ В СМИ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

1.1. Событие и медиасобытие. Стратегии и тактики речевого воздействия. Детерминанты журналистской интенции

1.1.1. Событие и медиасобытие

Современные коммуникационные технологии сделали процесс передачи сообщений из любых, даже самых отдаленных уголков планеты всему миру практически мгновенным. Информация о бесконечно разнообразном мире передается читателям, слушателям, телезрителям с помощью системы средств массовой информации. Мы узнаем о событиях, происходящих в мире, через ощущения и интерпретации многочисленных участников информационного процесса – журналистов, редакторов, операторов, фотографов и т.д. (Добросклонская, 2001: 13-14)

Журналисты создают тексты, позволяющие читателю почувствовать себя свидетелем любых, даже самых далеких событий. Если журналист владеет искусством интерпретации событий и подготовки текстов, сила их воздействия на аудиторию многократно возрастает (Демьянков, 2012: 77).

События наполняют собой действительность, писала Н.Д. Арутюнова, составляют среду физического и психического погружения человека в действительность (Арутюнова, 1988: 190). События подвержены интерпретации, соответственно, любое описание события не будет являться единственно возможным. Различия во взглядах на одно и то же событие – это результат разнообразия «субъективных» перспектив, опыта или воспоминаний (Луман, 2012: 120).

Существуют различные подходы к пониманию термина «событие».

В.З. Демьянков отмечал, что наиболее распространенным является онтологический подход. Согласно этому подходу событие существует самостоятельно, само по себе, однако описывается, характеризуется с помощью высказываний, создающих его своеобразный портрет. Сторонники

другого, интерпретативного подхода, утверждают, что событие не может существовать отдельно от мышления и речи. Событие создается предложением или текстом, а точнее – их интерпретацией (Демьянков, 1983б: 321).

В.З. Демьянков, как сторонник концепции, связывающей воедино онтологический и интерпретативный подходы к трактовке события, выделяет три вида этого понятия.

К первому виду относятся референтные события – собственно события; прообразы событий-идей, создающих их интерпретацию. Когда описывают два события, произошедших в одно и то же время в одном и том же месте, имеются в виду два разных события-идеи, однако лишь одно референтное событие, которое и описывается с разных точек зрения.

Ко второму виду относятся события-идеи, о которых говорят как о реальных, так как и о вымышленных. События-идеи (например, версии причины катастрофы) могут сосуществовать в пространстве и времени, пересекаться, накладываться друг на друга, подтверждать друг друга, противоречить или полностью опровергать.

Третий вид событий составляют текстовые события – логически или хронологически упорядоченные описания (или описания без видимого порядка), передающие различные интерпретации референтных событий и событий-идей (Демьянков, 2001: 59-60). В данной диссертации изучаются именно текстовые события.

Текстовое событие журналист создает, проводя когнитивную обработку информации. Результат его интеллектуального труда – сконструированная исходя из личных целей, установок, ценностей и знаний модель реальности (Шейгал, 2012: 130).

Конструирование реальности в СМИ, а также связь реального мира с реальностью медиа изучал немецкий социолог Н. Луман. Он рассматривал массмедиа как автономный, закрытый общественный институт (систему), который специализируется на наблюдении за реальностью, а также создании

и распространении носителей информации. Н. Луман выделял две реальности медиа. Первая заключается в повседневных операциях СМИ и сопутствующей им коммуникации. Вторая – в последовательности наблюдательных операций над реальностью. СМИ в ходе своей работы перманентно конструируют реальность, отличную от них самих: «Реальность вырабатывается внутри системы через придание смысла» (Луман, 2012: 16).

В рамках своей деятельности система СМИ постоянно производит классификацию поступающих данных о событиях на информацию и неинформацию. При этом применяются рутинные для СМИ процедуры селекции, рубрикации и шаблонизации информации. Для того, чтобы событие было признано СМИ подходящим для освещения, оно должно соответствовать определенным критериям. Среди них: новизна, наличие конфликта, наличие количественных показателей (желательно достаточных для проведения сравнения), локализация (привязка к определенному месту), нарушение норм, возможность дать моральную оценку, ссылка на действия и действующих лиц (Луман, 2012).

Событие, прошедшее отбор и признанное медиасистемой подходящим для освещения, называется *медиасобытием*. Медиасобытие всегда отличает создаваемое им впечатление новизны, свежести, актуальности, значимости; оно вызывает интерес. Если после свершения события прошло время, в сообщении о нем журналисты могут либо вложить типическое значение или вплести его в нарративный контекст. Как отмечала М.Н. Володина, для системы конструирования реальности СМИ характерна самореференция, то есть отсылка к событиям, созданным самими медиа (Язык средств массовой информации, 2008: 44).

Согласно Н. Луману, процесс селекции информации для описания события состоит из «подпроцессов»: конденсации, подтверждения, генерализации и схематизации, которые являются результатом работы системы массмедиа и которые не существуют во внешнем мире. Таким

образом, именно коммуникация придает фактам их значение (Луман, 2012: 63).

Большая часть материалов СМИ становится информационно значимой именно потому, что была отражена в медиа и это отражение само по себе является событием. В противном случае эти события не состоялись бы. Н. Луман соотносит это утверждение с тезисом канадского филолога М. Маклюэна «средство коммуникации есть сообщение», в соответствии с которым общественная значимость события, степень его важности, определяется сообщениями об этом событии по каналам массовой коммуникации (McLuhan, 1962).

Общество добровольно передает СМИ функцию самонаблюдения над различными сторонами своей жизнедеятельности. СМИ, будучи самостоятельной замкнутой системой, с помощью рутинных процедур определяют, какие события заслуживают внимания, а какие нет, определяя информационную повестку дня и формируя социальную память. Ежедневно генерируя медиасобытия, СМИ подготавливают почву для дальнейшей коммуникации, формируя у читателя, зрителя, слушателя представления о конструируемой ими же реальности.

1.1.2. Стратегии и тактики речевого воздействия

Люди смотрят на мир глазами журналистов. Описывая медиасобытия, журналисты осуществляют воздействие на аудиторию. Это воздействие тесно связано с когнитивными процессами. Осуществляя любое речевое воздействие, адресант текста преследует свои неречевые цели, стремится к реализации авторского замысла, «глобального намерения», или стратегии (Иссерс, 2008: 50).

Согласно А.Н. Баранову, речевое воздействие является «совокупностью процедур над моделями мира участников ситуации общения, приводящей к передаче знаний от одного участника к другому» (Баранов, 1990: 11). Планирование процесса коммуникации и реализация

этого плана – это *речевая стратегия*. Ее целью является изменение модели мира адресата и коррекция его поведения (Иссерс, 2008). Эффективность реализации речевой стратегии определяется исходя из того, была или не была достигнута цель.

О.С. Иссерс приводит следующую классификацию речевых стратегий: общие стратегии (например, стратегия дискредитации) и частные стратегии (стратегии обвинения, оскорбления или насмешки). Каждой стратегии соответствует набор тактик, с помощью которых она реализуется. Тактики – это конкретные действия, ведущие к достижению коммуникативной цели адресанта. Н.И. Клушина отмечает, что набор тактик должен быть максимально эффективным, позволяющим наиболее быстро и эффективно добиться поставленной цели (Клушина, 2008: 29). Тактики реализуются с помощью определенных приемов – коммуникативных ходов.

Общие стратегии О.С. Иссерс подразделяет на:

1) основные – стратегии, которые на данном этапе являются наиболее значимыми с точки зрения иерархии мотивов и целей. Основные стратегии – это семантические, когнитивные стратегии, в частности стратегия подчинения (ей соответствует тактика уговоров, просьб и убеждения) и стратегия дискредитации (тактика оскорбления и насмешки).

2) вспомогательные – стратегии, способствующие повышению эффективности взаимодействия, силы воздействия на адресата. К ним относятся:

- прагматические стратегии – стратегии самопрезентации, стратегии построения имиджа, стратегии формирования эмоционального настроения (реализуются с помощью тактики комплимента и похвалы);

- диалоговые стратегии - стратегии контроля над инициативой, стратегии контроля над темой (реализуются с помощью тактики сохранения инициативы в диалоге, тактики перехвата инициативы);

- риторические стратегии - стратегии привлечения внимания, стратегии драматизации.

Н.И. Клушина отмечает, что выбор стратегии обусловлен необходимостью достичь цели, реализовать авторскую интенцию. *Интенция* является важнейшей характеристикой журналистского текста, это замысел автора, идея, которую он желает донести (Клушина, 2012а: 275). Стратегии и тактики, выбираемые авторами для реализации интенции, являются лингвистическими. Они служат реализации коммуникативно-прагматической направленности текста (Клушина, 2008: 29). Как отмечает М.Н. Володина, предметом работы журналиста является «смысловая информация, цементируемая конкретным замыслом» (Язык средств массовой информации, 2008: 13).

В рамках коммуникации можно говорить об *интенциональных стратегиях*. В частности, в рекламном дискурсе для достижения цели – продвижения товаров и услуг – используются информационная (информирование о продуктах), информационно-воздействующая стратегию (убеждение потенциальных покупателей), а также эстетическая стратегии (встраивание продукта в культуру общества посредством создания для него «смысловой ниши») (Гаспарян, 2017: 4).

В современном информационном дискурсе преобладающие интенции – это интенции информирования и убеждения. Адресанты применяют различные стратегии, направленные на реализацию данных типов интенций (Клушина, 2013: 112). Во-первых, интенция может быть заключена в самом выборе события для освещения. Базу информационного текста обычно составляет социально значимое событие. Идеологема в таком тексте не является выраженной, она выделяется из общего информационного контента (Клушина, 2013: 112).

Во-вторых, интенция находит свое отражение в выборе стилистических средств. Согласно Н.И. Клушиной, информационному тексту свойственна «интеллектуальная стилистика» (воздействие через косвенные речевые акты, отсылки к мировой культуре, языковую игру и т.д., то есть эстетичное

стилистическое оформление), а также «стилистика эмоций» (стремление к сдержанности как элементу воспитания и интеллекта) (Клушина, 2013: 113).

Для успешной реализации авторской интенции требуется, чтобы стилистики адресанта и адресата совпадали (Клушина, 2012а: 277). В противном случае акт понимания не состоится и цель коммуникации достигнута не будет.

Как пишет М.Н. Володина, чтобы авторский посыл достиг адресата и был правильно понят, адресат должен обладать необходимыми фоновыми знаниями, являться членом некоей общности, носителем определенной культуры. Опираясь на эту базу, адресант может оказывать влияние на картину мира читателя и корректировать его поведение (Язык средств массовой информации, 2008: 13). Современный медиадискурс (как совокупность текстов массмедиа (Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты, 2014)) – это важный источник материала для моделей поведения в обществе. Та точка зрения, что транслируется в ведущих СМИ, способна оказывать большое воздействие на поведение адресатов (Kallmeyer, 2005: 222)

В.З. Демьянков подчеркивает, что автор должен продемонстрировать не только осведомленность и языковое мастерство, но еще и способность взглянуть на текст глазами потенциального читателя (Демьянков, 2004: 69). Таким образом, автор создает тексты, ориентируясь на конкретного читателя.

Г.-Р. Яусс, размышляя о взаимодействии читателя с текстом, выделял два «горизонта ожидания» (термин введен Г. Г. Гадамером (Гадамер, 1988)): «горизонт ожидания текста» - закодированные требования текста к читателю, и «горизонт ожидания читателя» - требования читателя к тексту, сформированные в результате предыдущего опыта и способные видоизменяться под воздействием текста. Слияние горизонтов служит залогом адекватного понимания (Яусс, 2004: 196).

В.Ф. Петренко отмечает, что при несовпадении культурных тезаурусов картина мира адресата может меняться не так, как хотел бы адресант. Текст

может вызывать отторжение, неприятие навязываемой жизненной позиции, модели мира или ценностных ориентиров (Петренко, 2001: 45).

По мнению Л.В. Хочунской, концепция адресата в сознании журналиста накладывает отпечаток на весь процесс создания текста, на замысел, способ и форму его реализации автором (Хочунская, 1991: 46).

Как пишет Н.И. Клушина, качественная пресса ориентируется на просвещенного, вдумчивого, склонного к анализу читателя. Журналисты учитывают, что восприятие текстов аудиторией имеет под собой основания ввиду сложившейся картины мира, жизненных ценностей. При этом, как отмечает В.З. Демьянков, сам выбор событий журналистом для описания также является культурообусловленным (Демьянков, 2004: 70-71). Е.А. Кожемякин поясняет, что выбор тем для описания и их градация по степени важности зависит не только от ориентации на адресата, но и от представлений журналиста о социальной реальности (Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы, 2016: 56).

Таким образом, создавая текстовое произведение, журналисты вынуждены применять различные лингвистические стратегии и тактики. Именно они позволяют достичь речевой цели или глобальной интенции автора – убеждения в правильности своего мировосприятия. Представляется, что набор лингвистических стратегий и тактик является универсальным для различных культур.

1.1.3. Детерминанты журналистской интенции

В отличие от автора художественного произведения, журналист не имеет полной свободы творчества. Его выбор приемов интерпретации обусловлен авторской интенцией, которая в свою очередь также детерминирована.

Перечень детерминант журналистской интенции достаточно обширен и напрямую связан с особенностями журналистского творчества и самой профессии журналиста. Как пишет В.И. Коньков, выбор автором речевого

поведения зависит от длинного списка рекомендаций, основанных на различных элементах коммуникативной ситуации (Коньков, 2017: 44). Журналист всегда находится под давлением комплекса факторов, которые влияют на степень его объективности (Негрышев, 2015).

А. Калмыков выделяет три группы детерминант, определяющих сегодня требования к журналисту: внешние (требования государства, общества, рынка); внутренние (требования профессиональной среды или сообщества) и личностные (потребность в образовании, самореализации и так далее) (Калмыков, 2002).

Данные требования к специалисту можно рассматривать также как детерминанты журналистской интенции.

Государство, защищая свои интересы, оказывает на СМИ и коллектив авторов идеологическое воздействие, а также влияет на работу журналистов, задавая и регулируя правовое поле их деятельности.

Общество формирует к ним определенный социальный заказ, невыполнение которого приводит в действие экономические рычаги рынка. Н.Н. Панченко отмечает, что одним из основных требований к СМИ является достоверность (Панченко, 2010а: 10). Культурный контекст, общественная идеология также оказывают прямое влияние на выбор журналистом интенций и интерпретационных приемов.

Продукт журналистской деятельности сам по себе является товаром и должен обладать рядом качеств, гарантирующим ему долгую жизнь на рынке. Это бренд, имидж, позиция в секторе рынка (Мельник, 2013: 15), а также тип прессы, позиция издательства, формат, периодичность выхода и т.д.

Немаловажны и личностные особенности журналиста. А. Калмыков выделяет следующие группы качеств: общая активность (степень энергетичности, предприимчивости); интеллектуальные способности; уровень общительности (интроверсия - экстраверсия, интенсивность общения, впечатлительность); социальная зрелость и уважение к социальным

нормам и требованиям этики (мы определим это как личностное мировоззрение); независимость или самостоятельность (Калмыков, 2002).

Все эти факторы накладывают свои ограничения на интерпретацию медиасобытия журналистом.

Выводы

Описывая медиасобытия, журналисты применяют различные лингвистические стратегии и тактики. С их помощью они достигают неречевой цели или глобальной авторской интенции – убеждения в правильности своего мировосприятия. Журналисты качественной прессы при этом принимают во внимание стилистику адресата, а также осуществляют свою деятельность в условиях детерминант журналистского творчества, важнейшим из которых является требование достоверности.

1.2. Интерпретация медиасобытий. Нарративность как особый способ интерпретации медиасобытий

1.2.1. Интерпретация медиасобытий

Институт журналистики является неотъемлемой частью общества. Его основная функция – информировать социум о значимых событиях и консолидировать общественное сознание. Журналистика по своей природе идеологична. Как писал Й. Хойзерман, журналистика не является нейтральной функцией коммуникации. Она интерпретирует реальность, и этой интерпретации нельзя избежать, какой бы теме ни был посвящен журналистский материал (Häusermann, 2011).

Ю.М. Лотман писал, что культура начинается с разделения мира на внутреннее («свое») и внешнее («чужое») пространства (Лотман, 2004: 257). В моменты кризисов национальное сознание интерпретирует события, обращаясь к архетипическим категориям «свой» – «чужой». Во времена информационных войн данные категории служат своеобразным цементом для общественного сознания, обеспечивая основу для создания национального варианта истории. В прочие периоды журналистика

выбирает более мягкую оппозицию «свой» – «другой», когда иная точка зрения не дискредитируется, а учитывается. В кризисные периоды подобная позиция характерна только для качественной прессы. Данный подход позволяет сделать образ России в мире, а также образ других стран в глазах российских читателей более привлекательным.

Стремясь сформировать образ страны, журналисты обращаются к *интерпретации* события.

Термин «интерпретация» многозначен. К его трактовке существует много подходов.

В толковании В.А Кухаренко «интерпретация» определяется как процесс освоения различного рода информации на основе личного познавательного опыта и изучения (Кухаренко, 1979: 6). К.И. Долинин понимал интерпретацию текста как раскрытие заложенного в нем содержания (Долинин, 2010: 4). Н.Ф. Алефиренко подчеркивал, что оценочно-смысловая интерпретация является неотъемлемым элементом познания действительности (Алефиренко, 2006: 31).

В.З. Демьянков, сторонник когнитивного подхода, определял интерпретацию как «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий» (Демьянков, 1999: 10). Г.Я. Солганик отмечал, что к понятию интерпретации можно подходить более широко. По его мнению, выбор слова по существу уже является интерпретацией. Анализ отношений номинации и синтагматики составляет ее суть (Солганик, 2015: 115).

Мы сформулируем следующее рабочее определение интерпретации:

- с точки зрения адресанта интерпретация – это когнитивный процесс и одновременно результат познавательной деятельности; процесс создания и оформления смысла;

- с точки зрения адресата – это когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и неречевых действий, понимание

предлагаемого смысла с последующим включением его в индивидуальную картину мира.

Журналист является интерпретатором описываемой действительности; от выбора им событий для описания, его пояснений и оценок зависит картина мира читателя. Как писала М.Н. Володина, информационная *картина мира* – это совокупность знаковых систем и сигналов информационных связей. Она также предлагала рассматривать язык как особый вид общественных информационных связей. Именно благодаря языку информационная картина мира получает возможность воспроизведения, которое связано с отношением народа к прошлому (Володина, 2003: 6). Картина мира многослойна и формируется в СМИ благодаря использованию журналистом комплекса лингвостилистических средств интерпретации.

Современные медиатексты имеют сильный воздействующий потенциал. Он включает в себя три составных компонента:

- информационный - количество и качество информации,
- прагматический - оказание направленного воздействия на массовое сознание,
- воздействующий - проявляется в лексической составляющей журналистского текста (Доржиева, 2018).

Индивидуальная картина мира адресата зависит от выбора стилистических средств адресантом (Клушина, 2015).

Медиатекст несет в себе воздействующий потенциал, в том числе и потому, что относится к медиасфере, которая обладает рядом коммуникативных качеств. Среди них, как пишет В.И. Коньков, – утилитарность, ориентация на конкретную аудиторию, перформативность, актуальность и т.д (Коньков, 2016: 63). В чисто информационных жанрах воздействующий эффект несут новые знания о мире, основываясь на которых читатель может изменить свое представление о действительности. В публицистических жанрах автор убеждает читателя в правильности своего видения мира посредством продуманной компоновки и оценки уже

известных читателю событий (Клушина, 2008: 183-184). При этом Ю.А. Бельчиков отмечал, что сегодня «в текстах расширенных событийных информационных заметок становится привычным присутствие элементов анализа и соответственно речевых средств оценки <...> происходит серьезное расширение стилистического репертуара речевых средств» (Бельчиков, 2001: 90).

Журналисты разных изданий подают значимые события современности в разных ракурсах. Важнейшую роль в интерпретации событий играют: 1) авторская позиция и личность автора-интерпретатора в целом; 2) формат издания; 3) социальный контекст. Различная интерпретация событий позволяет «вставить» очередной фрагмент реальности, как кусочек мозаики, в общую картину мира определенного человека, группы людей, общества в целом (Клушина, 2008: 184). Н.И. Клушина отмечает, что мы живем в «интерпретируемой действительности», где разнообразие интерпретаций зависит от мировоззрений и мотивов автора (Клушина, 2008: 183-187).

Недискретная реальность отражается в тексте с помощью языка – явления по сути своей дискретного. А.Н. Баранов и Б.П. Паршин подчеркивают, что эта коллизия обеспечивает возможность по-разному интерпретировать действительность носителями языка (Баранов, Паршин, 1986). Интерпретация имеет под собой основу в виде развитости содержания и богатства выразительных средств (Мельник, 2006: 135). И хотя значение содержится не в собственно языковой форме сообщения, а в том, как его вычисляет интерпретатор (Демьянков, 1999: 6), выбор лингвистических и стилистических средств крайне важен для успешного декодирования адресатом замысла адресанта.

Таким образом, интерпретация в журналистике связана с языковым варьированием и обычно носит имплицитный характер, что существенно затрудняет для читателя задачу реконструкции авторской интенции (Клушина, 2008: 184).

К числу профессиональных компетенций журналиста обычно относят широкий кругозор, умение ориентироваться в информационной картине мира, наличие убеждений или ценностных установок. Т. ван Дейк писал, что читатели не знают тонкостей профессии, однако они интерпретируют тексты, в которых ценности и установки журналиста явно или имплицитно выражены (Дейк, 2000: 151). Интерпретация смыслового содержания информации в СМИ – это изначально интерпретация значения языковых единиц по отношению друг к другу и к событиям, которые описываются, а в дальнейшем - понимание смысла, выводимого из данного содержания.

Интерпретация как когнитивный процесс ведет к конструированию каждым читателем модели события, описанного журналистом. Наличие у каждого адресата собственного набора фоновых знаний, личного опыта, убеждений и установок, то есть социальных репрезентаций, ведет к формированию у разных людей различных моделей, не всегда точно совпадающих с моделью, описываемой автором. Это значит, что число интерпретаций не ограничено. Однако, учитывая тот факт, что автор, стремясь быть понятыми, адресует свой текст определенному кругу читателей, число вариантов интерпретации снижается (Дейк, 2000: 152). В.З. Демьянков утверждает, что успешная интерпретация текста предполагает наличие определенного уровня «культуры чтения», без которой медийные тексты теряют свою воздействующую на читателя силу (Демьянков, 2004: 69).

В ходе интерпретации читатель соотносит новые данные с уже имеющимися знаниями. Вся процедура интерпретации состоит в постоянном выдвижении гипотез о смысле предложений, частей текста, всего текста целиком и их верификации. На каждом этапе у интерпретатора возникает ожидание, предвосхищение, которое получает свое подтверждение или опровергается (Кубрякова, Демьянков и др., 1996: 32). Доверие автору напрямую зависит от того, насколько часто ожидание хода событий подтверждается в ходе дальнейшего чтения (Демьянков, 2004: 76).

В итоге читатель воссоздает мысленный мир, в котором, по его мнению, автор создавал свой текст и в котором содержатся описания реального и желаемого положения дел: характеристики людей, объектов, времени, обстоятельств и др. В этом мысленном мире возможно также домысливание интерпретатором деталей и добавление его личной оценки событий (Демьянков, 2012: 102). Текст позволяет читателю погрузиться в событие, а его интерпретация – воссоздать «истинный ход событий».

Концепция интерпретации связана также с концепцией манипуляции. Часто их бывает сложно разделить, так как в обоих случаях авторы могут использовать одинаковые стилистические приемы. Прежде большинство исследователей придерживались мнения о главенстве манипулятивной функции среди функций СМИ (Володина, 2003), однако сейчас данный подход представляется односторонним (Клушина, 2013). Манипуляция служит функцией любого языка. Она может выходить на первый план в кризисные времена, однако все же не является доминирующей в журналистике. Между манипуляцией и интерпретацией существует тонкая грань. Она относится к области не стилистики, а журналистской этики, то есть является компонентом духовной сферы и не поддается проверке.

Таким образом, в период кризисов повышенное значение приобретают вопросы информационной безопасности общества. Владение интерпретационными приемами позволяет адресанту осознанно их применять, а адресату – эффективно защищаться от манипуляций СМИ, что и представляет собой медиабезопасность общества.

1.2.2. Нарративность как особый способ интерпретации медиасобытий

Особым приемом интерпретации медиасобытий является *нарративность*. Она позволяет реализовать авторскую интенцию при помощи различных типов комментариев, выбор и монтаж которых автор текста осуществляет по своему усмотрению.

В современной медиастилистике медиатекст понимается как составная часть медиастилия. Как пишет Н.И. Клушина, медиастиль обладает двойственной, интенционально-нарративной организацией, связанной с особенностями медиадискурса. *Интенциональность* как способность текста отражать коммуникативное намерение автора раскрывает универсальный характер медиастилия (Клушина, 2012а: 275). *Нарративность* проявляется в выборе актуальной для общества темы для описания, в подаче истории через призму национальной идеологии, обращении к национальным символам и традициям, в выборе героев. Таким образом, в нарративной структуре текста находит свое отражение национальный характер медиастилия (Клушина, 2015: 58).

Нарратив – это рассказ, история с определенным сюжетом, с конкретными персонажами (Клушина, 2015: 58). Н.И. Клушина выделяет и описывает различные типы нарративов: нарратив автора (или авторскую интерпретацию событий), нарратив героев (тех, о ком идет речь), нарратив очевидцев событий (свидетельства людей о происходящем), нарратив экспертов (экспертная оценка ситуации) (Клушина, 2015: 58). Характерным для формата печатной прессы является нарратив фотографии, как отдельный вид нарратива, рассказывающего свою историю и оказывающего воздействие на читателя. Медиатекст нередко представляет собой комплекс, переплетение различных историй-нарративов, подобранных автором определенным образом для достижения своей коммуникационной цели.

В тексте автор представляет свое прочтение реальности, даже если производит это посредством приведения различных нарративов. Журналисты «выполняют некое социальное действие над словами других людей» (Матисон, 2013: 57). Используя чужие нарративы, журналист как бы «присваивает» их себе и использует в собственных целях (Клушина, 2013: 115). Д. Матисон писал: «журналисты <...> «смешивают» голоса и идеи специалистов и переводят их на язык общеизвестного знания» (Матисон, 2013: 20).

Тем не менее рассмотрение медиатекста в частности и медиадискурса в целом как переплетение нарративов позволяет увидеть множество прочтений мира. Они отражают бесконечное разнообразие окружающей нас действительности и в конечном итоге защищают получателей информации от манипуляций, связанных с односторонней интерпретацией происходящих событий.

Выводы

Интерпретация является когнитивным механизмом передачи информации, эксплицируемым лингвостилистическими способами. Существует комплекс лингвостилистических приемов интерпретации медиасобытий, одним из которых является нарративность. Она позволяет реализовать авторскую интенцию при помощи различных типов комментариев, выбор и монтаж которых автор текста осуществляет по своему усмотрению. Сочетание, переплетение различных видов нарратива позволяет журналистам качественной прессы соответствовать требованию достоверности.

1.3. Достоверность медиатекста. Фейк-ньюс

1.3.1 Истинность и правда

Все лингвостилистические способы интерпретации тесно связаны друг с другом. Мы разграничиваем их лишь условно в целях анализа. Коннотацию порождает контекст. В контексте отражается оценка. Оценка проявляется в выборе лексических средств. Пресуппозиция находит свое отражение в контексте и в тексте (в целом). Тональность является общей характеристикой журналистского текста.

Все лингвостилистические приемы интерпретации являются средствами экспликации категории достоверности, т.к. в конечном итоге они служат стратегии ее утверждения. В связи с этим требуется разграничить понятия истины, правды и достоверности медиатекста.

Понятие истины является предметом изучения многих наук. *Истина* - это тождество, знак равенства между знанием и бытием, «согласие мыслей с действительностью» (Брокгауз, Ефрон, 2006). Согласно Н.Д. Арутюновой, истину характеризуют следующие признаки: онтологические признаки (истина вечна, неизменна, единственна и сакральна), гносеологические признаки (истина связана с модусом веры, открывается через откровение), аксиологические признаки (истина есть благодать, она идеал и финальная версия бытия), а также модальные признаки (истина неразрывна с существованием, она прескриптивна) (Арутюнова, 1999: 549).

Н. Луман отмечал, что в рамках классического дискурса на тему истины вызывает интерес вопрос, насколько верны сообщения массмедиа: «они верны лишь наполовину, а наполовину — ложны, ибо истиной «манипулируют»?» (Луман, 2012: 13). По мнению Н. Лумана, главным ориентиром для массмедиа при выборе и описании событий является категория не «истинное-ложное», а «информация-неинформация». Соответственно, поиск и отражение истины не является главной задачей в работе журналиста, а результат его труда – текст – не имеет прямых соотношений с истиной и не может оцениваться исходя из этого параметра.

Концепт «истина» вбирает в себя концепт *правды*. Н.Д. Арутюнова определила правду как «отраженную истину, истину в зеркале жизни, преломившуюся в бесчисленных его гранях» (Арутюнова, 1991: 22).

А.Д. Шмелев писал, что истина – это адекватное представление о мире; представление, соответствующее действительности, это отражение «горнего мира». Истину можно достичь лишь в результате глубинного анализа, абсолютную истину знает только Бог (Шмелев, 2002: 189). Правда же является характеристикой, оценкой какого-либо высказывания о мире, которое соответствует истине; она относится к «дольнему», человеческому миру (Шмелев, 2002: 190-191).

Н.Н. Панченко указывает, что правда обретает статус истины в межличностном взаимодействии, тогда как истина сама по себе отстранена

от окружающей человека реальности (Панченко, 2010а: 14). Согласно Н.Д. Арутюновой именно правда, а не истина является ключевым понятием для оценки истинности речевого взаимодействия. Она дает оценку конкретным утверждениям о жизни людей (Арутюнова, 1999: 594), является ключом к оценке действительности.

Н. Луман считал, что традиционное отношение к сообщениям СМИ заключается в том, что они соответствуют действительности, они правдивы (Луман, 2012: 47). Требование правдивости накладывает на информацию ряд требований, в частности, чтобы описываемое соотносилось с фактами. В отличие от информации, правда может не быть новой, полезной или интересной. Информация же, для того, чтобы стать правдой, должна удовлетворять ряду требований: 1) иметь тему, относящуюся к жизни людей; 2) быть истинной; 3) иметь фактический характер; 4) формировать связный текст; 5) быть полной, т. е. достаточной для вынесения адекватного суждения и верного осмысления фрагмента реальности (Арутюнова, 1999: 616).

1.3.2 Достоверность медиатекста

Достоверность – это максимальная верность, которая тесно связана со степенью доказанности утверждения (знания) и отражает высокую вероятность осуществления какого-либо события (Панченко, 2009: 133).

Достоверность менее абстрактна и более субъективна, чем правда, является результатом мыслительной деятельности и прагматической категорией (Панченко, 2009: 133). Н.Н. Панченко пишет, что, в отличие от автономно существующей, абсолютной, не требующей верификации истины, достоверность вариативна, основывается на доказательствах, полученных в ходе эмпирических опытов или установившейся общественно-исторической практики, и имеет градации: от безусловной недостоверности до безусловной достоверности (Панченко, 2010а: 12).

Н.Н. Панченко также отмечает, что достоверность является одним из базовых показателей, ценных для массмедийного дискурса. Ядро категории

достоверность составляют следующие параметры: 1) точность – неточность; 2) информативность – неинформативность; 3) объективность — субъективность (Панченко, 2010а: 10).

Объективность как мерило достоверности представляет собой способность журналиста непредвзято подойти к ситуации и представить ее в тексте в виде, максимально соответствующем действительности. Абсолютная объективность является идеальной категорией, достижение которой возможно ли условно, так как любое суждение человека о мире по определению является субъективным (Панченко, 2010а: 11). Х. Пюрер писал, что с точки зрения журналистского творчества объективность - это обязательство журналиста подавать информацию максимально неискаженной, описывать реальность, максимально воздерживаясь от личных взглядов, намерений и интересов, предоставляя максимально возможное число различных точек зрения (Pürer, 2003).

Достоверность информации зависит от ряда факторов. Н.Н. Панченко относит к ним надежность источника информации, соотношение категорий информативности – интерпретативности, субъективности – объективности изложения. Успех в реализации цели коммуникации зависит от ряда условий, а именно – условий искренности, истинности и доверия (Панченко, 2010а: 14). То, насколько полно адресант репрезентует информацию, зависит от его коммуникативного намерения или интенции (Панченко, 2010а: 13).

Достоверность имеет градации по степени полноты истинной информации. Н. Панченко выделяет *показатели достоверности* - разнообразные лингвистические средства, позволяющие определить ее степень. Например:

- наречия «истинно», «достоверно», существительное «правда», «факт», прилагательные «истинный», «подлинный», «реальный» явно обозначают соответствие действительности (способствуют оценке «безусловная достоверность»);

- прилагательные «мнимый», «ложный», «неискренний», морфемы «лже-», «ложно-» явно обозначают несоответствие действительности (безусловная недостоверность);

- неопределенные местоимения, дискурсивы «вероятно», «возможно», «видимо», служебные слова «словно», «будто», «якобы» обозначают возможное соответствие / несоответствие действительности (проблемная достоверность)

- изъявительное наклонение, наречия «очевидно», «точно» способствуют повышению статуса достоверности высказывания

- сослагательное наклонение, морфемы «псевдо-», «квази-», , вводные конструкции «думаем», «полагаем», конструкция «по-моему», «по мнению» способствуют понижению статуса достоверности (Панченко, 2010а: 19).

Дополнительным маркером достоверности журналистского текста, обладающим большой воздействующей силой, является ссылка на источник информации, причем чем точнее журналист приводит цитату, тем достовернее выглядит текст (Панченко, 2010б: 159). Указание на источник информации служит индикатором реальности или нереальности события (Thurgood, 1981: 295).

В.З. Демьянков подчеркивал, что на оценку степени достоверности влияет также «выбор локации» рассказчиком (Демьянков, 1983б: 326): текст, рассказываемый от первого лица, более эмоционален, однако менее достоверен. Текст, написанный от третьего лица более достоверен, так как обычно включает в себя больше обращений к другим источникам.

Н. Луман считал, что презумптивное отношение к текстам СМИ как достоверным может повлечь за собой ошибки, случайные или намеренные фальсификации со стороны СМИ (Луман, 2012: 47). А.А. Леонтьев отмечал, что непреднамеренным ошибкам («деформациям» (Леонтьев, 2001: 40)), к примеру, могут способствовать неадекватность образа события у журналиста или неадекватность перевода образа события в текстовое описание. При намеренном введении читателя в заблуждении журналист представляет в

качестве правдивого либо заведомо ложное сообщение, либо сообщение, не подкрепленное фактами, содержащее лишь оценку (Леонтьев, 2001: 40).

Все виды фальсификаций обычно становятся достоянием общественности. В случае массовых фальсификаций главная функция СМИ – служение обществу – может быть поставлена под угрозу.

1.3.3 Фейк-ньюс

В последние годы в медиакультуре появился новый феномен фейков (от английского слова «fake» – фальшивый, ненастоящий). Подделкой могут быть любые форматы: сайты, цитаты, новости, персоны и т.д. (Степанов, 2016б: 152).

Особенно широкое распространение получил термин фейк-ньюс (от английского «fake news» – фальшивые, поддельные новости). Фейк-ньюс – это сфабрикованные новости, подготовленные намеренно с целью дезинформации, обмана читателя, введения его в заблуждение для дальнейшего получения финансовых или политических выгод (Hunt, 2016).

Фейк-ньюс могут встречаться как в социальных медиа, так и в традиционных СМИ. «Лжености» и ложь в СМИ, как феномен, возникли не в XXI веке. Они имеют долгую историю. Однако наибольшее распространение они получили именно в наше время. О недостоверности сообщений, а также речевой агрессии в современном медиадискурсе писали различные исследователи. Она может проявляться в форме лжи (Weinrich, 2016) или речевой манипуляции (Копнина, 2008), лингвистической демагогии (Николаева, 1988).

Для распространения фейк-ньюс сегодня есть ряд причин: расширение числа доступных источников информации, появление новых неформальных трансляторов новостей (Facebook, Twitter, Telegram и др.), а также снижение общественного доверия к традиционным СМИ (Шестак, 2018).

Фейковая информация легко получает широкое распространение в СМИ в связи с тем, что информационное пространство сегодня перегружено,

а разделительную грань между фактом, пропагандой, мнением и собственно ложной информацией провести все сложнее (Шишкин, 2017). Вбросы «фейков» обычно происходят на подготовленную почву: например, в связи с принятием нового закона, публичными заявлениями общественных деятелей, в качестве продолжения ряда новостей, посвященных определенной тематике, и т.д. Высокий темп журналистского творчества в сочетании с недостатком профессиональных компетенций сотрудников (в первую очередь, умения работать с источниками и перепроверять информацию перед публикацией, а также отсутствия глубоких знаний по курируемым тематикам) приводят к тому, что фейк-ньюс распространяются в медийном пространстве лавинообразно.

Чаще всего от фейк-ньюс страдают политики, государственные структуры, видные общественные деятели. Они получают удар по репутации, который с трудом забывается даже после официального признания новости «фейковой» (Шишкин, 2017). Однако цели и последствия фейк-ньюс могут быть более серьезными, чем нанесение вреда известным медиаперсонам. Например, попытки изменения государственного строя или вмешательство в ход предвыборных кампаний и подведение итогов выборов, что ставит под угрозу безопасность общества (Шишкин, 2017). По этой причине фейк-ньюс являются проблемой, обсуждаемой на уровне государств и международных правительственных объединений.

Фейк-ньюс уже нанесли серьезный удар степени доверия читателей к СМИ. Однако, в то же время, они напомнили членам профессионального сообщества о требованиях к качеству журналистского труда. Все ведущие качественные СМИ в последнее время выступили с заявлениями об усилении фактчекинга – то есть процесса отбора новостей, их проверки и обработки.

О важности фактчекинга заговорили также владельцы неформальных трансляторов новостей (Facebook-групп, Twitter-лент, Telegram-каналов и т.д.). Они особенно хороши для быстрой передачи новостей, в том числе – для трансляции авторской оценки информации. Однако в плане глубокого

анализа и преподнесения объективной информации они все же уступают традиционным СМИ. В связи с этим замена традиционных СМИ социальными сетями и их аналогами в ближайшем будущем не представляется вероятной.

Выводы

Все лингвостилистические приемы интерпретации являются средствами экспликации категории достоверности, т.к. в конечном итоге они служат стратегии ее утверждения. Маркерами достоверности являются лингвистические и стилистические средства, а также ссылки на источники и особенно цитация. Чем точнее приводятся цитаты, тем большую степень достоверности обретает текст.

1.4. Понимание и интерпретация медиатекста

В рамках своей деятельности журналист совершает культуурообусловленный выбор события для описания, производит ряд когнитивных процедур, в результате которых событие интерпретируется, а интерпретация облекается в форму текста, адресованного конкретному читателю с целью реализации глобальной интенции автора – убеждения читателя, изменения его картины мира.

В.Е. Чернявская писала, что текст – это не форма готовых значений, а «генератор смыслов» (Чернявская, 2017: 86). Важнейшей характеристикой текста является адресованность (Солганик, 2001: 256). Взгляд на адресата как пассивного реципиента транслируемой информации представляется не состоятельным. Согласно М.М. Бахтину, адресаты являются активными участниками речевого процесса. С первого прочитанного слова они занимают по отношению к транслируемой информации определенную позицию: соглашаются с ней или нет, принимают или отвергают ее полностью или частично. Адресанты в свою очередь рассчитывают на активность адресата, ожидают диалога, потому что только в диалоге может

развиться понимание (Бахтин, 1979: 275). Без понимания достижение коммуникативной цели автора, какой бы она ни была, невозможно.

Существуют различные подходы к понятию *понимание*. М.М. Бахтин писал, что понимание активно ответно и является начальной подготовительной стадией ответа, в какой бы форме он ни проявлялся (Бахтин, 1979: 247).

Понимание – это «интерпретация в определенной концептуальной системе, выстроенной из связанных концептов-смыслов, обусловленных конкретными мнениями и значениями, составляющими основу ориентированного отношения человека к действительности» (Володина, 2003: 12), отмечала М.Н. Володина.

Понимание – это когнитивная деятельность, в результате которой устанавливается смысл текста или дискурса (Демьянков, 1996: 124), писал В.З. Демьянков. Понимание связывает адресанта и адресата информации (Демьянков, 1983а: 58). Причем в понимании заинтересованы обе стороны, подчеркивает Н.И. Клушина: говорящий стремится быть адекватно понятым, слушающий - получить объективную информацию (Клушина, 2008: 48).

Понимание является сложным мыслительным процессом. М.М. Бахтин условно выделял четыре этапа понимания: 1) психофизиологическое восприятие физического знака (слова); 2) его узнавание; 3) понимание значения слова в контексте; 4) активно-диалогическое понимание (спор, согласие) и включение в диалогический контекст (Бахтин, 1979: 361).

В.З. Демьянков ввел понятие «модулей понимания» и отнес к ним следующие этапы формирования понимания (Демьянков, 1983а: 58):

- 1) использования языкового знания;
- 2) построение и верификация гипотетических интерпретаций;
- 3) «освоение» сказанного (построение модели события);
- 4) осознание авторского замысла;
- 5) установление степени расхождения между внутренним и модельным мирами;

- б) установление связей внутри модельного и внутреннего миров;
- 7) соотнесение модельного мира и запаса знаний об объективном мире;
- 8) соотнесение восприятия с линией поведения;
- 9) выбор «тональности» или «ключа» понимания, обеспечивающего его единство.

Понимание медиатекста неразрывно связано с расшифровкой его прагматического значения, т.е. интерпретацией. Л.Г. Кайда отмечала, что «возможности взаимопонимания материализованы в самом тексте, а «сотворчество» рассчитано не на «множественность» прочтений и толкований. Общественно значимый текст должен читаться согласно авторскому замыслу (Кайда, 2005: 59). Однако понимание как результат является не «зеркальным отражением» предложенных журналистом данных, а следствием их внутренней обработки и субъективной оценки, обусловленных существующей картиной мира, установками, ценностями, культурой (Демьянков, 1991: 112). Согласно В.З. Демьянкову, культура понимания является неотъемлемой частью культуры духовной, в том числе культуры слова. Культура понимания - это способность осознанно и свободно выбирать «свою позицию на шкале альтернатив» - свое восприятие речи в данный момент своей жизни (Демьянков, 1991: 115). Таким образом, успех в достижении понимания между адресантом и адресатом напрямую зависит не только от усилий адресанта, приложенных при создании текста, но и от коммуникативной компетенции адресата (Клушина, 2008: 30).

Стремление быть понятым является одним из направляющих при создании текста журналистом: читатель должен не только понять информацию, но и «вмонтировать» ее в личную картину мира, которая в дальнейшем будет определять его поведение (Клушина, 2008: 33). Успешность понимания, конечно же, считают Г.С. Мельник и А.Н. Тепляшина, зависит от автора текста, «который должен запрограммировать возможность того или иного понимания. Это происходит на основе осмысления, заданного автором, за счет отбора и соответствующего

распределения слов» (Мельник, 2006: 81). К тому же от автора текста ожидается адекватность восприятия описываемых событий, адекватная оценка приводимых доказательств, логичное выстраивание каузальных связей (Иссерс, 2008: 38), отмечает О.С. Иссерс.

Согласно М.М. Бахтину, понимание развивается в читателе (Бахтин, 1979). Н.Д. Арутюнова отмечала, что понимание текста в целом не исключает его неверной интерпретации или непонимание коммуникативной задачи автора (Арутюнова, 1988: 62). Верная интерпретация должна ответить на вопросы, что имел в виду автор, что он подразумевал и с какой целью начал коммуникацию (Арутюнова, 1988: 62).

Проблема понимания является одной из значимых для медиалингвистики. Неудачи при интерпретации могут быть следствием множества причин: когнитивных, социально-культурных, психосоциальных или языковых. В.З. Демьянков упоминает в числе основных причин коммуникативных неудач непонятность автора (неумелое обращение с речью), непонятливость интерпретатора, непонятность речи как результат (Демьянков, 1983а: 29). «Неудачи при интерпретировании могут быть не только следствием неразвитости интеллекта, но и результатом психологического контекста - усталости, рассеянности внимания, неосведомленности и др.» (Демьянков, 1983: 27).

Н.И. Клушина отмечает, что адекватная расшифровка авторского замысла и понимание текста может нарушаться ввиду наличия «коммуникативных помех» (Клушина, 2008: 32): несовпадения смысловых позиций автора и читателя, а также отсутствия у читателя необходимых фоновых знаний, понимания контекста ситуации и пр. (Клушина, 2008: 32)

Т. ван Дейк писал, что «если говорящий и слушающий не обладают общими знаниями о мире, понимание не может быть полным <...> Понимание текста предполагает не только знание языка, но также и знание мира» (Дейк, 2000: 161). На основе этих знаний становится возможным

правильное конструирование читателем модели события, «отправляемой» ему журналистом.

Читатели имеют различные коммуникативные портреты, социальные референции, представления о мире. Как следствие, интерпретация одного и того же текста предполагает различное прочтение реальности. Из этих прочтений строится многогранный мир, происходящие события в котором оцениваются с разных ракурсов и точек зрения.

Выводы

Понимание медиатекста неразрывно связано с расшифровкой его прагматического значения, т.е. интерпретацией. Успех в достижении понимания зависит не только от усилий адресанта, но и от коммуникативных компетенций адресата.

Выводы по первой главе

Обычно люди смотрят на мир глазами журналистов. Современное общество добровольно передает СМИ функцию самонаблюдения над различными сторонами своей жизнедеятельности. СМИ, будучи самостоятельной замкнутой системой, с помощью рутинных процедур определяют, какие события заслуживают внимания, а какие нет, определяя информационную повестку дня и формируя социальную память. Событие, прошедшее отбор и признанное медиасистемой на основе данного перечня критериев годным для освещения, является медиасобытием. Ежедневно генерируя медиасобытия, СМИ подготавливают почву для дальнейшей коммуникации, формируя у читателя, зрителя, слушателя представления о конструируемой ими же реальности. При создании текста журналист использует лингвистические средства, выбирая их исходя из цели реализовать свою глобальную интенцию – убедить читателя в правильности, точности своего видения реальности, а также изменить его картину мира. Лингвостилистические способы интерпретации служат цели развертывания текста с определенной точки зрения для реализации авторской интенции. В

конечном итоге, они работают на организацию коммуникативно-прагматической направленности текста.

Авторы создают свои тексты, ориентируясь на конкретного читателя, т.е. читателя, обладающего необходимыми фоновыми знаниями, члена некоей общности, носителя определенной культуры. В таком случае журналист может оказать влияние на картину мира читателя и скорректировать его поведение.

Интерпретация в современной журналистике обычно связана с языковым варьированием и часто носит имплицитный характер, что существенно затрудняет для читателя задачу реконструкции авторской интенции.

Существуют различные лингвостилистические способы интерпретации медиасобытий. Особым способом является нарративность, которая позволяет автору реализовать интенцию при помощи различных типов комментариев, выбор и монтаж которых он осуществляет по своему усмотрению.

Все лингвостилистические приемы интерпретации являются средствами экспликации категории достоверности, т.к. в конечном итоге они служат стратегии ее утверждения. В отличие от близкого концепта правды достоверность менее абстрактна и более субъективна, является результатом мыслительной деятельности и прагматической категорией. От истины достоверность отличает вариативность, наличие доказательств, полученных в ходе эмпирических опытов или установившейся общественно-исторической практики. Достоверность имеет степени: от безусловной недостоверности до безусловной достоверности.

Достижение коммуникативной цели автора без понимания его читателем невозможно. Понимание – это когнитивная деятельность, в результате которой устанавливается смысл текста. Понимание может не состояться ввиду воздействия различных «коммуникативных помех», однако к пониманию стремятся обе стороны: говорящий стремится быть адекватно понятым, слушающий - получить объективную информацию.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МЕДИАСОБЫТИЯ

2.1. Теоретические и методологические предпосылки формирования фонда лингвостилистических способов интерпретации медиасобытия

При описании медиасобытия журналист руководствуется авторской интенцией – своим замыслом, намерением, идеей, которую он хотел бы донести до читателя. В современном информационном дискурсе преобладающими интенциями являются интенции информирования и убеждения. Для реализации в тексте авторской интенции журналист обращается к интенциональным стратегиям, в том числе – к интерпретации.

Интенция формирует интенциональность текста – его способность отражать авторское коммуникативное намерение (Клушина, 2012б). На кафедре стилистики русского языка МГУ имени М.В. Ломоносова был разработан интенциональный метод – интегральный лингвостилистический метод изучения современного дискурса. Согласно ему интенциональность текста входит в число важнейших параметров текстуальности, наряду с когезией, когерентностью, информативностью, диалогичностью, интертекстуальностью, декодируемостью и прагматикой (Клушина, 2012б).

Интенциональный механизм создания текста (то есть направленный на реализацию глобальной интенции автора) находит свое отражение в интенциональных категориях. Число и состав данных категорий варьируется исходя из рассматриваемого дискурса. Н.И. Клушина отмечает, что существует также единая для всех типов дискурса парадигма интенциональных категорий, получившая название прототипической. Ее составляют дискурсные идеологемы, номинация, интерпретация, оценочность и тональность (Клушина, 2012б).

В качестве основы методологии, применяемой в данном диссертационном исследовании, были выбраны интенциональный и интерпретационный методы исследования медиатекстов.

Материалом для исследования лингвостилистических приемов интерпретации послужили статьи, освещающие вооруженный конфликт в Сирии, опубликованные в качественной прессе России и Германии: российской газете «Коммерсантъ» и немецкой газете «Die Zeit». Как писал Н. И. Конрад, язык СМИ является «усредненным языком нации» (Конрад, 1959). Г.Я Солганик подчеркивал, этот «усредненный язык» охватывает все стороны жизни нации – все, что имеет общественный интерес (Язык СМИ и политика, 2012: 17). При этом некоторые сферы жизни общества имеют для деятельности СМИ и их языка первостепенное значение, так как они задают и определяют сам вектор развития социума. С этой точки зрения ядром деятельности массмедиа является политика (Язык СМИ и политика, 2012: 17). Военно-политические противостояния, политические кризисы и вооруженные конфликты являются важной частью политики. В статьях, посвященных данным медиасобытиям, лингвостилистические приемы интерпретации прослеживаются наиболее полно и ярко. Этим и обусловлен выбор статей данной тематики для проведения исследования.

Все лингвостилистические приемы интерпретации являются средствами экспликации категории достоверности, т.к. в конечном итоге они служат стратегии ее утверждения. Интерпретация проявляется как в выборе медиасобытия для освещения, так и в стилистике медиатекста. В своей работе мы опираемся на идею Г.Я. Солганика о выделении интерпретационной стилистики в отдельную область медиастилистики и наличии в ней своего комплекса лингвостилистических приемов интерпретации фактов и событий (Солганик, 2015: 113).

Таким образом, за время существования и развития медиадискурса был сформирован определенный фонд лингвостилистических способов интерпретации медиасобытия. С одной стороны интерпретационные приемы

вариативны (каждый автор выбирает, какие приемы использовать и каким образом), с другой стороны – инвариантны, т.к. фонд стилистических приемов интерпретации уже существует и составляет область интерпретационной стилистики.

Ввиду глобализации различные национальные журналистские институты обретают сегодня немало общих черт. Как писал В.Н. Степанов, в условиях постиндустриальной эпохи, отличающейся, в том числе, распространением межнациональной, межкультурной коммуникации, вопросы общечеловеческих ценностей, «духовных скреп», а также единой, универсальной концептосферы обрели особую значимость (Степанов, 2016а: 4).

Кроме того, во всем мире к журналистскому мастерству предъявляются практически одинаковые требования. Данные тенденции находят свое отражение в языке журналистских материалов: не только в обогащении его терминами и концептами, но и в способах подачи материала, а также приемах интерпретации медиасобытия. Представляется, что набор лингвистических приемов является универсальным для различных культур.

Вследствие воздействия различных детерминант журналистского творчества авторы используют его по-разному. В результате одни и те же события получают в СМИ разных стран различную интерпретацию: вокруг событий складываются различные нарративы, различными образами расставляются акценты, упоминают детали, используются аргументы. Одни и те же фрагменты истории получают альтернативное описание, и в разных странах формируются только частично совпадающие информационные картины мира. Как писала В. Е. Чернявская, у каждой страны есть свой национальный вариант истории (Чернявская, 2014). Талант журналиста заключается в том, чтобы в ситуации детерминированной интенции грамотно выбрать и использовать интерпретационные приемы, вписав, таким образом, очередную страницу в книгу национальной истории.

На данный момент многие приемы интерпретации известны и описаны исследователями.

Г.Я. Солганик отмечал, что ведущая роль общественно-политической тематики в СМИ сказывается на их языке и проявляется, в частности, в использовании журналистами особой концептуальной лексики – общественно-политической лексики, выражающей значимые идеологические понятия. Именно концептуальная лексика составляет «ядро словаря СМИ», служит своеобразной терминологией СМИ, выражает идеологическую направленность языка и определяет направление деятельности журналистов, лексический состав, речевые стратегии и тактики (Язык СМИ и политика, 2012: 18-19).

При освещении событий политической тематики из всего доступного политического словаря журналисты отбирают и используют лишь определенные лексемы, соответствующие их идеологическим установкам. Иными словами – они используют социально-оценочную лексику. Г.Я. Солганик подчеркивал, что именно политические и идеологические установки журналиста «обуславливают определенные речевые стратегии и тактики, совокупность приемов развертывания текста, строй речи, общую модальность, меру участия авторского я, характер образности, языковую политику» (Язык СМИ и политика, 2012: 24).

Политическая тематика оказывает большое влияние на интерпретацию медиасобытия, а также на выбор журналистом лингвостилистических приемов. В распоряжении журналистов, освещающих тему политики, находится особый фонд понятийной и терминологической лексики, применяемой для интерпретации медиасобытий.

Ведущая интенция убеждения накладывает отпечаток на выбор журналистом не только лексических, но и художественно-образных средств интерпретации. Как писала У. Фикс, стиль журналистского сообщения интенционален, заметен читателю и влияет на его восприятие сообщения (Fix, 2007: 81-82).

Особенностям функционирования фразеологизмов в заголовках и текстах отечественной печатной прессы посвящены работы Е.И. Бегловой. В своих исследованиях она указывала на то, что особого внимания заслуживают эмоционально-оценочные фразеологизмы. Они передают журналистскую оценку описываемых событий, а также задают общую эмоциональную тональность текста и отражают потенциальную общественную оценку. Таким образом, эмоционально-оценочные фразеологизмы являются одним из актуальных приемов интерпретации (Беглова, 2017: 258).

Как отмечает Н.Д. Бессарабова, целям убеждения и эмоционального воздействия служит такой прием интерпретации, как метафора. Метафоры обладают такими качествами, как образность и оценочность; они повышают информативную ценность текстов при помощи ассоциаций, вызываемых переносным употреблением слова (Бессарабова, 2012: 407-422).

Метафоры «производятся» в СМИ на регулярной основе, что обусловлено особенностями технологического процесса массмедиа, поэтому «на вооружении у журналистов» находятся «целые серии, группы метафор» (Бессарабова, 2015: 37). Н.Д. Бессарабова подчеркивает, что общенародные метафоры в языке СМИ, в частности газет, обретают «специфический газетно-публицистический нюанс» (Бессарабова, 2015: 42). Во-первых, они включают в себя современную политическую и идеологическую лексику. Во-вторых, журналисты применяют общенародные метафоры (или создают собственные авторские метафоры) в своих целях (для реализации авторской интенции), включают их в сферу новых тем, нуждающихся в образном выражении.

Н.Д. Бессарабова описывает фонд публицистических метафор. В него входят общенародные метафоры, «которые в условиях публицистической речи обновляются современными журналистами» (Бессарабова, 2015: 42): метафорические сочетания и метафорические перифразы. Новые метафоры появляются в рамках уже существующих тематических серий, под влиянием

традиционных метафор отечественной журналистики, а также путем заимствований из словаря зарубежной прессы. Метафорический фонд постоянно обновляется, предоставляя журналистам новые инструменты оказания как эксплицитного, так и имплицитного влияния на читателя, выражения оценки.

В.З. Демьянков писал о выделении «семантики события» («эвентологии» или «событиелогии» (Демьянков, 2004: 68)) в отдельную область исследований, посвященную закономерностям высказываний о событиях в различных дискурсах. Исследование событийности в СМИ обладает рядом отличительных аспектов. Среди них:

- языковой аспект – лингвистика текста;
- психологический аспект – заключается в осознанном выборе журналистом события для освещения. Событие должно заслуживать освещения, пользоваться общественным спросом. Кроме того, важна его уместная подача, проявляющаяся в осведомленности журналиста о фактах, в его языковом мастерстве, умении взглянуть на сообщение глазами читателя;
- культурный и философский аспекты - и кодирование, и декодирование сообщения опираются на культурные традиции и жизненные ценности общества на данном этапе его развития (Демьянков, 2004: 68).

По мнению В.З. Демьянкова, автору нужно не просто выбрать «главную фигуру» (событие для освещения), но также «нарядить» ее в соответствии со вкусами читателей» (Демьянков, 2004: 69). Интерпретируя медиасобытие, журналист учитывает описанные выше аспекты. Кроме того, он принимает решение об удовлетворении необходимых параметров текстовых событий, в том числе: интерпретатор следует за развитием событий или констатирует их (статика или динамика); присутствует или отсутствует агент (контролируемость или неконтролируемость события); каковы ролевые функции участников события; рассматривается событие в целом или по этапам; используется пересказ или живые свидетельства; какова локализация события и его участников во времени или пространстве

(Демьянков, 2004: 69). В этом проявляется позиция, «эго интерпретатора» (Демьянков, 2004: 78).

Аспекты интерпретации медиасобытия достигаются при помощи не только речевых, но и структурных средств: композиции, деталей, обращении к экспертам и др. В.З. Демьянков выделяет следующие инструменты интерпретации: свойства речи (предложений или текста в их частях и отношениях); локальные знания контекста и ситуации, импликации текста и глобальные знания правил общения и фактов; стратегии интерпретирования, связывающие воедино цели и средства интерпретации (Демьянков, 2003: 121).

На наличие фонда языковых механизмов, предоставляющих автору возможности передать читателю идею, не высказывая ее прямо, указывали также Т.Б. Булыгина и А.Д. Шмелев. Данные приемы непрямого воздействия на читателя они определили как «языковую демагогию». Суть ее – в замаскированном речевом воздействии (Булыгина, Шмелев, 1997: 461). Для достижения авторской интенции журналисты прибегают к определенным приемам, среди них:

1) ассертация, маскирующаяся под пресуппозицию - подача определенной идеи под видом пресуппозиции, суждения, признаваемого и адресантом, и адресатом истинным;

2) речевые импликатуры – ситуация, когда журналист не упоминает определенные идеи в тексте, однако они вытекают из прочих утверждений как речевые импликатуры;

3) возражение под видом согласия - выражение согласия с приводимыми утверждениями, однако одновременное приведение контраргументации. Данный прием чаще всего проявляется в использовании сначала «формул согласия» (выражений «действительно», «в самом деле», «спору нет» и их производных), а затем выражений, ограничивающих или отрицающих ранее высказанное согласие;

4) противопоставление «видимой» (непосредственно наблюдаемой) и «подлинной» (интерпретируемой журналистом) реальности - может реализовываться как открыто (в частности, с помощью выражений «в действительности» и «на самом деле»), так и скрыто (чаще всего при передаче чужих высказываний);

5) игра на референциальной неоднозначности - необходимости обращения к более широкому контексту для выяснения, соотносится ли языковое выражение с конкретным объектом или их классом. К данной группе приемов относится также использование риторического приема генерализации в целях достижения авторской интенции;

6) интерпретация чужих высказываний - интерпретация скрытых намерений коммуниканта, оценка уместности или содержания высказывания и, как следствие, его видоизменение;

7) использование «магии слов» - использование выражений с явным положительным или отрицательным зарядом, оказывающих на адресата эмоциональное воздействие (Булыгина, Шмелев, 1997: 462-477).

Описывая приемы «языковой демагогии», Т.Б. Булыгина и А.Д. Шмелев указывали на то, что журналисты применяют их в целях манипуляции общественным сознанием. Понятие манипуляции имеет тесную связь с понятием интерпретации, в обоих случаях журналисты могут применять одни и те же лингвостилистические приемы. Вопрос разграничения манипуляции и интерпретации лежит в области журналистской этики, а потому описанные лингвостилистические способы могут с полным правом считаться способами интерпретации.

Таким образом, многие приемы интерпретации уже известны, однако фрагментарно описаны и не сведены в единый фонд. Все лингвостилистические способы интерпретации тесно связаны друг с другом.

В целях детального анализа лингвостилистических способов интерпретации в данной диссертации мы условно разделяем их на две

большие группы: 1) лексико-семантические приемы; 2) текстовые и композиционные приемы интерпретации.

Выводы

В журналистике существует определенный фонд лингвостилистических способов интерпретации медиасобытия. Представляется, что он является универсальным для различных культур. Фонд служит экспликации категории достоверности, реализации глобальной интенции убеждения, а в конечном итоге – формированию у читателя определенной картины мира.

2.2. Лексико-семантические приемы интерпретации медиасобытия

Характер интерпретации медиасобытия журналистов проявляется, в первую очередь, в лексической составляющей их текстов. Цели создания и поддержания объективности служит использование **концептуальной лексики**, традиционно не обладающей оценочными коннотациями. К ней относятся общественно-политические и экономические термины, которые являются ключевыми в данный конкретный исторический отрезок. В российской прессе в большинстве своем это интернациональная лексика, что обусловлено особенностями формирования политической и экономической модели современного российского общества и его ориентацией на западные образцы (Клушина, 2008: 121).

Концептуальная лексика широко используется журналистами качественной прессы. Приведем несколько примеров:

- «В Сирии сегодня состоятся *президентские выборы*. Они уже третьи для действующего главы государства Башара Асада, однако впервые пройдут не в виде *безальтернативного референдума*, а с участием двух других кандидатов. Голосование, впрочем, считается формальным. Опрошенные «Ъ» эксперты предсказывают *переизбрание* господина Асада на третий семилетний срок, а сам факт, что выборы состоятся, называют его

«большой дипломатической и политической победой» (Кузнецова О. Башар Асад идет на третий срок // "Коммерсантъ" №94 от 03.06.2014, с. 6).

- «Между тем за день до начала "Женева-2" она во многом потеряла практический смысл из-за неожиданного решения *генсека* ООН Пан Ги Муна отозвать приглашение на *форум* Ирану, которое он сам же направил Тегерану в понедельник. Пойти на такой шаг главу ООН вынудил *демарш сирийской оппозиции*. *Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил* (НКОРС) Сирии потребовала, чтобы ООН немедленно *аннулировала* приглашение Ирану. *Представители оппозиции* предупредили, что откажутся от участия в "Женева-2", если Пан Ги Мун не выполнит *ультиматум* в течение шести часов» (Строкань С. "Женева-2" недосчиталась Ирана // "Коммерсантъ" №8 от 22.01.2014, с. 6).

- «Глава МИД РФ Сергей Лавров принял вчера в Москве *делегацию* Национальной *коалиции* революционных и оппозиционных сил Сирии (НКОРС), которую на Западе считают главным органом сирийской *оппозиции*. Как и прошедший двумя днями ранее визит в Москву главы МИД Саудовской Аравии Аделя аль-Джубейра, вчерашняя встреча выявила *кардинальные различия* в подходах сторон к *режиму* Башара Асада. Россия не оставляет попыток организовать *конференцию* с участием противников сирийского режима и представителей Дамаска» (Ефимова М. Сирийская оппозиция не хочет открывать второй фронт // "Коммерсантъ" №146 от 14.08.2015, с. 5).

- «В Женеве 28 ноября должен открыться восьмой *раунд* межсирийских *мирных переговоров*. Первая подобная встреча после *саммита президентов* России, Турции и Ирана, объявивших в Сочи о начале нового этапа *урегулирования*, призвана сдвинуть *политический процесс* в Сирии с мертвой точки, возобновив обсуждение вопросов послевоенного устройства, в том числе *проведения выборов и новой конституции*. Однако предпосылки к *переговорам* не позволяют надеяться на прорыв: несмотря на то, что сирийская *оппозиция* впервые согласилась выступить единой *делегацией*,

среди ее членов остаются острые разногласия, прежде всего по вопросу о судьбе *президента* Башара Асада» (Строкань С., Черненко Е., Кривошеев К., Хвостик Е. В напряженной и женевской обстановке // "Коммерсантъ" №221 от 28.11.2017, с. 1).

Регулярное использование концептуальной лексики журналистами газеты «Коммерсантъ» связано с форматом издания, а также с общественно-политической тематикой публикаций. Концептуальная лексика «позволяет создать открытый план передачи информации» (Клушина, 2008: 122), а также (будучи набором стандартизированных речевых средств) – констатировать события, указать на их актуальность, подчеркнуть обезличенность изложения и объективность подачи информации (Бельчиков, 2001: 90).

Несмотря на повышенные требования к объективности при изложении информации, предъявляемые к журналистам, исследователи российского медиадискурса отмечают значительное усиление авторского «я» в современных российских журналистских текстах, в том числе в текстах новостных жанров. Следствием этого процесса является увеличение стилистического репертуара речевых средств (и некоторых композиционных элементов), традиционно неактуальных для чисто информационных жанров – в первую очередь, **экспрессивных и образных речевых средств** (Бельчиков, 2001: 91). Они передают субъективную модальность, позволяют более полно передать содержательную и эмоциональную информацию о событии (Бельчиков, 2001: 91). Кроме того, служат функции выражения оценочности.

Использование журналистами «эмоционально окрашенной лексики, особых грамматических форм, неологизмов и окказионализмов, особых форм написания слова» объясняется необходимостью формирования ресурса внимания читателей (Полонский, 2018: 237). В целом экспрессивные речевые средства вносят большой вклад в реализацию глобальной авторской интенции – интенции убеждения.

Согласно Е.И. Бегловой, в газетных текстах экспрессия создается при помощи не только отдельных языковых единиц (например, лексем,

аббревиатур, фразеологизмов), но также и стилистических фигур и тропов, которые учитывают специфику газетной речи (Беглова, 2016: 66).

В газете «Коммерсантъ» экспрессивные речевые средства чаще всего встречаются в сильных позициях текста - в заголовках, что способствует оказанию на читателя особенно сильного эмоционального воздействия, а также позволяет изначально задать тональность текста, выразить оценочность. Кроме того, такие заголовки выполняют функцию создания интриги.

Для заголовков «Коммерсанта» характерно использование каламбуров – остроумных выражений, в основе которых лежит игра на равнозвучии или близкочувчии языковых единиц (Москвин, 2011: 35). Интерпретационны по сути и приемы языковой игры, основанные на отсылках к прецедентным текстам и на культуроспецифических аллюзиях. Максимально точное и короткое отражение содержания материала при этом концентрируется в подзаголовке, который дополняет и поясняет заголовок. Распространенной тактикой является парафраз. Журналисты изменяют крылатые выражения, цитаты, названия, придавая им новый смысл.

Большую роль в создании экспрессивных заголовков играют также фразеологизмы, которые используются журналистами как в оригинальной, так и в трансформированной форме (Беглова, 2017: 258).

Приведем несколько примеров заголовков из газеты «Коммерсантъ»:

- «*Без шума Ракки не бывает*» (Сафронов И., Дудина Г., Кривошеев К. Без шума Ракки не бывает // "Коммерсантъ" №107 от 17.06.2017, с. 3). Автор выносит в заголовок пословицу «без шума драки не бывает», заменяя слово «драка» на название города на севере Сирии – Ракку. Созвучие слов «драка» и «Ракка» позволяет говорить об использовании приема паронимии.

- «*Задачи выполнены на все 101*» (Джорджевич А., Сафронов И. Задачи выполнены на все 101 // "Коммерсантъ" №120 от 06.07.2017, с. 3) – замена фразеологизма «на все сто» на «на все сто один» переводит фокус читателя на результаты запусков крылатых ракет X-101.

- «*Огонь на упреждение*» (Колесников А. Огонь на упреждение // "Коммерсантъ" №180 от 01.10.2015, с. 1) – парафраз устойчивого словосочетания «огонь на поражение».

Парономазия используется авторами газеты как сопутствующий прием, работающий на привлечение внимания. Например:

- «*Русская Монтрёшка*» (Колесников А. Русская Монтрёшка // "Коммерсантъ" № 215 от 27.11.2014, с. 1). Автор играет на сходстве звучания слова «матрешка» и названия города «Монтрё» и создает неологизм «*Монтрёшка*».

- «*Многосирийский детектив*» (Строкань С., Юсин М. Многосирийский детектив // "Коммерсантъ" №41 от 14.03.2016, с. 6). Автор заменяет слово «многосерийный» в словосочетании «многосерийный детектив» на окказионализм «многосирийский», что позволяет сделать акцент на продолжительности и вероятной запутанности процесса переговоров по сирийскому вопросу.

- «*Курдская автономия просит офисного признания*» (Кузнецова О. Курдская автономия просит офисного признания // "Коммерсантъ" № 193 от 20.10.2015, с. 1) (метонимия). Традиционной формой признания является признание официальное, однако в тексте речь идет о признании не факта сотрудничества между Москвой и курдской автономией, а факта открытия офиса. Играя на сходстве слов, автор создает заголовок «офисное признание».

За каждым заголовком стоит своя уникальная система ассоциаций, возникающая в сознании читателя:

- «*Бой с темой*» (Колесников А. Бой с темой Газета // "Коммерсантъ" №210 от 13.11.2017, с. 1) – перефразирование названия российского фильма «Бой с тенью».

- «*Война и мир Сирии*» (Строкань С., Федуненко Е. Война и мир Сирии // "Коммерсантъ" №244 от 29.12.2017, с. 10) – реминисценция на роман Л.Н.

Толстого позволяет автору намекнуть на продолжительность и многослойность конфликта.

- «*Бесполетные усилия*» (Строкань С., Юсин М. Бесполетные усилия // "Коммерсантъ" №182 от 03.10.2016, с. 1) – внесение изменений в название пьесы Уильяма Шекспира «Бесплодные усилия любви», замена «*бесплодные*» на «*бесполетные*».

Изменяя прецедентный текст, при этом сохраняя структуру привычного высказывания, автор сохраняет старый смысл и одновременно добавляет новый. Это привлекает внимание читателей, интригует своей оригинальностью. Кроме того, парафразы могут рождать комический эффект, позволяющий имплицитно выразить авторскую оценку описываемого события.

Парадоксы, аллюзии, контаминации, коренным образом меняющие содержание заголовков, также встречаются в газете «Коммерсантъ»:

- «За потерю оружия осудят автоматом» (Сергеев Н., Соковнин А. За потерю оружия осудят автоматом // "Коммерсантъ" №59 от 06.04.2017, с. 6) – речь идет о том, что солдата, потерявшего на службе ружье, заставят выплатить его стоимость в качестве штрафа.

- «Сирия ждет русский свет» (Скорлыгина Н. Сирия ждет русский свет // "Коммерсантъ" №130 от 23.07.2015, с. 9) – буквальная трактовка заголовка оставляет в недоумении: включение «русского света» в далекой Сирии представляется парадоксальным, абсолютно невозможным. Подзаголовок раскрывает суть парадокса: «Дамаск просит \$1 млрд. на новую ТЭС».

Крайне редко встречается тактика создания каламбуров при помощи омонимии и омофонии.

- «*Лозанние* по канату» (Коростиков М., Сафронов И. Лозанние по канату // "Коммерсантъ" №192 от 15.10.2016, с. 1) – автор выстраивает языковую игру на фонетической схожести слов «лазание» в устойчивом словосочетании «лазание по канату» и окказионализма «лозанние» - переговоры в городе Лозанне.

Использование экспрессивных речевых средств в авторском нарративе как прием интерпретации, практически не встречающееся в расширенных новостных заметках, характерно для жанра статьи. В статьях экспрессивные речевые средства позволяют сформировать тональность, передать авторскую оценку события. Наиболее часто в этих целях журналисты используют эпитеты, гиперболы, парафраз. Например:

- «Услышав ответ "Чтобы выбрать лучший!", министр *просто расцвел* (оценка), лицо его озарила *лучезарная* улыбка (эпитет) (если в таких выражениях позволено говорить про министра иностранных дел Сирии), и он поднял кверху большой палец (деталь)», «Господин Муаллем, казалось, *зачарованно* (эпитет) смотрел на российского коллегу *с высоты своего маленького роста* (парафраз – с высоты своего полета, с высоты своего положения)» (Колесников А. Русская Монтрёшка // "Коммерсантъ" № 215 от 27.11.2014, с. 1).

- «Не менее *катастрофические* (эпитет, открытая оценка) последствия *развал* (негативная коннотация) Сирийского Курдистана может иметь для Турции. Процесс примирения с курдами <...> только сейчас стал *приносить плоды* (фразеологизм). В Анкаре на перемирие сделаны *высокие ставки* (метафорическая модель игры): турецкие власти *всерьез* (оценка) рассчитывают, что смогут положить конец *многолетней* (прилагательное, оценка) войне. *Толпы* (негативная коннотация) сирийских курдов оказались на турецкой территории *совсем не вовремя* (оценка)» (Кузнецова О. Исламисты сделали Сирию ближе к соседям // "Коммерсантъ" №171 от 23.09.2014, с. 8).

- «Пресс-конференция президента России состоялась на берегу моря, на территории отеля «Интерконтиненталь Пенинсула». Территория эта является, без преувеличения, *бескрайней, почти как сам Вьетнам*» (гипербола)» (Колесников А. Бой с темой Газета // "Коммерсантъ" №210 от 13.11.2017, с. 1).

- «11 ноября в ходе саммита стран-членов АТЭС в Дананге была оглашена своего рода «*ожидаемая неожиданность*» (парадокс). Президенты РФ и США согласовали совместное заявление по Сирии» (Дудина Г. Сирии нашлось место под Анталей // "Коммерсантъ" №215 от 20.11.2017, с. 1)

- «В итоге борьба с ИГ (организация запрещена в РФ), не координируемая из единого центра, к концу года превратилась в спор о том, кто играет *первую скрипку* (фразеологизм) в мировой политике» (Сафронов И., Строкань С. Со всеми наступающими // Коммерсантъ № 239 от 25.12.2015, с. 2)

Также высокочастотным приемом интерпретации в газете «Коммерсантъ» является обращение к **метафорам**. Концептуальная лексика – это слова-термины, а метафоры – это слова-образы. Метафоры являются результатом переназывания автором описываемого явления или предмета, реализующегося под воздействием некоего мировоззрения (Клушина, 2008: 124). Подтекст, который создается благодаря использованию метафор, построен на ассоциативных связях. Он оказывает воздействие на реципиента на суггестивном уровне. Метафора – это вторичная номинация. Она несет в себе семы и коннотации, понимание которых возможно лишь в определенном контексте, при помощи определённой коннотации (Клушина, 2008: 122).

Метафора всегда несет в себе определенную идеологическую нагрузку. Она рождает психологическую цепочку, задает эмоциональную оценку события, что позволяет автору наиболее эффективно реализовать глобальную интенцию убеждения (Клушина, 2008: 124-126).

Одним из важнейших способов интерпретации является метафора **когнитивная**. Когнитивные метафоры являются средством имплицитной интерпретации. Они работают на подсознательном уровне, так как не эксплицируются как яркие образы – в отличие от метафор образных, тропов.

Согласно Г. Лакоффу и М. Джонсону (Lakoff, Johnson, 1980), метафора не ограничивается сферой языка. Исследователи обратили свое внимание на

метафоричность процессов мышления человека. Вот почему метафору можно рассматривать как результат взаимодействия языка, мышления и культуры. Таким образом, в когнитивной теории метафоры метафора — это процесс, происходящий на уровне человеческого мышления, а затем находящий отражение в языковых структурах (Lakoff, Johnson, 1980). Когнитивная метафора в современной теории метафор рассматривается как базисная. Она находится в основе присущего человеку способа постижения картины мира.

В медиадискурсе о конфликте в Сирии метафора выполняет эвристическую функцию. Она помогает осмыслять постоянно меняющуюся реальность, связанную с военными действиями и политикой стран Америки и Европы. Кроме того, метафора выполняет аргументативную функцию. Иными словами, при помощи метафор авторы убеждают читателей в рациональности различных политических взглядов. Фигуральность метафоры позволяет ей выполнять прагматическую функцию, а именно — сглаживать резкие политические высказывания, которые касаются спорных политических моментов. Таким образом журналист снимает с себя ответственность за интерпретацию его слов адресатом. В газетных статьях метафора является также средством украшения текста и активизации внимания читателей.

- «Москва обозначает *«красную линию»*, которую не должна пересекать авиация США и их союзников» (Степанов Г., Строкань С., Юсин М., Сафронов И. Американской авиации очертили бесполетную зону // "Коммерсантъ" №108 от 20.06.2017, с. 1). Словосочетание *«красная линия»* - это метафора. Речь идет о границе, которую российские военнослужащие запрещают пересекать авиации западных стран. О.Н. Григорьева писала, что слова, передающие ощущения разных модальностей, вызывают у читателей определенные ощущения, что позволяет оказывать на них сильное воздействие: «метафоры, основанные на восприятии цвета, звука, запаха, вкуса, температуры, часто используются в СМИ, особенно в языке политики

в СМИ» (Григорьева, 2001: 38). Красный цвет ассоциируются с напряжением, угрозой, опасностью, поэтому метафора «красная линия» в статье говорит не только о проведении невидимой границы, но еще и об опасности, связанной с ее пересечением.

- «Сирийская оппозиция *раскололась* о Башара Асада, едва успев объединиться» (Строкань С., Черненко Е., Кривошеев К., Хвостик Е. В напряженной и женевской обстановке // "Коммерсантъ" №221 от 28.11.2017, с. 1). Глагол «*раскололась*» употребляется не в прямом, а в переносном смысле. Речь идет о разладе среди сирийских делегатов, главной причиной которых является судьба президента Башара Асада. Когнитивная метафора имплицитно передает авторскую оценку событий автором: в делегации серьезные разногласия, скорое преодоление, скорее всего, невозможно.

- «Сирия ждет *русский свет*» (Скорлыгина Н. Сирия ждет русский свет // "Коммерсантъ" №130 от 23.07.2015, с. 9). Метафорический заголовок открывает статью о строительстве ТЭС в Сирии. Автор играет на многозначности трактовки метафоры «русский свет»: это не только российское электричество (или спонсированный Россией проект строительства ТЭС), но также и возвышенное, поэтическое обозначение освобождения страны и окончания войны, которые должны принести российские войска.

- «Впрочем, формат пресс-конференции позволяет *жонглировать такими аргументами*. Тут в спор ведь не вступишь» (Черненко Е. Сергей Лавров ответил за год // "Коммерсантъ" №12 от 27.01.2016, с. 6). «*Жонглировать аргументами*» - метафора сравнивает искусство публичных выступлений с цирковым выступлением. Метафора указывает на сложность процесса, но также намекает на его скорее развлекательную, чем информативную составляющую.

- «Вторая за последние две недели встреча в Вене стала самым заметным шагом на пути разработки "*дорожной карты*" сирийского урегулирования» (Строкань С. Сирийское урегулирование продвинулось не

дальше Башара Асада // Коммерсантъ № 210 от 16.11.2015, с. 1). *Дорожная карта*: прямое дословное толкование — атлас различных типов дорог, соединяющих географические, административные и прочие пункты. В данном случае речь идет о некоем руководстве, по которому осуществляется миротворческий процесс.

Образная метафора позволяет передать оценочную информацию, воздействующую на представления реципиента о мире. Образные метафоры хорошо распознаются читателями и являются действенным эксплицитным средством интерпретации медиасобытий.

Многие современные образные метафоры носят устойчивый характер. В современных журналистских текстах существуют серийные метафорические цепочки. Они составляют каркас текста и передают авторское отношение к описываемому событию. Базовые для публицистического дискурса метафорические модели «игры» «войны» «спорта», «болезни» и «излечения» также широко распространены и в новостном дискурсе.

К примеру, в следующем фрагменте встречается метафорическая модель «игры»: «Все уже было известно: Россия летит в Сирию. <...> Это соображение, впрочем, видимо, не касалось, главного участника *Большой Игры*» (Колесников А. Огонь на упреждение // "Коммерсантъ" №180 от 01.10.2015, с. 1). Автор сравнивает политику с игрой, в которой принимают участие различные игроки. Подчеркивается значимость фигуры президента, а также масштабность происходящих политических событий и принимаемых решений.

В ряде статей, опубликованных в газете «Коммерсантъ» в 2014-2017 годах встречается метафорическая модель «денег». Активное использование финансовой метафоры способствует элиминации нравственной составляющей при оценке политической деятельности (Чудинов, 2001).

Метафорическая модель «войны» характерна для описания переговорного процесса по вопросам мирного урегулирования конфликта в

Сирии. Например: «Отдельная дуэль развернулась между Самантой Пауэр и Марией Захаровой» (Степанов Г., Юсин М., Сафронов И. "Исламское государство" (организация запрещена в РФ) получило поддержку с воздуха // "Коммерсантъ" №172 от 19.09.2016, с. 1). Очевидно, что представительницы России и США сражались не в буквальном смысле, а лишь на словах, однако метафора позволяет автору передать накал страстей, свойственный данному спору, а также высокую убежденность сторон в собственной правоте.

Н.Д. Бессарабова описывала фонд **публицистических метафор** – общенародных метафор, «которые в условиях публицистической речи обновляются современными журналистами» (Бессарабова, 2015: 42): метафоры и метафорические перифразы. В текстах газеты «Коммерсантъ» можно встретить множество примеров метафор, относящихся к фонду, сформированному и описанному Н.Д. Бессарабовой. Например:

- *Мишень* – то, что является предметом преследования, нападков, насмешек (Бессарабова, 2015: 124): «Наступление исламистов в приграничных с еврейским государством районах Сирии, где живут друзья, поставило израильское руководство перед трудным выбором: и дальше оставаться в стороне от сирийского конфликта или оказать друзьям военную помощь, рискуя сделать Израиль *мишенью* исламистов» (Строкань С., Ефимова М. Израиль разворачивается к сирийскому фронту // Коммерсантъ №108 от 23.06.2015, с. 6).

- *Пружина* - традиционный образ, передающий напряжение. Пружина – движущая сила чего-либо (Бессарабова, 2015: 138): «Впрочем, это произойдет лишь в том случае, если в Алеппо, как это было в Дебальцево, в ближайшие дни и недели сломается *пружина* сирийской войны» (Строкань С. Алеппо как сирийское Дебальцево // "Коммерсантъ" №26 от 16.02.2016, с. 6).

- *Диалог* – переговоры между правительствами стран, группировок или блоков для достижения соглашения (Бессарабова, 2015: 103): «В последние дни критика сменилась попытками наладить с Москвой практический

диалог» (Барабанов И., Сафронов И., Черненко Е. Разговор по прямому поводу // "Коммерсантъ" №172 от 21.09.2015, с. 1).

- *Арена* – о месте, где разворачиваются какие-либо события (обычно драматические) (Бессарабова, 2015: 90): «Причину этого министр видит в том, что игроки на международной *арене* не хотели или не могли смотреть "хотя бы на два-три шага вперед"» (Тарасенко П. Россия и США поделили борьбу с терроризмом // Коммерсантъ № 180 от 01.10.2015, с. 2)

- *Кухня* – скрытая, закулисная сторона какой-либо деятельности (Бессарабова, 2015: 117): «Это давало повод надеяться на некоторую откровенность и, возможно, даже на неизвестные ранее подробности российской внешнеполитической *кухни*» (Коростиков М. Россия ограничила круг задач в Сирии // "Коммерсантъ" №196 от 23.10.2015, с. 7)

- *Шаг* – ступень, этап в развитии чего-либо (Бессарабова, 2015: 159): «Предупреждения Вашингтона об угрозе "дальнейшей эскалации" сирийского конфликта переросли в первые практические *шаги* — пока дипломатические» (Кузнецова О., Юсин М., Сафронов И. Сирийский конфликт вырос до греческого неба // "Коммерсантъ" № 163 от 08.09.2015, с. 6).

- *Рычаг* – средство, которым можно возбудить деятельность, привести что-н. в действие (Бессарабова, 2015: 143): «Как писал "Ъ" (см. номер от 21 ноября 2013 года), господин Нетаньяху убеждал тогда Москву использовать все имеющиеся *рычаги* воздействия на Иран...» (Ефимова М. У Израиля назрели просирийские вопросы // "Коммерсантъ" № 172 от 19.09.2015, с. 1).

В текстах «Коммерсанта» встречается и **авторская метафора**, оказывающая наиболее сильное воздействующее действие на читателей. Например:

- «Ну вот как, как удержаться от этой *кухонной конспирологии*?! Никак. В какой-то момент, сколько бы лет ни держался, ты все равно становишься ее полноценной *жертвой* (публицистическая метафора). Потому что какой

ответ, такая и конспирология» (Колесников А. Бой с темой Газета // "Коммерсантъ" №210 от 13.11.2017, с. 1).

Авторская метафора «кухонная конспирология» соединяет в себе два чужеродных и несочетаемых концепта. Конспирология – теория заговоров, учение об их предупреждении. В общественно-политическом дискурсе обычно используется в негативном значении следования абсурдным идеям и теориям. Эпитет «кухонная» придает дополнительный уничижительный оттенок, передавая общий смысл метафоры: всем очевидная игра и плохо организованная игра в заговоры. Негативное значение усиливает вторая публицистическая метафора «жертва» (о ком-либо, пострадавшем, потерпевшем... от несчастного случая, чьего-либо злого умысла и т.п. (Бессарабова, 2015: 106)), причем «полноценная». Концепт «жертва», являющийся наднациональным, несет в себе мощный отрицательный заряд. Не сочетающееся с ним прилагательное «полноценная» придает фрагменту дополнительный иронический оттенок, создавая образ неизбежности языковой игры с президентом вокруг важной темы – президентских выборов, про которые уже все заранее известно, но вслух не обсуждается.

Разновидностью метафоры, встречающейся в медиадискурсе, также является **метафора ономастическая**. Источником метафоризации в данном случае служит имя собственное.

Ономастические метафоры рассматриваются исследователями с разных точек зрения, например, в качестве прецедентных онимов – «индивидуальных имен, связанных или с широко известным текстом или с ситуацией, выступающей как прецедентная» (Гудков, 1999: 7). Базой для смысловой трансформации имени собственного выступает национально детерминированные представления о стоящем за этим именем феномене. Таким образом, ономастическая метафора позволяет автору обращаться к мощным и понятным широкой аудитории образам, оказывая действенное влияние на ее восприятие и оценку событий.

Обращение к ономастической метафоре является одним из приемов интерпретации событий в газете «Коммерсантъ». Большинство встречающихся в тексте метафор связано с реминисценцией знаковых мировых войн и конфликтов, которые стали поворотными моментами в истории противостояний различных государств. Такой выбор онимов обусловлен тематикой публикаций – конфликтом в Сирии. Между онимами нередко возникает «перекличка», дающая повод для аналогий и сопоставлений, что позволяет авторам использовать их для объяснения текущей стадии конфликта, побед и поражений государств и их лидеров.

- «...Алеппо может *стать Ватерлоо* для них самих» ((Строкань С. Алеппо как сирийское Дебальцево // "Коммерсантъ" №26 от 16.02.2016, с. 6). Реминисценция на Ватерлоо, битва при котором стала последним крупным сражением для императора Наполеона I.

В следующем примере встречается перифрастическая метафора: «Эксперты считали, что при неблагоприятном стечении обстоятельств Россия *«вяжется во второй Афганистан»* со всеми вытекающими последствиями» (Сафронов И. Свои на Ближнем // "Коммерсантъ" №244 от 29.12.2017, с. 6). Автор сравнивает события в Сирии с войной в Афганистане – продолжительным конфликтом, обернувшимся для России большими человеческими и денежными затратами. Несмотря на то, что цитата приписывается экспертам, их имена не упоминаются, а в архивах газеты не было обнаружено ни одной схожей цитаты, что позволяет говорить о том, что данная метафора является авторской.

«Алеппо как *сирийское Дебальцево*» (Строкань С. Алеппо как сирийское Дебальцево // "Коммерсантъ" №26 от 16.02.2016, с. 6) - пример заголовка, построенного на приеме сравнения. Автор проводит аналогию между событиями в Сирии и предшествующими им событиями на Украине: битва за Алеппо сравнивается с битвой за Дебальцево, ставшей поворотным моментом в конфликте на Донбассе.

Важнейшей интенциональной категорией медиатекста является **оценочность** (Клушина, 2008: 100). Оценка в СМИ — это не только индивидуальная оценка событий журналистом, это оценка определенных идеологических групп, которую автор отражает в своем тексте (Клушина, 2008: 99).

Оценочность бывает эксплицитной и имплицитной.

Эксплицитная оценка — это явно выраженная в тексте авторская позиция (Кайда, 1992), поддерживаемая лексическими средствами (ярлыками, пейоративной или мелиоративной лексикой). К механизмам эксплицитной оценки относятся: пейоративные и мелиоративные лексемы, оценка через сравнение.

Имплицитная оценка — это умелое манипулирование словом, создание подтекста, который может усилить воздействующий потенциал текста и его прагматическую направленность (Клушина, 2008: 102). Скрытая оценка исподволь внушается адресату, который воспринимает ее на суггестивном, эмоциональном уровне. К механизмам имплицитной оценки относятся: метафора, эвфемизмы, «скорнения», квазисинонимическая ситуация, контекст.

При помощи лексико-семантических способов интерпретации журналистами «Коммеранта» реализуются оба вида оценки.

А) Эксплицитная оценка

Эксплицитная авторская оценка проявляется в использовании мелиоративных и/или пейоративных номинаций, а также ярлыков. Для их расшифровки не требуется прилагать усилия. В целом, данный вид оценки сродни советской агитации, потому вызывает неприятие у современного читателя (Клушина, 2008: 112). В текстах в газете «Коммерсантъ» они встречаются в единичных случаях. Однако журналисты могут использовать прием оценки через сравнение.

Оценка через сравнение заключается в сопоставлении понятий, явлений, событий и людей с последующим имплицитным или эксплицитным

сравнением (Клушина, 2008: 112). Механизм воздействия на читателя при этом усложняется, т.к. сравнение может рассматриваться как аргумент в пользу авторской оценки.

Оценка через сравнение служит базой для исторической и опережающей оценок. Историческая оценка позволяет автору выразить точку зрения, когда он заботится не столько о точности изложения исторических событий, сколько о политическом и нравственном влиянии на читателей (Клушина, 2008: 113). Например:

«...фактически достигнутая в Сирии победа над новым мировым злом в лице исламского терроризма позволяет тройке союзников по антиигиловской (ИГИЛ - организация запрещена в РФ) коалиции *почувствовать себя в роли победителей в главной войне XXI века*, продолжавшейся шесть лет. В этом смысле встречу трех президентов в Сочи, пусть и с определенной долей условности, *можно считать неким современным аналогом Ялтинской конференции февраля 1945 года, в ходе которой союзники по антигитлеровской коалиции определили контуры послевоенного мироустройства*. Параллель между Ялтой и Сочи, несмотря на исторический интервал более чем в семь десятилетий, выглядит уместной еще по одной причине. На протяжении последних лет Москва неоднократно заявляла о том, что война в Сирии касается не только судьбы этого конкретного государства и его лидера, но и *мировых правил игры, установленных после Ялты и в определенный момент переставших служить ориентирами для мировых держав*» (Строкань С. Сочинская коалиция // "Коммерсантъ" №217 от 22.11.2017, с. 6).

В данном примере автор дает оценку событиям в Сирии, трактует локальное событие (конец военных действий) в масштабах всего мира, вписывая его, таким образом, в мировую историю. Автор проводит параллель между Ялтинской и Сочинской конференциями, если трактовать более глобально – между Второй мировой войной и современной мировой войной с

терроризмом, что придает тексту особый драматизм, а также служит средством убеждения читателя.

В случае с опережающей оценкой журналист моделирует ситуацию, которая могла бы произойти в будущем, позитивно или негативно оценивает ее, однако делает акцент на том, что причины моделируемой ситуации находятся в современности. Таким образом, журналист подталкивает читателя к выводу: если поступать определенным образом, результат действий будет положительным (Клушина, 2008: 113-114). Например:

«Сирийская армия одержала *победу, которая может ускорить решение одной из главных военных задач, стоящих сейчас перед Дамаском и Москвой,* — по снятию блокады с осажденного «Исламским государством» (организация запрещена в РФ) города Дейр-эз-Зор. Верные президенту Башару Асаду силы захватили Хамиму — населенный пункт в сирийской пустыне на стыке провинций Хомс и Дейр-эз-Зор. *Захват этого оазиса может стать переломным моментом в битве за Дейр-эз-Зор, который с 2014 года находится в осаде.<...> Разгром* окруженных отрядов резко ухудшит положение ИГ (организация запрещена в РФ) на подступах к Дейр-эз-Зору. Судя по всему, снятие осады с этого города теперь лишь вопрос времени. Для Дамаска это станет важной *психологической победой*. Битва за Дейр-эз-Зор — один из самых *драматичных* эпизодов сирийской войны. Напомним, еще недавно, в январе этого года, ситуация в провинции Дейр-эз-Зор для правительственных войск была *критической*. Тогда отряды ИГ (организация запрещена в РФ) развернули массированное наступление на город. Им удалось *рассечь пополам* оборонявшую Дейр-эз-Зор группировку и *заметно ее обескровить*. Впрочем, благодаря ударам российских ВКС и переброске по воздуху подкреплений правительственным силам удалось стабилизировать положение. После этого, несмотря на все усилия, боевики ИГ (организация запрещена в РФ) *так и не смогли существенно продвинуться* на этом участке фронта» (Юсин М., Строкань С., Степанов Г. Башар Асад отвоевывает нефть // "Коммерсантъ" №153 от 22.08.2017, с. 6).

В приведенном примере автор высоко оценивает победу сирийской армии, делает акцент на ее важности для хода войны и описывает потенциально возможный благополучный исход последующих военных действий. Дополнительное напряжение автор создает, обращаясь к прошлому – прежде проигранным битвам, которые он характеризует как максимально драматичные. Это позволяет не только оказать дополнительное психологическое воздействие на читателя, но также служит инструментом убеждения читателя в правильности оценки более свежих событий и, конечно, прогноза на будущее.

Б) Имплицитная оценка

Имплицитная оценка является высокочастотным приемом интерпретации медиасобытий в газете «Коммерсантъ». При этом авторы используют различные инструменты выражения оценочности.

Одним из приемов скрытой оценки служит использование эвфемизмов – замена понятий, которые представляются автору нежелательными, слишком резким (Шмелев, 1979: 402). Эвфемизмы позволяют сгладить, смягчить восприятие подаваемой информации, перевести обсуждение острых вопросов в более спокойное, бюрократическое русло. Например: «Разногласия по *курдскому вопросу* грозят распадом американской коалиции в Сирии, создание которой президент Барак Обама причисляет к своим главным достижениям в борьбе с группировкой "Исламское государство"» (Строкань С. Коалиция раскалывается о "Щит Евфрата" // "Коммерсантъ" №159 от 31.08.2016, с. 6) (организация запрещена в РФ); «Сергей Лавров призвал решить *сирийский вопрос, как иранский*, — коллективно» (Дудина Г. Приложением дюжинных усилий // "Коммерсантъ" №197 от 24.10.2015, с. 1). Подобная замена (слова «война» на «вопрос») часто встречается в материалах, посвященных переговорным процессам. Эвфемизмы «*курдский вопрос*», «*сирийский вопрос*», «*иранский вопрос*» помогают автору избежать негативного восприятия, смягчить восприятие, перевести дискуссию на военную тематику в более спокойное русло.

Встречается также оценка при помощи дисфемизмов. Дисфемизмы - это обозначения предметов, событий, героев более грубыми словами и выражениями. Дисфемизмы являются средством придания денотату большей степени негативнооценочной окраски и позволяют оказать отрицательное речевое воздействие на читателя.

В текстах из газеты «Коммерсантъ» часто встречается дисфемизм «*кровопролитие*», заменяющий собой нейтральные лексические единицы «столкновение», «конфликт», «война». Использование дисфемизма позволяет автору обличить действия сторон, развязавших войну, обратить внимание на реальную цену военных действий. Например: «Вчера глава МИД Ирана Джавад Зариф в очередной раз поддержал Дамаск, заявив, что ответственность за *кровопролитие* в Сирии несут те страны, которые призывают сместить Башара Асада» (Кузнецова О., Юсин М., Сафронов И. Сирийский конфликт вырос до греческого неба // «Коммерсантъ» № 163 от 08.09.2015, с. 6).

В следующем примере автор использует дисфемизм «*сотрясаемым*» применительно к регионам, втянутым в военные действия, что также позволяет ему создать напряжение, оказать психологическое воздействие на читателя, передать ужасы войны для гражданского населения: «...министры сошлись во мнении, что российские авиаудары по Сирии делают ситуацию в регионе, *сотрясаемом* гражданскими войнами и наступлением исламских террористов, лишь сложнее» (Тарасенко П. НАТО грозит России потерями в Сирии // «Коммерсантъ» № 186 от 09.10.2015, с. 7).

В немецком издании «Die Zeit» отмечается регулярное обращение к **концептуальной лексике**. Это обусловлено тематикой статей, общественно-политическим форматом издания, а также стремлением журналистов к подчеркнутой объективности.

Приведем несколько примеров:

- «Auch die russische *misija* in Syrien ist nicht vollendet. Noch wackelt Putins *Schützling* Assad, noch denkt keine Kriegspartei ans Aufgeben. Die Russen

verringern nur ihre *Präsenz*, verschwinden aber nicht wie 1989 aus Afghanistan. Die beiden *Stützpunkte* in Tartus und Latakia bleiben und können jederzeit wieder verstärkt werden. Einen Tag nach Putins Paukenschlag flogen seine *Bomber schwere Angriffe* gegen Palmyra. Der Rest der Welt rätselt zu Recht. Ist das wirklich das Ende der russischen *Expansionsphase*, die 2008 in Georgien begann, in der Ukraine zum *Landraub* führte und in Syrien in die offene *Kriegführung* mündete?» (Joffe J. Putins Paukenschlag im Krieg um Syrien // DIE ZEIT Nr. 13/2016, 17. März 2016. S. 1) («Русская миссия в Сирии еще не завершена. Асад, протезе Путина, еще колеблется, и ни одна сторона не думает сдаваться. Русские только уменьшают свое *присутствие*, но не исчезают, как из Афганистана в 1989 году. Две *военные базы* в Тартусе и Латакии функционируют и могут в любое время быть снова усилены. На следующий день после удара в литавры Путиным его *бомбардировщики* совершили тяжелые *нападения* на Пальмиру. Остальной мир теряется в догадках. Действительно ли это конец российской *фазы экспансии*, начавшейся в Грузии в 2008 году, приведшей к *захвату* части Украины и войне в Сирии?»).

Рассказ о военных действиях и политике всегда сопровождается использованием концептуальной лексики.

- «*De facto* bestehen also zwei parallele Pläne zur Einnahme Rakkas, die sich kaum in Einklang bringen lassen werden. Wenn Washington und Ankara sich nicht einigen, droht eine tiefe Verwerfung zwischen den *Nato-Alliierten*» (Musharbash Y. Warum schickt Trump ploetzlich Soldaten nach Syrien? // DIE ZEIT Nr. 13/2017, 23. Marz 2017. S. 9) («*Де-факто* существует два параллельных плана по взятию Ракки, которые вряд ли будут согласованы. Если Вашингтон и Анкара не найдут общий язык, есть угроза глубокого раскола между *союзниками по НАТО*»).

Латинское выражение *де-факто* используется в политике и означает то, что фактически уже существует в действительности, но еще не оформлено юридически.

Тематика журналистских материалов также обуславливает широкое использование названий различных международных и национальных организаций: НАТО, ООН, ИГ (организация запрещена в РФ) (в немецком языке IS - «Islamischer Staat», т.е. «Исламское государство», (организация запрещена в РФ)) и т.д. Авторы делают ставку на читателя, осведомленного о положении дел в мире, и обычно не расшифровывают аббревиатуры.

- «Eine große Idee, eine *Utopie*. Diese geteilte Utopie ist für sie die einzige Möglichkeit zur Erlösung. Sie ist der Übergang von der gemeinen Kriminalität zum islamischen Fundamentalismus» (Saviano R. Waffen, Männer, Geld und Tod // DIE ZEIT Nr. 15/2016, 31. März 2016. S. 2) («Прекрасная идея, *утопия*. Эта разделяемая *утопия* - единственный путь к спасению. Это переход от обычного преступления к исламскому *фундаментализму*»). *Фундаментализм* – понятие, используемое в языке политики для обозначения радикальных консервативных течений.

- «Vielmehr ist dies die Lage in Obamas achtem Jahr: krisenhafter (Wieder)Aufstieg Chinas und anderer Ex-Kolonisierter; Zerfall ganzer Staaten(-systeme) wie in Arabien; weltweite *Renaissance* des *Autoritären*; Wiederkehr von *Tribalismus* und Glaubenskriegen; Selbstschwächung des Westens durch einen *Kapitalismus*, der soziale Unwuchten verstärkt; Flüchtlingsströme als nächste *Globalisierungsstufe*» (Lau J., Joffe J. Hat er denn die Welt verbessert? // DIE ZEIT Nr. 18/2016, 21. April 2016. S. 6) («Такова ситуация восьмого года правления Обамы: кризисный подъем Китая и других в прошлом *колонизированных* стран; распад целых стран и государственных систем, как в Аравии; всемирный *ренессанс авторитаризма*; возвращение *трайбализма* и религиозных войн; ослабление Запада своими руками посредством *капитализма*, усугубляющего социальные дисбалансы; приток беженцев как следующий уровень *глобализации*»).

- «Dann kam die dritte Krise. Sie hat den bisher tiefsten Riss zum Vorschein gebracht. Millionen fliehen aus dem Mittleren Osten – Ende offen. *Destabilisiert* wurde die Region nicht zuletzt durch die *US-Außenpolitik*, besonders durch Bushs

Irakkrieg. In Europa profitieren die *Rechtspopulisten* von den Ängsten vor Chaos, *Überfremdung* und *Terror*» (Lau J. Möge die Macht mit dir sein! // DIE ZEIT Nr. 2/2016, 7. Januar 2016. S. 8) («Затем наступил третий кризис, который спровоцировал серьезный раскол. Миллионы людей бегут с Ближнего Востока, и пока конца этому не видно. Регион был не в последнюю очередь *дестабилизирован* в результате *внешней политики* Америки, в частности войны Буша в Ираке. Правые *популистские* партии по всей Европе играют на страхе перед хаосом, *Überfremdung* и *террором*»).

Überfremdung буквально означает «чрезмерную иностранность», то есть избыточную иммиграцию и, как следствие, доминирование иностранных влияний на общество и культуру. Термин появился в политике Германии в связи с ростом миграции. Закономерно, что он отсутствует в языке российских журналистов – так как Россия не принимала большого числа беженцев.

В словаре немецких журналистов можно встретить слова и выражения, не имеющие прямого перевода на русский язык. Их появление связано с особенностями политического, экономического, социального или культурного развития страны. Кроме того, интересно, что в современном немецком языке не просто много заимствований – большая часть лексики на английском языке используется в принципе без перевода. Это происходит как в письменной, так и в устной речи.

Например:

- «Deutschland übernimmt den Großteil der Fliehenden, während der US-Wahlkampf zum Wettbewerb der Schäßigkeit gegenüber syrischen Flüchtlingen verkommt. Es ist fast, als hätte ein Rollentausch stattgefunden: Deutschland als *home of the brave* (реминисценция), das sich zuversichtlich den Flüchtlingen öffnet, während Amerika tief verunsichert zwischen Rückzugssehnsucht und Drohgebärden schwankt. "Der *can-do-spirit* (*wir schaffen das!*) ist auf die andere Seite des Atlantiks gewechselt", schrieb der Deutschlandkenner der New York Times, Roger Cohen» (Lau J. Möge die Macht mit dir sein! // DIE ZEIT Nr.

2/2016, 7. Januar 2016. S. 8). («Германия приняла большое количество беженцев, в то время как предвыборные кампании в США по вопросу о приеме сирийских беженцев превратились в соревнование по жестокости. Как будто бы страны поменялись местами: Германия теперь стала «*Родиной храбрецов*», где люди без страха открывают свои двери беженцам, в то время как Америка нервно колеблется между желанием отступить и угрожающими жестами. «*Боевой дух* теперь находится по другую сторону Атлантики», - написал Роджер Коэн, эксперт по Германии из New York Times»).

Словосочетание «*home of the brave*» приводится без перевода. Это реминисценция на одноименный американский фильм (в русском переводе – «Родина храбрецов»), посвященный проблеме адаптации военнослужащих, служивших в Ираке.

«*Can-do-spirit*» – это устойчивое английское выражение, обозначающее «боевой дух». Журналист использует его в тексте без перевода, хотя дополняет немецким вариантом, имеющим созвучную позитивную коннотацию: «*wir schaffen das!*» - «мы справимся!»).

- «Stress unter Partnern hat es immer wieder gegeben, vor allem zu Zeiten der *Ostpolitik* und der Nato-Nachrüstung. Doch man hielt im Angesicht einer gespalteten Welt zusammen. Auch im Jahrzehnt nach dem Ende des Kalten Krieges ging das so weiter. Die USA waren der Hegemon, der die liberal-demokratisch-kapitalistische Weltordnung sicherte, in der die Bundesrepublik prosperierte: ein Allparteienkonsens, gegen den der *Antiamerikanismus* vom linken und rechten Rand keine Chance hatte» (Lau J. Möge die Macht mit dir sein! // DIE ZEIT Nr. 2/2016, 7. Januar 2016. S. 8). («В отношениях между партнерами всегда была напряженность, прежде всего во времена *Остполитики* и перевооружения НАТО. Но когда вы сталкиваетесь с разделенным миром, вы держитесь вместе. Так было в первое десятилетие после окончания холодной войны. США оставались гегемоном, который обеспечивал либерально-демократический-капиталистический мировой порядок, при котором

Германия процветала: межпартийный консенсус, в условиях которого *антиамериканизм* со стороны крайне левых и правых не имел шансов»).

Ostpolitik - «Остполитика», дословно может быть переведена как «восточная политика» или «политика на Востоке». Термин появился в немецком языке в конце 60-х годов XX века и означал нормализацию отношений между ФРГ и Восточной Европой, в частности, с ГДР.

Antiamerikanismus – «Антиамериканизм», означает неприязнь и противодействие американскому правительству, а также его политике и культуре США в целом. Как течение появилось в Западной Европе в середине прошлого века. Очень популярно в современной Германии.

- «Obamas Syrien-Entscheidung war ein Bruch mit dieser Welt, mit dem Washingtoner "Playbook", wie er selber sagt» (Lau J., Joffe J. Hat er denn die Welt verbessert? // DIE ZEIT Nr. 18/2016, 21. April 2016. S. 6) («Решение Обамы относительно Сирии стало разрывом с этим миром, с этим вашингтонским «плейбуком», как он сам говорит»).

Playbook – англицизм, который обозначает книгу, содержащую стратегии и правила игры. В буквальном смысле используется применительно к американскому футболу, а в переносном – как любой сборник инструкций.

- «Aus Sicht der Opfer der IS-Terroristen müssen all die Reden und diplomatischen Offensiven der vergangenen Tage wirken, als sei tatsächlich *D-Day* im Mittleren Osten – nur leider ohne Befreiungstruppen» (Bittner J., Thumann M. Es beginnt wieder, aber anders // DIE ZEIT Nr. 39/2014, 18. September 2014. S. 3) («С точки зрения жертв террористов ИГ (организация запрещена в РФ), все выступления и дипломатические выпады последних дней должны были сработать как «День Д» на Ближнем Востоке - но, к сожалению, без освободительных войск»)

D-Day – термин, который редко используется в российском медиа- или политическом дискурсах. Это военный термин, который означает начало

военных операций. Его появление относится к высадке союзных войск в Нормандии в 1944 году.

Помимо концептуальной лексики в текстах статей «Die Zeit» встречаются **разговорные, просторечные средства языка и жаргонизмы**. Их применение позволяет преодолеть книжность, официальность языка газеты и даже обрести журналистам свое лицо. Журналист, создавая медиатекст, старается оказаться как можно ближе к целевой аудитории, поэтому использует те приемы и элементы, что позволят ему установить наиболее эффективную форму контакта с адресатами (Полонский, 2015: 23). Поиск средств выражения экспрессии и оценки приводит к сниженным и нелитературным лексическим единицам, обладающими большими стилистическими ресурсами, а также способностью оживить газетную речь (Солганик, 2003: 261-268).

Разговорную, эмоциональную лексику, фразеологизмы журналисты часто используют для передачи отрицательной оценки, выражения пренебрежительного отношения к описываемому событию (Беглова, 2015б: 339). Кроме того, такой прием позволяет журналистам удерживать внимание читателя благодаря использованию неожиданных стилистических элементов (Stilistik der deutschen Sprache, 2009).

- «Wie in dieser Lage eine freiheitliche Ordnung gedeihen kann, weiß in Wahrheit niemand. Jedenfalls nicht durch *Machtgehab*, "Gleichgewichtspolitik" und die übliche ratlose Abfolge von *Schurkenknutschen* und –bombardieren» (Lau J., Joffe J. Hat er denn die Welt verbessert? // DIE ZEIT Nr. 18/2016, 21. April 2016. S. 6) («Никто на самом деле не знает, как порядок, основанный на свободе, может процветать в такой среде. В любом случае, не через *ужимки* при демонстрации силы, «политику баланса сил» или привычные растерянные *тисканья с подлецами*, а затем борьбы с ними при помощи бомб»). *Тисканья с подлецами* в данном тексте означает чрезмерное сближение стран в попытке найти консенсус, а в случае его невозможности – последующее вооруженное столкновение.

- «Bleibt ausgerechnet das von der Flüchtlingskrise *angeschlagene* Europa. Es geht *hier um Himmels* willen nicht um das nächste große Interventionsprojekt» (Böhm A. Wir Feiglinge // DIE ZEIT Nr. 20/2016, 4. Mai 2016. S. 1) («Остается только *изнуренная* кризисом с беженцами Европа. *Ради всего святого*, речь не идет о новом крупном интервенционном проекте»). *Ради всего святого* – разговорное выражение, усиливающее экспрессию и означающую страстную просьбу, мольбу.

Благодаря данному приему интерпретации авторское «я» в немецких журналистских текстах даже новостных жанров звучит достаточно громко. Диапазон стилистических средств расширяется за счет использования **экспрессивных и образных речевых средств**, придающих текстам субъективную модальность.

Как и в случае с газетой «Коммерсантъ», в газете «Die Zeit» образные речевые средства в заголовках позволяют адресантам задать вектор оценочной интерпретации событий и настроить читателей на оценочное восприятие описываемого. Например:

- «Im Auge des Orkans» (Hildebrandt T., Ulrich B. Im Auge des Orkans // DIE ZEIT Nr. 38/2015, 17. September 2015. S. 2-3). Дословный перевод фразеологизма, использованного в заголовке, – «*в глазу у бури*». Русским аналогом может послужить «*в эпицентре событий*», однако с максимально негативной коннотацией. Смысл заголовка раскрывается в корпусе статьи: ее темой служит количество кризисов, в центре оказалась Германия за время правления Ангелы Меркель.

- «*Möge die Macht mit dir sein!*» (Lau J. Möge die Macht mit dir sein! // DIE ZEIT Nr. 2/2016, 7. Januar 2016. S. 8) («Да прибудет с тобой сила!»). Реминисценция на фильм «Звездные воины», где эта фраза обычно произносится с целью пожелания удачи, когда герой сталкивался со сложной задачей. Немецкий автор желает удачи США, чье мировое лидерство, по его мнению, оказывается под вопросом, в том числе из-за развития ситуации в Сирии.

-«Hölle auf Erden» (Böhm A. Hölle auf Erden // DIE ZEIT Nr. 52/2016, 15. Dezember 2016. S. 1) («Ад на Земле»). Сложный концепт ада несет с собой массу значений: тьма, дно, огонь, муки, наказание и так далее, и таким образом, позволяет передать картину события при помощи минимального количества языковых средств.

- «Der Exodus von Tel Goran» (Henk M., Sussebach H. Der Exodus von Tel Goran // DIE ZEIT Nr. 52/2015, 23. Dezember 2015. S. 17-19) («Исход Тель Горана»). Созвучный с предыдущим заголовком вариант намекает на библейские сюжеты.

- «Wir Feiglinge» (Böhm A. Wir Feiglinge // DIE ZEIT Nr. 20/2016, 4. Mai 2016. S. 1) («Мы - трусы»). Концепт «трусость» тесно связан с концептом «страх» и означает недостойное поведение в сложной ситуации. В тексте трусливой называется Европа, которая не может принять решение относительно начала военных действий в Сирии.

- «Europa ist nicht im Krieg. Im Frieden aber auch nicht» (Brost M., Von Randow G., Ulrich B. Europa ist nicht im Krieg. Im Frieden aber auch nicht // DIE ZEIT Nr. 38/2014, 11. September 2014. S. 3) («В Европе нет войны. Но и мира тоже нет»). В противопоставлении двух концептов угадывается аллюзия на роман Л.Н. Толстого «Война и мир», которая усиливается при помощи графического оформления статьи: «Война» и «Мир» в заголовке были выделены особенно большим шрифтом.

Однако в целом, в газете «Die Zeit» преобладают полноинформативные комплексные заголовки, передающие или ряд элементов смысловой структуры текста, или его ключевой тезис (Беглова, 2015а: 153).

При помощи использования экспрессивных речевых средств в авторском нарративе выражается оценка описываемых событий журналистом. Например:

- «*Amerika wieder groß machen*» (Lau J. Möge die Macht mit dir sein! // DIE ZEIT Nr. 2/2016, 7. Januar 2016. S. 8) («Вернём Америке былое величие»).

Реминисценция на лозунг, применяемый американскими политиками, в первую очередь Дональдом Трампом.

- «Die Rückeroberung von Kobani, so *triumphieren* kurdische Politiker, sei "der Anfang vom Ende des Islamischen Staates". Das ist allerdings eine sehr kühne Voraussage» (Böhm A. Geschlagen, aber nicht besiegt // DIE ZEIT Nr. 5/2015, 29. Januar 2015. S. 9) («Повторное завоевание Кобани, согласно *триумфирующим* (слово с сильной эмоциональной окраской) курдским политикам, является «*началом конца* (фразеологизм) исламского государства» (организация запрещена в РФ). Тем не менее это *очень смелый прогноз* (эксплицитная оценка высказывания).

- «Russland, die sunnitische Türkei und der schiitische Iran präsentieren sich nun als ausdrücklich antiwestliche *Ordnungsmächte* in der Region. Moskau hat sich in Syrien mit seiner Luftwaffe und dank der *konfusen* US-Politik zurück zum Status einer Großmacht gebombt; Ankara hat unter Wladimir Putins Druck eine Kehrtwende vom erklärten Assad-Gegner zum Moskauer Juniorpartner vollzogen und die Bekämpfung der syrischen Kurden zum obersten Ziel erhoben. Bleibt der dritte Partner dieser höchst widersprüchlichen Allianz: Teheran» (Böhm A., Thumann M. Und der Sieger heißt: Iran // DIE ZEIT Nr. 4/2017, 19. Januar 2017. S. 6) («Россия, суннитская Турция и шиитский Иран теперь представляют собой подчеркнуто противоречащую западным державам *силу* (метафора) в регионе. Благодаря военной авиации и *ставящей в тупик* политике США Москва (олицетворение) вернула себе в Сирии статус *великой державы* (политические и публицистические номинации); Анкара (олицетворение) под давлением Владимира Путина совершила резкий разворот из противника Асада в *младшего партнера Москвы* (политические и публицистические номинации), и сделала борьбу против сирийских курдов одним из главных своих приоритетов. Остается третий партнер этого *крайне противоречивого* (прилагательное) *альянса*: Тегеран»). Прилагательные также работают на интерпретацию, участвуют в подчеркивании значения.

- «Es hat auch *ein verheerendes Zeichen* für die Diktatoren in anderen Ländern gesetzt: Kriegsverbrechen und Verbrechen gegen die Menschlichkeit lohnen sich wieder» (Böhm A. Hölle auf Erden // DIE ZEIT Nr. 52/2016, 15. Dezember 2016. S. 1) («Он также подал *разрушительный* (эпитет) сигнал диктаторам других стран: военные преступления и преступления против человечности – это выгодно»)

- «Die Flüchtlinge sind für die deutsche Innenpolitik eine *gewaltige* Herausforderung. Für die westliche Außenpolitik kommt ihr *Andrang* einem Offenbarungseid gleich. Dass sie kommen, hat ja eben nicht nur mit unserer Freundlichkeit, sondern auch mit der dunklen Seite unserer Politik zu tun. Noch in der *zu Recht gerühmten deutschen Willkommenskultur* zeigt sich das schlechte Gewissen darüber, *dem Krieg Assads gegen sein eigenes Volk* aus lauter *Erschöpfung und Ratlosigkeit* so lange zugesehen zu haben» (Lau J. Letztes Gefecht // DIE ZEIT Nr. 39/2015, 24. September 2015. S. 1) («Беженцы - *огромный* (эпитет) вызов внутренней политике Германии. Для западной внешней политики их *наплыв* (метафора) равносильна присяге. То, что они едут сюда, связано не только с нашим дружелюбием, но и с темной стороной нашей политики. В *прославленной немецкой культуре приветствия* (оценка, ирония) сквозит вина за то, что мы так долго наблюдали за *войной Асада против собственного народа* (негативная коннотация) из-за *полного измождения и беспомощности*» (негативная коннотация, усиление экспрессии).

Журналист создает образный ряд, которые несет подчеркнуто негативный посыл.

- «Terrorexperten *diagnostizieren*, es handele sich um "Selbstradikalisierung", um "homegrown terrorism"» (Lau J. Fetisch Gewalt // DIE ZEIT Nr. 26/2016, 16. Juni 2016. S. 1) («Специалисты в области терроризма *ставят диагноз* «саморадикализация», «доморощенный терроризм»). Автор сравнивает деятельность экспертов с работой врачей, чем провоцирует рождение ассоциативного ряда «терроризм» - «болезнь», «террористы» -

«больные люди», а также применяет характерную для политического дискурса концептуальную лексику (*Selbstradikalisierung* – саморадикализация) и намеренно не переводит с английского на немецкий словосочетание *homegrown terrorism* – *доморощенный терроризм*. Отсутствие перевода указывает на то, где зародился данный феномен, а именно – в США.

- «*Das historische Versagen von gestern holt die Kanzlerin heute ein. Als Erdoğan auf Europa zugeht, schlug sie ihm die Tür vor der Nase zu. Jetzt, da er sein Land von Europa wegdreht, da läuft sie ihm hinterher*» (Thumann M. Zur Not auch Partner // DIE ZEIT Nr. 42/2015, 15. Oktober 2015. S. 1) («Канцлера настигает вчерашний исторический провал. Когда Эрдоган приблизился к Европе, она захлопнула дверь перед его носом. Теперь, когда он отворачивает свою страну от Европы, она бежит за ним следом»).

Автор подчеркивает, насколько непоследовательную политику проводит Ангела Меркель. Метафоры *schlug sie ihm die Tür vor der Nase zu* (захлопнула дверь перед его носом), *läuft sie ihm hinterher* (бежит за ним следом) вызывают ассоциативную связь с влюбленной девушкой, которой возлюбленный интересен только тогда, когда он демонстрирует равнодушие.

Выражение *Das historische Versagen* (исторический провал) часто встречается в немецком языке политики и обозначает неправильные решения политических сил, которые привели затем к серьезным последствиям.

- «Die Vereinten Nationen berichteten am Dienstag von Massakern durch einrückende Assad-Truppen. In Aleppo, so ein UN-Sprecher, zeige sich ein "kompletter Kollaps der Menschlichkeit"» (Böhm A. Hölle auf Erden // DIE ZEIT Nr. 52/2016, 15. Dezember 2016. S. 1) («В Алеппо, по мнению представителя ООН, обрисовался "полный крах человечности"»)

Высокочастотным приемом в газете «Die Zeit» служат образные и когнитивные метафоры. Первые эксплицируются читателем как яркие образцы, служат украшением текста и приемом активизации адресатов информации. Вторые относятся к средствам имплицитной интерпретации.

Метафорические модели отражают состояние общественного сознания. В них отражается мировосприятие, понимание реальности. Сегмент дискурса военных действий в Сирии насыщен в метафорическом плане и значителен в плане тематическом.

Приведем примеры **образных метафор**.

- «Syrien ist kein Schlachtfeld, das sich Assad und der "Islamische Staat" aufteilen. Es ist ein *Flickenteppich* aus Gebieten unter der Kontrolle des Regimes, des IS sowie mehrerer Rebellengruppen, von denen einige zu Al-Kaida gehören, viele andere islamistisch sind und einige wenige das Etikett "moderat" verdienen» (Böhm A. Mit Bomben und Chlorgas // DIE ZEIT Nr. 37/2015, 10. September 2015. S. 7) («Сирия - это не поле битвы, разделенное между Асадом и Исламским государством (организация запрещена в РФ). Это *лоскутное одеяло* из районов, находящихся под контролем режима, ИГ (организация запрещена в РФ) и множества других повстанческих группировок, некоторые из которых принадлежат Аль-Каиде, другие (и их большинство) исламистам, а некоторые едва ли заслуживают ярлыка «умеренный»).

Метафора *Flickenteppich* – *лоскутное одеяло* – позволяет автору описать Сирию как страну, разделенную на множество кусков, не составляющих друг с другом единое целое, не подходящих друг другу, вырванных из разных историй, а оттого полных противоречий.

- «Dann braucht man einen *gedanklichen Fluchtpunkt am Ende des blutigen Korridors*» (Agarwala A. "Wenn es so weit ist" // DIE ZEIT Nr. 47/2016, 10. November 2016. S. 81) («Тогда необходимо определить *точку перспективы* в конце *кровавого коридора*»). «*Кровавый коридор*» - образная метафора, описывающая ужасы войны. «*Точка перспективы*» - некоторое далекое светлое будущее, которое настанет вместе с приходом мирного времени. В целом по своему смыслу и звучанию фраза напоминает устойчивое выражение в русском языке – «свет в конце туннеля».

- «Ein Bild kann eine Waffe des Humanismus sein» (Schulz M. Der Fuß // DIE ZEIT Nr. 44/2016, 20. Oktober 2016. S. 3) («Фотография может быть

оружием гуманизма»). Когнитивная метафора, в которой сталкиваются, казалось бы, несочетаемые метафорические модели (оружие относится к метафорической модели «война», гуманизм – «мир»), передает авторскую оценку значительной роли фотографии в деле просвещения и/или передачи информации о военных действиях.

Мы уже отмечали, что метафоры, основанные на восприятии цвета, звука, запаха, вкуса, температуры, имеют сильный воздействующий эффект. Они встречаются в языке политики в немецком СМИ.

- «Weil ihm niemand einen überzeugenden Plan unterbreitete, wie eine Bombardierung Syriens zur Stabilisierung beitragen könnte, entschied er sich gegen die eigene rote Linie: Nicht noch einen Irak, nicht noch ein Afghanistan, nicht noch ein Libyen» (Lau J., Joffe J. Hat er denn die Welt verbessert? // DIE ZEIT Nr. 18/2016, 21. April 2016. S. 6) («Поскольку никто не предоставил ему (Бараку Обаме – прим.пер.) убедительного пояснения, каким образом бомбардировка Сирии может способствовать стабилизации ситуации, он решил пересечь свою собственную красную линию: ни нового Ирака, ни Афганистана, ни Ливии не будет»).

Интересно, что метафора «красная линия» уже встречалась в текстах журналистов газеты «Коммерсантъ»: речь шла о переносном значении границы, которую российские военнослужащие требуют не пересекать авиации западных стран. В данном же тексте журналист использует метафору для обозначения преодоления президентом США собственных ментальных границ, паттернов поведения, и таким образом указывает на волевое решение сложных вопросов.

- «Allen voran die jungen, gut ausgebildeten Frauen haben offenbar eine immunisierende Waffe gegen den Info-Krieg und die Macht der Populisten gefunden: den kühlen Verstand» (Bota A. Immer ist es Putin // DIE ZEIT Nr. 52/2016, 15. Dezember 2016. S. 1) («Прежде всего, молодые, хорошо образованные женщины обладают, по-видимому, оружием, невосприимчивым к информационной войне и власти популистов: холодным

разумом»). Метафоры *der kühle Verstand* - *холодный разум* – подчеркивает рассудок, превосходство самоконтроля над эмоциями.

- «Kriegsverbrechen lohnen sich wieder – und die ganze Welt schaut zu. Das ist die *bittere Wahrheit* von Aleppo» (Böhm A. Hölle auf Erden // DIE ZEIT Nr. 52/2016, 15. Dezember 2016. S. 1) («Военные преступления снова набирают силу – и весь мир наблюдает. Это - *горькая правда* про Алеппо»)

Когнитивные метафоры – это неотъемлемая часть культурной парадигмы носителей любого языка. Ряд когнитивных метафор надежно укоренился в сознании людей и уже не воспринимается как метафоры. Данное свойство дает возможность получить данные о структурах сознания и восприятия мира.

- «Auf den Trümmern der Stadt soll es Anfang der Woche *Freudentänze* gegeben haben» (Böhm A. Geschlagen, aber nicht besiegt // DIE ZEIT Nr. 5/2015, 29. Januar 2015. S. 9) («На развалинах города в начале недели должны были быть *радостные танцы*»). Описывая радость в городе от перехода его в руки союзнической армии, автор употребляет когнитивную метафору *Freudentänze* – *радостные танцы*. При этом он имеет в виду просто приподнятое настроение, а не то, что жители города в буквальном смысле танцевали на развалинах.

- «Das ist nicht nur ein politisches Risiko – denn die ohnehin nicht widerständige Bevölkerung der Stadt könnte sich vollends mit dem IS solidarisieren, gegen die *verhassten* USA. Es ist auch *eine Bankrotterklärung* für die UN, die sich vor ihrer Schutzverantwortung drücken» (Finger E. Vor aller Augen // DIE ZEIT Nr. 9/2015, 26. Februar 2015. S. 1) («Это не просто политический риск - потому что и без того не сопротивляющееся население города могло бы проявить солидарность с ИГ (организация запрещена в РФ), объединившись против *ненавистных* (слово с сильной негативной окраской) США. Это также *объявление о банкротстве ООН*, которая уклоняется от ответственности защищать город»). Метафора *объявление о банкротстве* применяется автором в отношении ООН – нефинансового учреждения,

которое в принципе не может испытывать неплатежеспособность. В метафорическом смысле автор указывает на неспособность выполнять взятые на себя обязательства.

Аналогичная метафора с банкротством в значении краха, провала, неудачи встречается и в другом тексте: «Die Menschenrechtspolitik der Vereinten Nationen ist moralisch *bankrott*» (Lauder R. Menschenrechthaberei // DIE ZEIT Nr. 25/2016, 9. Juni 2016. S. 11) («Политика Организации Объединенных Наций в области прав человека морально *обанкротилась*»)

- «Barack Obama reist vor dem Ende seiner Amtszeit noch einmal in befreundete Staaten, am Wochenende nach Deutschland. Zeit, Bilanz zu ziehen über seine Außenpolitik. Der Präsident ist noch auf Abschiedstour, da trudeln schon die ersten *Nachrufe* ein» (Lau J., Joffe J. Hat er denn die Welt verbessert? // DIE ZEIT Nr. 18/2016, 21. April 2016. S. 6) («До конца своего президентского срока Барак Обама еще раз посетит дружественные государства, в выходные он прибудет в Германию. Время подвести итоги его внешней политики. Президент еще находится в прощальном туре, а уже выходят первые *некрологи*»). *Некролог* – это публикация, посвященная умершему, характеризующая его жизненный путь. В данном тексте *некролог* является когнитивной метафорой, ведь речь идет не о смерти президента, а всего лишь об окончании срока его полномочий.

- «Über zwei Dutzend Abgeordnete aus vier europäischen Ländern – Großbritannien, Frankreich, den Niederlanden und Deutschland – haben nun ihre Regierungen aufgefordert, die *Hungerringe* mit *Luftbrücken* zu durchbrechen, und zwar mithilfe der Flugzeuge, die in Syrien gegen den IS im Einsatz sind» (Böhm A. Wir Feiglinge // DIE ZEIT Nr. 20/2016, 4. Mai 2016. S. 1) («Более двух десятков парламентариев из четырех европейских стран - Великобритании, Франции, Нидерландов и Германии - теперь призывают правительства своих стран разорвать *кольца голода* при помощи *воздушных мостов*, использовать самолеты, действующие в Сирии против ИГ») (организация запрещена в РФ)

Hungerringe – дословно «кольца голода» - используется для описания тяжелой ситуации с обеспечением мирного населения в Сирии продовольствием.

Luftbrücken – или «воздушные мосты» - также является когнитивной метафорой. В Германии понятие «воздушного моста» тесно связано с кризисом обеспечения населения продовольственными и промтоварами во время блокады Западного Берлина Советским Союзом (сразу после окончания Второй мировой войны).

- «Barack Obama wollte den Krieg gegen den Terror beenden. Doch jetzt ziehen die USA in den Kampf gegen den IS. Die *politische Rechnung* wollen sie nicht allein bezahlen» (Bittner J., Thumann M. Es beginnt wieder, aber anders // DIE ZEIT Nr. 39/2014, 18. September 2014. S. 3) («Барак Обама хотел положить конец войне с террором. Но теперь США борются с ИГ (организация запрещена в РФ). Они не хотят в одиночку оплачивать *политический счет*»).

Politische Rechnung – *политический счет* – когнитивная метафора, в переносном смысле намекающая на данные обещания, которые теперь необходимо выполнять.

В том же тексте встречается метафора «*Washingtoner Fieber*», то есть «*Вашингтонская лихорадка*», сравнивающая стремление нескольких поколений американских президентов развязывать войны с исламскими государствами (организация запрещена в РФ) и характеризующая его как заразную болезнь.

- «Bis weit nach Deutschland hinein reichen die *Tentakel* der Terrorgruppe "Islamischer Staat"» (Burcak Belli O., Böhm A., Bühler A. Die Geschäfte des Kalifen // DIE ZEIT Nr. 49/2014. S. 6-8) («*Щупальца* террористической группировки «Исламское государство» (организация запрещена в РФ) проникают далеко в Германию»). Когнитивная метафора *Tentakel* - *щупальца* в метафорическом смысле сравнивает Исламское государство (организация запрещена в РФ) со спрутом.

- «Jetzt ist die *Armee des Hasses* also auch über die kleinen Dörfer am Fluss Chabur hergefallen» (Finger E. Vor aller Augen // DIE ZEIT Nr. 9/2015, 26. Februar 2015. S. 1) («*Армия ненавистников* совершила набег на небольшие деревни вдоль реки Чабур»). *Армия ненавистников* – метафора, описывающая армию Исламского государства (организация запрещена в РФ), славящуюся своей жестокостью.

Редко, но в текстах немецких журналистов встречается также **метафора персонификации**.

- «Die Feindschaften zwischen kurdischen Fraktionen in der Türkei, in Syrien und im Irak sind alt. Sie beruhen auf ideologischen Differenzen, überdimensionierten Egos ihrer Führer und deren Anspruch, der erste und einzige *Vater* des gesamtkurdischen Traumes zu sein: der Gründung eines eigenen *Staates*» (Böhm A. Geschlagen, aber nicht besiegt // DIE ZEIT Nr. 5/2015, 29. Januar 2015. S. 9) («Между курдскими группировками в Турции, Сирии и Ираке давняя неприязнь. Среди ее причин - идеологические различия, огромное эго их лидеров и притязание стать первым и единственным *отцом курдской мечты*, а именно – отдельного государства»).

Vater Staat, то есть в буквальном переводе «государство-отец», является метафорой персонификации. Обычно используется с ироничной тональностью и приписывает государству отцовскую роль, то есть роль заботливого и справедливого, а иногда и строгого авторитетного родителя, который регулирует общественный порядок и, в конечном итоге, жизнь каждого человека.

Метафора «государство-отец» является политической метафорой и часто встречается в политических дебатах.

Публицистические метафоры являются эксплицитным средством интерпретации и также носят устойчивый характер в немецкой прессе. В российском и немецком медиадискурсе используются одинаковые метафорические модели («игры», «войны», «спорта», «болезни» и

«излечения»). Однако в немецкой прессе публицистические метафоры встречаются достаточно редко.

- «Die Stadt ist für den IS strategisch wichtig, weil durch sie Hauptverkehrsrouen vom syrischen Rakka ins irakische Mossul laufen – beides *Hochburgen* des Kalifats» (Böhm A. Geschlagen, aber nicht besiegt // DIE ZEIT Nr. 5/2015, 29. Januar 2015. S. 9) («Город стратегически важен для ИГ (организация запрещена в РФ), потому что через него проходят основные транспортные маршруты из сирийской Ракки в иракский Мосул - две *цитадели* халифата»). Метафора *цитадель* означает оплот, твердыню (Бессарабова, 2015: 157).

- «Um Baschar al-Assad vor dem *Sturz* zu bewahren, erhielt 2013 zunächst die Hisbollah den Marschbefehl in Richtung Syrien» (Böhm A., Thumann M. Und der Sieger heißt: Iran // DIE ZEIT Nr. 4/2017, 19. Januar 2017. S. 67) («Чтобы спасти Башара Асада от *падения*, Хезболла получила приказ маршировать в сторону Сирии в 2013 году»). *Падение* – прекращение существования, быть свергнутым (Бессарабова, 2015: 132)

Оценочность является одним из важных средств интерпретации в газете «Die Zeit». Эксплицитная (открытая) и имплицитная (скрытая) оценки реализуются при помощи лексико-семантических приемов интерпретации.

А) Эксплицитная оценка:

Открытая оценка реализуется в текстах газеты «Die Zeit» благодаря использованию ярлыков, а также оценки через сравнение.

Приведем несколько примеров употребления ярлыков:

- «Wer diese Frage beantworten will, muss diese Krise durch vorangegangene Krisen in Merkels Leben sehen, muss verstehen, dass Merkel die deutsche *Krisenkanzlerin* par excellence ist» (Hildebrandt T., Ulrich B. Im Auge des Orkans // DIE ZEIT Nr. 38/2015, 17. September 2015. S. 2-3) («Любой, кто хочет ответить на этот вопрос, должен рассматривать текущий кризис через призму предыдущих кризисов в жизни Меркель и должен понять, что Меркель преимущественно является немецким *канцлером кризиса*»).

«*Kanzler krisisa*» - широко распространённый в немецком медиадискурсе ярлык, используемый для подчеркивания негативного отношения к политике Ангелы Меркель. Используемый ранее ярлык «*Mutti*» - «*Мамочка*» - обладал позитивной коннотацией, а сейчас встречается крайне редко или используется в ироничном ключе.

- «*Henker des eigenen Volkes*» (Böhm A. *Henker des eigenen Volkes* // DIE ZEIT Nr. 7/2017, 9. Februar 2017. S. 1) («*Палач собственного народа*»). Лаконично описывая Башара Асада, автор акцентирует внимание на жертвах и создает компрессию событий.

- «*Der Dissident in der Pennsylvania Avenue*» (Lau J., Joffe J. *Hat er denn die Welt verbessert?* // DIE ZEIT Nr. 18/2016, 21. April 2016. S. 6) («*Диссидент с Пенсильвания-авеню*). Речь идет о Бараке Обаме, принявшем во время своего правления ряд нестандартных для традиционной внешней политики США решений.

- «*Diktator*» («*Диктатор*») – ярлык, используемый для упоминания в журналистских текстах Башара Асада, не называя его имени.

Оценка через сравнение заключается в сопоставлении явлений, понятий, людей, событий с последующим сравнением (имплицитным или эксплицитованным) (Клушина, 2008: 112). Является высокочастотным средством интерпретации и выражения оценочности.

- «*Der Mafia-Kenner Roberto Saviano schlägt vor, dass man den "Islamischen Staat" wie eine kriminelle Organisation versteht. Dann könne man ihn auch besser bekämpfen*» (Saviano R. *Waffen, Männer, Geld und Tod* // DIE ZEIT Nr. 15/2016, 31. Marz 2016. S. 2) («*Эксперт по мафии Роберто Савиано предлагает воспринимать Исламское государство (организация запрещена в РФ) как преступную организацию. Тогда с ним можно было бы бороться эффективнее*»). Сравнение государства со знаменитой итальянской криминальной группировкой, чье название само по себе стало нарицательным, во-первых, десакрализирует само понятие государства, во-

вторых, имплицитно указывает на то, что для его победы хороши любые средства.

- «Diese Täter sind *Ich-AGs* des Terrors, und der IS ist ein *Franchise-Unternehmen*» (Lau J. Fetisch Gewalt // DIE ZEIT Nr. 26/2016, 16. Juni 2016. S. 1) («Эти преступники являются *предпринимателями* типа «Ich-AG», а ИГ (организация запрещена в РФ) - *франчайзинговым бизнесом*»)

Выражение «*Ich-AG*» не имеет дословного перевода на русский. Впервые оно прозвучало в связи с проектом по борьбе с безработицей 2002 года и означает безработного, который открывает свое дело, получив на это специальный грант. Франчайзинг представляет собой продажу моделей готового бизнеса.

Сравнение террористов и Исламского государства (организация запрещена в РФ) с определенными типами бизнеса позволяет автору указать не только на изначально меркантильные стремления последователей ИГ (организация запрещена в РФ), но также определить роли (террористы беспомощны и их существование невозможно без тех, кто выдает им «грант» на ведение деятельности; ИГ (организация запрещена в РФ) – «машина» по продаже «франшиз») и подчеркнуть цинизм ситуации.

- «Der Irakkrieg – mit seiner neuen Technologie der Nachtsichtgeräte – nahte *im Look des Computerspiels*. Unser Blick auf die Zerstörung Syriens fällt aus den Kameraaugen amerikanischer Drohnen, es sind Luftaufnahmen wie *entrückte Trailer zu einer Katastrophenserie in der siebten Staffel*» (Schulz M. Der Fuß // DIE ZEIT Nr. 44/2016, 20. Oktober 2016. S. 3) («Война в Ираке – с новыми приборами ночного видения – обрела *образ компьютерной игры*. Разрушение Сирии нам показывают камеры американских беспилотников - эти воздушные снимки похожи на *увлекательный трейлер к серии катастроф седьмого сезона*»). Сравнение войн с компьютерными играми и сериалами намекает на нереальность происходящего.

- «Samuel Huntington lag falsch mit seinem "Kampf der Kulturen" zwischen Orient und Okzident. Die islamische Welt von Aleppo bis Islamabad ist eine

"Kultur des Kampfes". Was in diesem Bogen der Blutrünst geschieht, hält keinen Vergleich mit Charlie Hebdo, Madrid 2004, London 2005, auch nicht mit den 3.000 Opfern von 9/11 aus. Sissi hat recht: Die Umma "zerreißt sich selber"» (Joffe J. Fluch der Ideologie // DIE ZEIT Nr. 3/2015, 15. Januar 2015. S. 6) («Сэмюэль Хантингтон ошибся, говоря о «борьбе культур» между Востоком и Западом. Исламский мир от Алеппо до Исламабада – это сама «культура борьбы». Эти кровавые реки не могут сравниться ни с Charlie Hebdo, ни с Мадридом-2004, ни с Лондоном-2005, ни с 3000 жертв 11 сентября. Сисси права: Умма "разрывает сама себя"»). Автор проводит параллели между сирийскими событиями и громкими терактами последних лет, и заключает, что ни один из них не может сравниться по жестокости с действиями ИГ (организация запрещена в РФ).

Следующий отрывок может послужить примером исторической оценки:

- «Heute haben sie nicht marode Imperien gegen sich, sondern die Staatenwelt. Diese Koalition lässt sich nur mit dem Anti-Hitler-Bündnis vergleichen. Amerika und Russland, der Iran und die sunnitischen Staaten, England und Frankreich – dreißig Länder. Es ist eine Allianz voll merkwürdiger Bundesgenossen. Dennoch gehorchen sie einem überragenden Interesse. Sie haben sich zusammengefunden, um einen Feind zu schlagen, der das Staatensystem demontieren will. Der *sacro egoismo* der Nationen ist stärker als die sonstigen Konflikte» (Joffe J. Die Schwäche der Weltenzünder // DIE ZEIT Nr. 1/2016, 30. Dezember 2015. S. 1) («Сегодня против них не утомленные империи, а целый мир государств. Эту коалицию можно сравнить только с антигитлеровским альянсом. Америка и Россия, Иран и суннитские государства, Англия и Франция - тридцать стран. Это союз странных союзников. Тем не менее они подчиняются первостепенному интересу. Они собрались вместе, чтобы нанести удар по врагу, который хочет разрушить государственную систему. Священный эгоизм наций сильнее других конфликтов).

Автор сравнивает факт международного единения против ИГ (организация запрещена в РФ) с ситуацией времени второй мировой войны, когда государства забыли на время про спорные моменты и сплотились ради достижения общей цели – уничтожения Гитлера и свержения фашистского режима. Такая историческая оценка, во-первых, позволяет автору сделать акцент на беспрецедентности ситуации, сложившейся на мировой арене, во-вторых, подчеркнуть важность и глобальность цели, стоящей перед государствами, а в-третьих, выразить собственное одобрение.

Отдельного внимания заслуживает аллюзия *sacro egoismo* – «священный эгоизм». Это термин, определяющий социологический подход в западном обществе, в котором окончательный авторитет в отношении религиозного мышления и толкования принадлежит человеку. Однако в большей степени *sacro egoismo* известен благодаря прецедентному тексту: эта фраза прозвучала в выступлении итальянского политика Антонио Саландра в 1914 году. Она ознаменовала смену международной политики Италии, разворот в сторону национализма, что в дальнейшем привело к вступлению страны в первую и вторую мировые войны.

Б) Имплицитная оценка

Имплицитная оценка в газете «Die Zeit» реализуется при помощи метафор (которые по самой своей природе несут на себе отпечаток оценочности), дисфемизмов, контекста, внедрения фактологической информации в концептуальную.

- «Spitzt sich diese Entwicklung zu, dann stünden die USA und ihre Verbündeten im Kampf gegen den IS wieder vor dem Dilemma, um das sie sich seit Monaten herumdrücken: Wie will man in Syrien erfolgreich den IS bekämpfen, wenn man gleichzeitig die Gräueltaten des Assad-Regimes ignoriert?» (Böhm A. Geschlagen, aber nicht besiegt // DIE ZEIT Nr. 5/2015, 29. Januar 2015. S. 9) («В случае дальнейшего развития событий США и их союзники в борьбе с ИГ (организация запрещена в РФ) снова столкнутся с дилеммой, с которой они боролись в течение многих месяцев: как успешно справиться с

ИГ (организация запрещена в РФ) в Сирии, если *зверства* режима Асада игнорируются?»). Дисфемизм *зверство* - слово с ярко выраженной коннотацией – позволяет автору передать собственную негативную оценку событий, происходящих в стране под управлением Башара Асада.

- «Die Vereinten Nationen berichteten am Dienstag von *Massakern* durch einrückende Assad-Truppen» (Böhm A. Hölle auf Erden // DIE ZEIT Nr. 52/2016, 15. Dezember 2016. S. 1) («Организация Объединенных Наций сообщила во вторник о *бойнях* в результате действий войск Асада»). Замена слова *бой* словом *бойня* указывает на особенно разрушительную силу происходящих событий, на жестокость и большое число убитых и пострадавших людей.

- «Im Vietnamkrieg war es der erste Einsatz von Fernsehkameras, der das *Blutvergießen* für die Amerikaner zu Hause erlebbar machte» (Schulz M. Der Fuß // DIE ZEIT Nr. 44/2016, 20. Oktober 2016. S. 3) («Во время войны во Вьетнаме впервые были использованы телевизионные камеры, что позволило американцам наблюдать за *кровопролитием* прямо из дома»).

- «Assad zielte nicht auf die islamistischen Hardliner ab. Deren Führer wurden schon 2011 größtenteils aus der Haft entlassen. Er verfolgte *vielmehr Ärzte, Rechtsanwälte, Lehrer, Intellektuelle, kritische Militärs. Jene Schicht also, die man für einen Übergang zu demokratischeren Verhältnissen brauchte*» (Böhm A. Henker des eigenen Volkes // DIE ZEIT Nr. 7/2017, 9. Februar 2017. S. 1) («Асад не преследовал жестких исламистов. Многие их лидеры были освобождены из тюрьмы в 2011 году. Он преследовал *врачей, юристов, учителей, интеллигенцию, военных – всех, кто необходим для перехода к более демократическому режиму*»). Негативная оценка закладывается не в сему номинации, а эксплицируется в ее словесном окружении.

- «Dann kam Putin. Vor einem Jahr griff er an der Seite Assads in den Krieg ein. Zu Ostern 2016 eroberte die russisch-syrische Koalition Palmyra zurück. Ihr erster großer Sieg, der erste große militärische Sieg über den IS überhaupt. Es war der Moment, als Baschar al-Assad für viele Leute im Westen *vom bösen Diktator zum kleineren Übel wurde*» (Coen A., Henk M. Im Reich des Löwen // DIE ZEIT

Nr. 49/2016, 24. November 2016. S. 15-17) («Затем пришел Путин. Год назад он вмешался в войну, встав на сторону Асада. К Пасхе в 2016 года российско-сирийская коалиция отвоевала Пальмиру. Ее первая большая победа, первая крупная военная победа над Исламским государством (организация запрещена в РФ) в целом. Тогда Башар Аль-Асад для многих людей на западе *из злого диктатора превратился в меньшее зло*»).

На первый взгляд может показаться, что в данном абзаце имплицитно передается положительная оценка действий Путина: он пришел в Сирию, была одержана первая крупная победа, Пальмира – важный сирийский город – была отвоевана. На самом деле на глубокую негативную оценку намекает последнее предложение: диктатор Башар Асад не может даже сравниться с Путиным, который и есть подлинный диктатор, «большее зло».

Немецкие журналисты также используют прием внедрения фактологической информации в концептуальную. В таком случае авторы концентрируются на одной стороне события и полностью игнорируют другие.

К примеру, статья под заголовком «Vor aller Augen» («У всех на глазах») из газеты «Die Zeit» № 9 от 26.02.2015 открывается следующей фразой: «Der "Islamische Staat" mordet weiter – und der Westen überlegt, was er alles falsch gemacht hat» (Finger E. Vor aller Augen // DIE ZEIT Nr. 9/2015, 26. Februar 2015. S. 1) («Исламское государство (организация запрещена в РФ) продолжает убивать, а Запад размышляет над тем, что он сделал не так»). Такое начало, во-первых, передает оценку автора событий, во-вторых, представляет факты как нечто всем известное и неоспоримое, а в-третьих, задает тон статье, в которой концентрируется исключительно на одной стороне событий, а именно – преступлениях ИГ (организация запрещена в РФ) и бездействии западных стран.

В статье «Wir Feiglinge» («Мы – трусы») из газеты «Die Zeit» №20 от 04.05.2016 автор пишет:

«Nein, der IS ist nicht die tödlichste Kriegspartei in Syrien. Das ist mit großem Abstand das Regime. Und: Ja, alle Kampfparteien begehen Kriegsverbrechen. Aber keine bombardiert und stranguliert mit solcher Systematik die Zivilbevölkerung, wie es das Regime mit russischer und iranischer Hilfe tut. Assads Luftwaffe attackiert gezielt Krankenhäuser, Schulen, Marktplätze, auf denen Menschen Schlange stehen für das Wenige, was es noch zu kaufen gibt. In manchen belagerten Städten ernähren sich Bewohner von Gras und "Suppe" aus Wasser und Gewürzen. Kinder sterben an Unterernährung, Kranke aus Mangel an Medikamenten» (Böhm A. Wir Feiglinge // DIE ZEIT Nr. 20/2016, 4. Mai 2016. S. 1) («Нет, ИГ (организация запрещена в РФ) – это не самая смертоносная сила в Сирийской войне. С большим отрывом лидирует режим. И да, все участники борьбы совершают военные преступления. Но никто не бомбардирует и не душит гражданское население так систематично, как это делает режим при помощи России и Ирана. ВВС Асада нападают на больницы, школы, рынки, где люди стоят в очереди за тем немногим, что можно купить. Жители некоторых осажденных городов питаются травой и «супом» из воды со специями. Дети умирают от истощения, больные - от нехватки лекарств»).

Россия упоминается исключительно в негативном ключе. Ее миротворческие цели полностью игнорируются. Страна упоминается исключительно в связи с поддержкой режима Асада (который и представляется автору главным злом).

В тексте встречаются идиоматические способы отражения осуждения российских военных за смерть невинных людей в Сирии. Связь между переживаниями за судьбы мирного населения и соматическими ощущениями относятся к знаниям об эмоциональных состояниях читателя.

Аналогичным образом журналист указывает на тот факт, что одной из причин смертности в Сирии является голод, однако преподносит его как результат действий российских военных. В тексте делается акцент на страданиях сирийского народа (цель – вызвать сочувствие у читателей) и

роли в этом России (цель – как минимум усомниться в верности официальных заявлений об участии страны в конфликте с целью стабилизации ситуации). Следствие и причина связаны метафорически.

Выводы

В газете «Коммерсантъ» интерпретация при помощи лексико-семантических приемов реализуется в использовании тропов в сильных позициях текста (в первую очередь, в заголовках). Высокочастотным приемом интерпретации медиасобытия является использование метафор, в первую очередь, публицистических, с меньшей частотностью образных и когнитивных.

В газете «Die Zeit» преобладает эмоционально насыщенная подача. Ставка делается на образность, на «картинку» события, что заставляет авторское «я» громко звучать в материалах и «работает» на выражение как имплицитной, так и эксплицитной оценки медиасобытий. Высокочастотным приемом интерпретации является использование метафор, в первую очередь – образных и когнитивных.

2.3. Текстовые и композиционные приемы интерпретации медиасобытия

Информационные жанры журналистики подразумевают максимальную объективность, обезличенность в подаче информации. С этим связано преобладание в композиционно-речевой структуре текста стандартизированных речевых средств, а также использование традиционных композиционных моделей построения текста («перевернутая пирамида» и т.д.). Все это создает и подчеркивает объективность передачи информации, максимальную отстраненность автора новостного материала при оперативной и по возможности лаконичной передаче актуальной информации (Бельчиков, 2001: 90).

Проведенный анализ образных средств интерпретации медиасобытия показал, что в современных текстах информационных жанров нередко

присутствуют элементы анализа и, соответственно, речевые средства оценки. Однако интерпретации медиасобытия достигается при помощи не только речевых, но также и структурных средств: композиции, деталей, сопоставлении данных, мнений, точек зрения участников событий и экспертов, использовании фрагментов текста с очевидными чертами очерковой зарисовки, и др.

Убеждение при помощи композиции, деталей и обращения к экспертам широко применяется журналистами газеты «Коммерсантъ». Нарративная организация статьи позволяет авторам сохранять объективность, реализовав при этом глобальную авторскую интенцию убеждения. Как отмечает А.Г. Пастухов, успех в продвижении какого-либо мнения или идеи часто связан с достижением максимального коммуникативного эффекта, когда сообщение приходит из разных источников. Убеждение, реализованной при помощи данной тактики, позволяет добиться успеха в реалиях информационной войны, в которой мы живем (Пастухов, 2016: 135).

Традиционной для новостных заметок и статей в газете «Коммерсантъ» композицией является «перевернутая пирамида». В лиде обозначается новостной повод. Корпус статьи состоит из чередования нарративов, приведения экспертных мнений российских и иностранных специалистов. Отметим, что прием использования в одном тексте мнений различных, часто противоборствующих сторон, является характерным для современных качественных СМИ (Дубровская, Кожемякин, 2015: 122). Он также связан с репрезентацией категорий «свои» - «чужие». Прием обращения к иностранным экспертам обладает повышенной значимостью, так как читателям свойственно особенно доверять людям вне системы. Обращение к «чужим», а не к «домашним» экспертам позволяет создать эффект нейтральности и объективности при подаче материала. Через экспертные комментарии излагаются факты и оценки события.

Обратимся к статье «Враг должен быть обозначен» в газете «Коммерсантъ» №181 от 02.10.2015. Она имеет традиционную для

информационно-аналитических текстов композицию «перевернутой пирамиды». Тема сообщения раскрывается в заголовке и подзаголовке: «"Ъ" изучил реакцию российских мусульман на участие РФ в сирийском конфликте». Лид раскрывает детали сообщения: «Как отмечают эксперты, многими российскими мусульманами режим Башара Асада воспринимается не лучше, чем ИГИЛ (организация запрещена в РФ), поэтому представителям духовенства следует как можно тщательнее разъяснить позицию государства по этому вопросу». За лидом следует корпус (основной текст), несущий подробности, детали и дополнительные факты по теме. В нём раскрывается основная идея, заложенная в заголовочном комплексе. Корпус статьи целиком состоит из цитат экспертов. Статья строится на субъективных оценках экспертов, а не на презентации «сухой» фактологической информации.

«В четверг, спустя день после начала российской военной операции против террористической организации ИГИЛ (организация запрещена в РФ), после того как самолеты ВКС РФ нанесли несколько ударов по объектам в Сирии, глава СМР Равиль Гайнутдин выступил с развернутым и обстоятельным обращением единоверцам. <...> "Война, насилие и терроризм (универсальные концепты) обернулись трагедией для миллионов беженцев (негативная коннотация)", а "неэффективные (оценка) бомбардировки вооруженных сил США и их союзников" не дали ожидаемого эффекта, говорится в обращении главы СМР» (Туманов Г., Коробов П. Враг должен быть обозначен // «Коммерсантъ» №181 от 02.10.2015, с. 3).

Эмоциональный эффект посылы главы СМР усиливается в тексте аналогичными цитатами из обращений представителей Межрелигиозного совета России, а также РПЦ. Такой выбор экспертов позволяет сделать вывод об отсутствии разногласий между различными религиозными течениями, когда дело касается единого для всех врага, безусловного зла – войны.

Далее автор приводит несколько экспертных оценок, обосновывающих недовольство, появившееся среди российских мусульман в связи с

вмешательством РФ в ситуацию в Сирии. Дело в том, что российские бомбардировки в Сирии прошли под эгидой поддержки действующего в стране режима Башара Асада, который мусульмане, напротив, горячо не поддерживали. «Исламский активист Али Чаринский подтверждает: "Реакция на новости о бомбардировках была резко негативной (эпитет, оценка). *Очень многие мои знакомые* (обобщение), даже настроенные против ИГ (организация запрещена в РФ), *разочарованы*, считая, что Россия решила поддержать Асада, который для мусульман — *злейший враг* (эксплицитная оценка)". "Он творит *ужасные вещи* (эксплицитная оценка), используя касетные бомбы и ядовитые вещества при борьбе с мирным населением. России стоит подчеркнуть, что она борется в Сирии с террористами, а не за Асада",— считает господин Чаринский» (Туманов Г., Коробов П. Враг должен быть обозначен // «Коммерсантъ» №181 от 02.10.2015. с. 3).

Завершается текст заключением, которое ещё раз подчеркивает суть события и главную мысль журналиста. В данную сильную позицию текста автор вновь выносит цитату эксперта: «Политолог и эксперт по Ближнему Востоку Георгий Мирский отмечает, что на фоне боевых действий в Сирии российским властям нужно усилить разъяснительную работу среди мусульман. "Нужно активно внушать, что никто не считает Асада безгрешным, но он — *наименьшее зло* (фразеологизм) по сравнению с *головорезами* (пейоративная лексика) "Исламского государства" (организация запрещена в РФ). Не нужно пытаться его оправдывать, нужно постоянно напоминать, что ИГИЛ (организация запрещена в РФ) — *враг ислама* (ярлык)",— уверен он» (Туманов Г., Коробов П. Враг должен быть обозначен // «Коммерсантъ» №181 от 02.10.2015, с. 3). Таким образом, автор завершает статью сильным утверждением, призывающим к активным действиям – немедленно начать проводить разъяснительную работу.

Нарративная организация статьи служит приемом реализации имплицитной оценки и позволяет авторам «Коммерсанта» соответствовать требованиям объективности и достоверности, поскольку в своих текстах они

представляют разные, порой противоречивые прогнозы различных сторон. Если «демонтировать» статью из «Коммерсанта» и выделить в ней самостоятельный авторский нарратив и нарративы экспертов, то окажется, что цитаты экспертов – это различные независимые оценки произошедших событий. Силу убеждения они обретают именно благодаря осознанной выборке и компоновке, которые проводит журналист. Причем, каким бы нейтральным и объективным ни хотел предстать автор, он отражает национальную специфику истории. Рефлексирующий читатель может «демонтировать» журналистский текст, сопоставить выбранные цитаты с цитатами, приведенными в других СМИ (весьма вероятно, что в разных медиа будут использоваться различные фрагменты речи), и, отстранившись таким образом от давления авторов, составить собственное мнение.

Нарративная организация является наиболее распространенной в текстах аналитических и информационных жанров, публикуемых в газете «Коммерсантъ». В заголовочном комплексе и лиде автор обозначает тему. Корпус статьи составляется из комментариев экспертов. На их основании журналист в конце делает вывод о сложившейся ситуации.

В статье «По сирийском урегулированию нанесли авиаудар» из газеты «Коммерсантъ» №79 от 07.05.2016 речь идет об атаке на лагерь беженцев под городом Сармада на севере Сирии. В небольшой по размеру заметке автор приводит комментарии в общей сложности 10 экспертов. Это: заместитель генсека ООН Стивен О'Брайен, глава МИД Великобритании Филип Хэммонд, представитель МИД ФРГ Мартин Шефер, представитель Госдепартамента США Марк Тонер, командование вооруженных сил Сирии (обезличено), пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков, официальный представитель Минобороны РФ Игорь Конашенков, пресс-секретарь посольства США в РФ Уильям Стивенс, официальный представитель МИД РФ Мария Захарова, глава МИД РФ Сергей Лавров. Все они представляют различные (противоборствующие) стороны. Несмотря на то, что среди экспертов численно преобладают иностранцы (шесть из десяти

комментариев), автор все равно имплицитно транслирует национальную специфику истории. Неслучайно цитата российского эксперта – главы МИД РФ – стоит в сильной позиции текста, а именно – в окончании, подводя черту под всеми прениями и подчеркивая: несмотря на противоречия, Россия продолжает настаивать на мирном (переговорном) пути урегулирования конфликта в Сирии. И это еще раз подчеркивает, что она не имеет никакого отношения к обсуждаемому мировой общественностью авиаудару.

Аналогично в статье «Совбез ООН выправил документ для Алеппо» в газете «Коммерсантъ» №236 от 20.12.2016 автор информирует о принятии Советом Безопасности ООН резолюции, определяющей порядок проведения гуманитарной операции в Алеппо: «Договоренности об условиях эвакуации мирных жителей и отрядов вооруженной оппозиции, которая будет осуществляться под контролем международных наблюдателей, стали итогом трудного компромисса. Итоговый вариант резолюции СБ ООН составлен на основе двух проектов — российского и французского, объединить которые еще накануне казалось невозможным. Переход от противостояния к взаимодействию может стать поворотным моментом в усилиях мировой дипломатии по налаживанию мирной жизни в Сирии и способствовать снижению напряженности в отношениях между Россией и Западом» (Строкань С., Юсин М. Совбез ООН выправил документ для Алеппо // «Коммерсантъ» № 236 от 20.12.2016, с. 6). Автор подчеркивает исключительную важность события, а также тот факт, что заключение резолюции – результат совместных усилий. Оптимистичный исход переговоров иллюстрируется при помощи цитат постпредов при ООН из России, США и Франции, то есть, по сути, сторон постоянно конфликтующих.

Однако после этого с оценки события как результата общих усилий автор переключается на доказательство решающей роли российских дипломатов. Делает он это, обращаясь к анонимному источнику в МИД РФ. Создание ореола таинственности вокруг него добавляет веса его словам:

«Подробности того, как удалось достичь компромисса в Нью-Йорке, раскрыл "Ъ" высокопоставленный источник в МИД РФ. "Цель российских усилий каждый раз, когда идет обсуждение проектов резолюций СБ ООН по Сирии, сводится к тому, чтобы из антиасадовской агитки сделать работающий документ, который способствовал бы продвижению к мирному урегулированию. Так было и при работе над проектом, предложенным Францией. В итоге дело не свелось к отдельным российским поправкам, а имела место именно совместная работа над текстом документа", — пояснил собеседник "Ъ"» (Строкань С., Юсин М. Совбез ООН выправил документ для Алеппо // «Коммерсантъ» № 236 от 20.12.2016, с. 6). Несмотря на то, что эксперт упоминает совместную работу над проектом, главный акцент он делает на том, что российские дипломаты заняты благородным делом отстаивания интересов Сирии, а не бюрократическим процессом как представители других стран в ООН. Таким образом, он перечеркивает всю ценность совместной работы и сводит к нулю роль Запада в урегулировании конфликта.

«"Впервые за долгое время представители России и западных держав в Совбезе ООН не обменивались выпадами в адрес друг друга, а совместно работали над взаимоприемлемым документом <...> надо не усиливать давление, а договариваться. И договариваться в первую очередь с Москвой", — объясняет "Ъ" директор центра "Россия-Восток-Запад" Владимир Сотников» (Строкань С., Юсин М. Совбез ООН выправил документ для Алеппо // «Коммерсантъ» № 236 от 20.12.2016, с. 6). Данной цитатой статья завершается. Несмотря на «реверансы» в сторону совместной работы, эксперт все же подчеркивает ключевое значение Москвы для дальнейшей дипломатии.

Нарратив представляет собой рассказ, историю с сюжетом и определенными персонажами. Формой нарративности служит цитация — «преднамеренное введение чужих слов или целых фрагментов чужих высказываний» (Арнольд, 1992: 54).

Природа цитации двойственна, так как цитата относится одновременно и к первоисточнику, и к принимающему ее тексту (Чернявская, 2000: 92). Исследователи из Германии также указывали на двойственную природу цитации и на то, что реципиенты по-разному воспринимают прямую и косвенную речь. Это оказывает влияние на общее восприятие текста.

В случае с прямой речью ожидается, что цитата приводится автором без изменений, слово в слово. В случае с косвенной речью предполагается, что в текст цитаты могли быть внесены изменения (исправления, сокращения и пр.), другими словами, что текст получил интерпретацию автора (Burger, Luginbühl, 2014: 129).

От полноты и точности приведения цитаты зависит степень достоверности журналистского текста (Панченко, 2010б: 159). Указание источника информации (явное или неявное) служит индикатором реальности или нереальности события (Thurgood, 1981).

Точность приведения цитаты может иметь дополнительные последствия в виде передачи читателю не только содержания высказывания, но и его формулировки. Таким образом, в медиатекст переносятся особенности речи говорящего, что создает базу для новой интерпретации (не только смысла высказывания, но и фигуры говорящего). Наряду с лингвистическим и стилистическим оформлением значимыми становятся вид деятельности, возраст, место пребывания автора цитаты. Данные нюансы делают цитацию сильным средством убеждения читателей (Jakobs, 1999: 95).

В газете «Коммерсантъ» №181 от 02.10.2015 прием интерпретации при помощи цитации проявляется в самом выборе цитат. Продуманный выбор мнений и их приведение в определенной последовательности позволяет авторам реализовать интенцию убеждения. Например, в статье «Враг должен быть обозначен» из газеты «Коммерсантъ» №181 от 02.10.2015: «... с развернутыми заявлениями по ситуации в Сирии вчера выступили представители Межрелигиозного совета России. <...> С отдельным заявлением выступили и представители РПЦ. "РФ приняла ответственное

решение (слова с позитивной коннотацией) об использовании вооруженных сил для защиты сирийского народа от бед, приносимых произволом террористов. Мы связываем с этим решением приближение мира и справедливости",— говорится в обращении патриарха Кирилла» (Туманов Г., Коробов П. Враг должен быть обозначен // «Коммерсантъ» №181 от 02.10.2015. с. 3).

Журналист обращается в тексте к цитатам представителей Русской православной церкви, межрелигиозного совета России, совета муфтиев России, исламских активистов, проповедников. Такой выбор цитат позволяет журналисту убедить читателя в том, что представители различных конфессий одинаково оценивают положение дел в Сирии.

В общественно-политических изданиях использование экспрессивных средств в авторском нарративе не является традиционным. Цитация же часто обладает выраженными оценочными свойствами, что позволяет использовать ее с целью добавления экспрессии в журналистский текст. Экспрессия достигается ввиду отражения «разговорности, широкого обращения к иноязычной и терминологической лексике, ориентации на язык беллетристики и широкого заимствования его приемов и средств» (Костомаров, 1979: 163).

Таким образом, приводя цитаты экспертов, журналист выполняет требование объективности, однако одновременно придает тексту необходимую экспрессию, передает оценку, создает позитивную или негативную тональность текста.

Например:

- «При этом директор Центра анализа стратегий и технологий Руслан Пухов заявил "Ъ", что Эр-Рияд не будет создавать дополнительные препятствия процессу урегулирования — этому не способствует ситуация в самом королевстве. "Саудовцы ввязались в *йеменскую авантюру* (метафора) и теперь пытаются хоть как-то *потушить пожар у себя под ногами* (метафора),— убежден эксперт.— В этих условиях им не до проведения

активной политики в Сирии". "Наряду с догматиками, которые *бескомпромиссно* (слово с негативной коннотацией) нацелены *давить* (слово с негативной коннотацией) алавитов, в саудовской династии есть те, кто нацелен на более *прагматический диалог* (словосочетание с позитивной коннотацией), особенно после начала российской военной операции в Сирии",— резюмировал собеседник "Ъ"» (Строкань С. Сирийскому урегулированию подбирают расширенный формат // "Коммерсантъ" №197 от 26.10.2015, с. 6)

- «Опыт возвращения чеченского ребенка говорит о том, что механизмы для этого есть, но процесс *заканчивается* (окказионализм), а когда речь идет о жизни ребенка, о возвращении его из того *кошмара* (слово с негативной коннотацией), куда он попал, конечно, *бюрократические механизмы* (негативная коннотация) должны отступить на второй план»,— заявила во вторник на совещании с участием послов Сирии и Ирака, сотрудников МИД РФ и представителей северокавказских республик уполномоченная по правам человека при президенте РФ Анна Кузнецова» (Мурадов М., Макеева А. Российских детей ищут на чужой войне // "Коммерсантъ" №149 от 16.08.2017, с. 3).

- «Руководитель экспертной группы и председатель конференции, бывший высокопоставленный немецкий дипломат Вольфганг Ишингер назвал 2014 год *"эпохальным"* (гипербола) (Черненко Е. Схватка за порядок // "Коммерсантъ" №20 от 06.02.2015, с. 5).

- «Корреспондент украинского агентства УНИАН спросил Сергея Лаврова о будущем *"русского мира"*, добавив от себя, что после действий РФ в отношении Украины правильнее было бы говорить о *"русской войне"* (антитеза)» (Черненко Е. Сергей Лавров ответил за год // "Коммерсантъ" №12 от 27.01.2016, с. 6)

- «Об "увеличении военного присутствия" России в Сирии вчера сообщил телеканал FoxNews. <...> Официальный представитель Минобороны РФ генерал-майор Игорь Конашенков назвал эти слова

"пропагандистской "уткой"" (метафора)» (Сафронов И. Россия прошла боевое сокращение // "Коммерсантъ" №5 от 13.01.2017, с.)

- «По его (министра просвещения Сирии Газван аль-Ваз – прим. авт.) словам, за время военного конфликта число сирийских школ уменьшилось с 22 тыс. до 14 тыс., причем тысяча учреждений *"стерта с лица земли"* (фразеологизм), а еще о 4 тыс. информации нет. "500 тыс. учащихся в данный момент находятся на *захваченных экстремистами* (негативная оценка) территориях, мы видим, какое влияние на них там оказывается за счет *спекуляций* (оценка) на религиозных учениях,— у этих детей подорвана психика, у них не было детства, школы, жизни",— сказал министр» (Макеева А. Российский опыт отучения пойдет на экспорт // "Коммерсантъ" №65 от 14.04.2017, с. 3)

- ««Исламское государство» (организация запрещена в РФ) прошло,— сказал он (эксперт института «Диалог цивилизаций» Алексей Малашенко – прим. авт.).— Теперь это *квазигосударственное* (концептуальная лексика) образование должно или победить, или проиграть. <...> Наступает новый этап, и он будет очень сложным: «Исламское государство» (организация запрещена в РФ) — это *кисель, который расползается* (метафора)» (Сафронов И., Дудина Г., Кривошеев К. Без шума Ракки не бывает // "Коммерсантъ" №107 от 17.06.2017, с. 3)

Высокочастотным приемом интерпретации служит авторская оценка цитат экспертов. Таким образом создается тональность текста, передается оценка события.

Например, в статье «Россия ограничила круг задач в Сирии» из газеты «Коммерсантъ» №196 от 23.10.2015 автор пишет: «Мнения самих участников форума о выступлениях господ Лаврова и Иванова разделились. Бывший президент Чехии Вацлав Клаус, например, оценил речь Сергея Лаврова положительно. "Он выступил очень *по-лавровски*, подтвердив последовательность российской позиции по основным вопросам",— заявил господин Клаус "Ъ". Многие другие западные эксперты сетовали на

отсутствие "свежих тезисов". "Возникает ощущение, что в российскую позицию привнести больше нечего. Все уже было сказано на 70-й сессии Генассамблеи ООН и в Мюнхене в 2007 году",— заявил "Ъ" один из участников дискуссии, имея в виду громкие выступления Владимира Путина» (Коростиков М. Россия ограничила круг задач в Сирии // "Коммерсантъ" №196 от 23.10.2015, с. 7).

Журналист интерпретирует высказывания экспертов, заостряет внимание на том, что все по-разному оценивали речь Сергея Лаврова. Благодаря данному приему формируется многослойность события. Автор указывает на многочисленность несовпадающих мнений. Кроме того, ономастическая метафора «*по-лавровски*» увлекает читателя в языковую игру, создает дополнительный подтекст и требует от читателя определенных фоновых знаний, необходимых для правильного декодирования посыла высказывания: «*по-лавровски*» - значит дипломатично, рассудительно, последовательно.

«Журналистам, перехватившим Сергея Иванова уже после его выступления, он сказал, что попытки изоляции России провалились, Москва "не пытается *надуть щеки*", а лишь отстаивает свои интересы на мировой арене. Развивая эту мысль, глава кремлевской администрации пояснил, что, например, в Сирии Россия воюет "не с суннитами, не за Асада". "Мы воюем с терроризмом, который нам непосредственно угрожает",— подчеркнул он» (Мурадов М., Макеева А. Российских детей ищут на чужой войне // "Коммерсантъ" №149 от 16.08.2017, с. 3). Просторечный фразеологизм «*надуть щеки*» означает выражать недовольствие, сердиться. Его использование позволяет журналисту приглушить пафос высказывания чиновника, а также передать его эмоциональное состояние после выступления.

Весьма часто в цитатах экспертов и/или очевидцев событий встречаются **ярлыки**. Ярлык - это односторонняя, необъективная оценка, затушевывающая многомерность скрытого за ярлыком явления или предмета

(Клушина, 2008: 140). Ярлык является не просто шаблоном или оценкой, а идеологической интерпретацией предмета, личности, явления. Вот почему ярлык как стратегия номинации обладает мощной воздействующей силой. «Ярлык и штамп представляют собой альтернативный выбор оценки всего в одну единицу информации - “да” или “нет”, “свой” или “чужой”, создают атмосферу полярности, нетерпимости» (Дмитриева, 1995: 95).

Выбор ярлыка придает медиа-тексту резко негативную оценочность, «заряжает» текстовое пространство агрессивной стилистической тональностью (Клушина, 2008: 143).

Например:

- «Исход боев в Алеппо решительным образом изменил расклад в противостоянии сирийских правительственных войск с оппозиционными силами, которые в Дамаске и Москве называют "*террористами*" и "*бандформированиями*", а на Западе, в странах Персидского залива и Анкаре — "*борцами с режимом*" Башара Асада» (Юсин М., Степанов Г. Границы ИГ (организация запрещена в РФ) стали короче // “Коммерсантъ” № 244 от 30.12.2016, с. 11).

- «"Мы ясно говорим, что Россия продемонстрировала волю к поддержке *режима-убийцы* и конкретного лица — Асада, который уничтожил свою страну, чтобы удержаться у власти",— обрушился на Москву Барак Обама. "Я не уверен, что мы можем доверять России и Владимиру Путину",— добавил он» (Юсин М., Строкань С. Огонь на окружение // “Коммерсантъ” № 143 от 09.08.2016, с. 1).

- «Еще более определенно высказался официальный представитель Госдепартамента Марк Тонер, заявивший, что сирийский народ не обязан делать выбор между "*варварским правлением ИГ*" (организация запрещена в РФ) и "*тиранией Асада*"» (Строкань С., Сафронов И. Пальмира первенства // “Коммерсантъ” № 51 (5801) от 28.03.2016, с. 1).

- «Премьер Ахмет Давутоглу, в свою очередь, выступил с критикой в адрес Москвы, назвав курдов "*нешками России*"» (Кузнецова О. Сирийские

курды не отступают на позиции Турции // «Коммерсантъ» № 26 от 16.02.2016, с. 6).

- «Куда более жестко вылеты российской авиации прокомментировал премьер Великобритании Дэвид Кэмерон. "Они (РФ.— "Ъ") поддерживают мясника Асада, что является ужасной ошибкой,— заявил господин Кэмерон в интервью ВВС» (Колесников А. Башар Асад совершил налет на Сочи // «Коммерсантъ» № 217 от 22.11.2017, с. 1).

- «Выйти на компромисс по второму вопросу не удастся, потому что Москва относит к террористическим организациям ряд вооруженных группировок, которые Вашингтон и их союзники называют "*борцами против нелегитимного сирийского режима*"» (Кузнецова О. Сирийскую оппозицию затащило в саудовские пески // «Коммерсантъ» № 227 от 09.12.2015, с. 6).

Н.И. Клушина отмечала, что выбор слова-ярлыка — это социальное явление, связанное с социальной ответственностью журналиста. В этом смысле использование ярлыков в цитатах (или с отсылками на источники) лишь отчасти снимает ответственность с журналистов (Клушина, 2008: 141).

Большую роль в интерпретационных приемах играют также **детали**, характерные для традиционного для «Коммерсанта» формата «мягкой» новости. Констатация события всегда сопровождается подробностями, передающимися с помощью фактов-деталей, расположенных в тексте в определенной последовательности. Лид сообщает о самом важном эпизоде происшедшего, затем факты-детали или факты-свидетельства подводят нас к его истоку, а дальше начинается повествование о событии, раскрывающее существо дела.

Детали делают повествование живым, правдивым, реальным. Кроме того, описание деталей и подробностей усиливает ощущение достоверности. Интересная деталь может «сделать» весь текст, оказать на читателя сильное эмоциональное воздействие.

Приведем несколько примеров:

- «В 14:08 все без исключения члены кабинета министров уже сидели за столом в зале совещаний нового представительского корпуса резиденции Ново-Огарево, готовые, как всегда, к любому обороту событий. Но оборот не наступал. *То одного, то другого министра выдергивали* из двух стройных рядов за столом и уводили туда, где не ждут, а действуют. Возвращались не все. Видимо, те, кто действует, а не ждет. В какой-то момент сотрудница протокола объявила, что *объявляется перерыв на полчаса*. Перерывом в ожидании, и без того бессмысленном, с облегчением воспользовались все без исключения. *Свежий воздух придал этому ожиданию к тому же хоть какой-то смысл*: словно покурить вышли, что ли, в качестве перерыва после напряженного случая» (Колесников А. Огонь на упреждение // "Коммерсантъ" №180 от 01.10.2015, с. 1).

Поминутное описание событие способствует созданию напряжения – и передаче накаленной обстановки, царившей перед совещанием с членами правительства. Атмосфера ожидания, в которой на протяжении достаточно долгого времени находятся высокопоставленные лица, осложняется также неопределенностью. Автор подчеркивает, что министров постоянно «выдергивают» из-за стола, причем не все возвращаются обратно в комнату. Введение в текст упоминания о перерыве, когда ожидающим удается подышать свежим воздухом, немного разряжает атмосферу.

- «В своих комментариях по поводу авиаударов в Сирии российская сторона *стремится быть максимально точной в деталях* и доказать их точечный характер с целью ликвидации инфраструктуры ИГ (организация запрещена в РФ). Однако *воюющая как против президента Башара Асада, так и против ИГ* (организация запрещена в РФ) *сирийская оппозиция*, которую поддерживают США и их европейские и ближневосточные союзники, дает принципиально иную интерпретацию событий. <...> Кроме того, оппозиционная группировка "Таджаму Алеззах" (о которой пишут, что она пользуется поддержкой США, хотя до вчерашнего дня о ней не было ни одного упоминания в интернете) заявила, что российские авиаудары

якобы поразили один из ее объектов» (Строкань С., Сафронов И, Тарасенко П. Операцию в Сирии подвергли атаке // “Коммерсантъ” № 181 от 02.10.2015, с. 3).

В данном примере автор при помощи деталей указывает на единство позиции по авиаудару, транслируемой российской стороной, и противоречивость заявлений сирийской стороны, из-за внутренних конфликтов не способной выступить единым корпусом. Учитывая, что прекращение войны в Сирии является главной целью вмешательства России, логично было бы ожидать от сирийских оппозиционеров поддержки представителей России. Ее отсутствие позволяет сделать вывод о ненадежности союзника.

Несостоятельность и даже смехотворность заявлений сирийской оппозиции подчеркивается интересной деталью: о существовании одной из группировок, которая теперь представляется как крайне влиятельная, до сегодняшнего дня не было даже ничего известно. Это делает заявления источника особенно не заслуживающими доверия и также бросает тень на приведенные выше высказывания прочих группировок, заставляя усомниться в их основательности.

- *«Едва прибыв в австрийскую столицу, Сергей Лавров направился в отель Imperial на встречу с госсекретарем США Джоном Керри. Оба тепло поприветствовали друг друга: дважды обменялись рукопожатиями при встрече, затем еще раз — для журналистов. На этом открытая часть встречи завершилась»* (Дудина Г. Приложением дюжинных усилий // "Коммерсантъ" №197 от 24.10.2015, с. 1).

С помощью деталей, описывающих напряженный график главы МИД, автором передается, во-первых, его энергичность. Во-вторых, крепость его взаимоотношений с коллегами – что внушает надежду на успешные переговоры. При этом есть и третий момент – подчеркивается, что так выглядела официальная, открытая для публики часть переговоров. А что именно происходило за закрытыми дверями – умалчивается, заставляя

читателя строить догадки относительно искренности рукопожатий перед камерами журналистов.

- «Россия и США стали больше обсуждать борьбу с терроризмом и будущее Сирии. 18 сентября состоялся *первый с начала украинского кризиса разговор* министров обороны РФ и США. Телефонная беседа не единственный признак активизации диалогов между Россией и Америкой: госсекретарь США Джон Керри за минувшие дни *трижды* звонил министру иностранных дел Сергею Лаврову» (Барабанов И., Сафронов И., Черненко Е. Разговор по прямому поводу // "Коммерсантъ" №172 от 21.09.2015, с. 1).

Благодаря деталям (первый разговор, три телефонных звонка) автору удается передать читателю мысль, что проблема борьбы с ИГ (организация запрещена в РФ) находится на повестке дня не только в России. Более того, она настолько значима, что ради нее противоборствующие стороны – США и Россия – готовы на время забыть разногласия. Подчеркивается, что инициатива наладить диалог исходит от США, то есть мнение российской стороны ценно и значимо.

- «Покинувшие их прежде времени лидер Движения за плюралистическое общество Ранда Кассис и секретарь "Национального демократического фронта" Мэйс Креди рассказали о нехватке "атмосферы доверия". Противоречия между оппозицией <...> и делегацией правительства казались чуть меньше на фоне напряжения, с которым Ранда Кассис и Мэйс Креди передавали друг другу слово. *Дело в том, что госпожа Кассис уже давно живет во Франции и, как казалось госпоже Креди, не очень хорошо представляет себе, что происходит в Сирии*» (Кузнецова О. Сирийские власти и оппозиция стали на 12 пунктов ближе // "Коммерсантъ" № 64 от 11.04.2015, с. 3)

Темой статьи является второй раунд консультаций между представителями сирийской оппозиции и правительства этой страны, который ввиду серьезных разногласий проходил на нейтральной территории – на этот раз в Москве. Автор делает акцент на том, что раскол в стане

сирийской оппозиции сильнее раскола между оппозицией и правительством. Глубину противоречий автор передает, не прибегая к перечислениям различных программных установок организаций, а приводя простой факт: представителей одной фракции возмущает сам факт того, что представительница другой фракции живет во Франции. То есть речь идет не только об идеологических, но также и о морально-этических разногласиях и межличностных конфликтах. Это создает дополнительный драматизм, передает подлинную сложность нахождения консенсуса.

Ирония как способ интерпретации событий также скрывает за собой социальную оценку (от неодобрительной до одобрительной), даже при кажущейся объективированной подаче факта; помогает введению в текст статьи оценочного модуса вместо информативного или шутливого (Клушина, 2008: 202). Ирония как троп проявляется в форме языковой игры, что высвобождает огромные экспрессивные и оценочные возможности. Цель такой игры – привлечь внимание читателя с помощью шутки, остроты, юмора (Клушина, 2008: 199).

Ирония часто встречается в заголовках статей (хотя в корпусе статей может полностью отсутствовать). Иронические заголовки, являясь сильными позициями текста, задают координаты оценки описываемого события и позволяют настроить читателя на оценочное восприятие (Клушина, 2008: 203).

Например:

- «Бомбардировщик оказался *не в том положении*. ВКС РФ потеряли в Сирии самолет и двух пилотов. <...> По словам источников “Ъ”, данные предварительных отчетов указывают, что машина находилась в «невзлетном положении» (Сафронов И., Джорджевич А. Бомбардировщик оказался не в том положении // "Коммерсантъ" №189 от 11.10.2017, с. 1). Автор иронизирует по поводу причин крушения фронтового бомбардировщика Су-24М. Обращение к анонимным источникам позволяет автору пошутить,

сравнив самолет с человеком, который попал «не в то положение» - не смог что-то сделать исходя из неудачно сложившихся обстоятельств.

- *«Визит был первым и получился прощальным. Для спецслужб это, разумеется, была особая задача, можно даже сказать, что ни с чем подобным они даже не сталкивались. По информации “Ъ”, на каком-то этапе обсуждалось участие в проекте двух-трех журналистов, но из соображений безопасности (не их самих, а информационной безопасности) было решено от их услуг благоразумно отказаться»* (Колесников А. По трем ближневосточкам // "Коммерсантъ" №231 от 12.12.2017, с. 1). Автор иронизирует по поводу того, что формат встречи лицом к лицу уникален и фактически незнаком российским спецслужбам, стремящимся максимально защитить политиков от любых угроз.

Выражение авторской оценки тесно связано со стилистической **тональностью** текстов. Она передает отношение журналиста к действительности, раскрывает его ценности, убеждения и идеалы. Кроме того, тональность передает психологические установки журналиста, его волевые и эмоциональные принципы (Клушина, 2008: 181).

Тональность текстов может быть агрессивной, мелиоративной или объективной.

Агрессивная тональность является важной текстообразующей категорией, которая позволяет автору эксплицировать в тексте оппозицию «свой / чужой» и дискредитировать образ «чужих» (или «врага/врагов»). Агрессивная тональность реализуется при помощи тактик дискредитации, к которым относятся: навешивание ярлыков, использование стилистико-риторических фигур (сравнений, метафор, антитез, контекста, аллюзий), создание специфических сенсорных ассоциативных полей, психологических цепочек, тактика «плетение словес» и др. (Клушина, 2008: 162).

Мелиоративная тональность также призвана помочь автору в экспликации категории «свой/чужой», однако в этом случае автор ставит своей целью не дискредитацию «чужих», а одобрение «своих». К таким

средствам создания мелиоративной тональности относятся: речевое одобрение, «сладкий» контекст, комплимент, увещательные мелиоративные лексемы, проспективная модальность, возражение под видом согласия.

Агрессивная и мелиоративная тональности наиболее часто встречаются в публицистических, а не в аналитических или новостных жанрах. Для газеты «Коммерсантъ» использование характерных для данных текстообразующих категорий приемов и тактик является несвойственным. Стилеобразующим фактором информационного подстиля (учитывая его ориентацию на объективность и безэмоциональность в передаче) является объективная тональность (Клушина, 2008: 171). Стремление к объективности, обезличенной форме подачи информации, удалению из текста элементов субъективного восприятия реальности – это то, что как раз отличает информационный подстиль языка массовой коммуникации от публицистического (Дроняева, 2003: 291).

Стремление автора сохранить объективность, а также иметь образ независимого, не ангажированного эксперта приводит к созданию и поддержанию в текстах **объективной тональности**, в которой семантическая оппозиция «свой» – «чужой» будет выражаться имплицитно.

Объективная тональность в текстах газеты «Коммерсантъ» часто поддерживается с помощью приема простого перечисления фактов. Автор не навязывает какую-либо оценку, он представляет читателю панораму события, акцентируя внимание на самых значимых, с его точки зрения, сторонах, подталкивая, таким образом, к формированию определенной оценки.

Приведем несколько примеров.

- «Повышение дипломатической активности Евросоюза на сирийском направлении невольно ставит вопрос о том, почему в принципе политика этой важнейшей региональной организации, имеющей внушительный опыт миротворчества, была столь низкопрофильной по сирийскому вопросу. <...>

Этому есть несколько объяснений. *Во-первых*, поддержка ЕС революций в странах "арабской весны", породивших гражданские войны в регионе, обернулась первой волной массового исхода беженцев в Европу. *Во-вторых*, участие ряда европейских стран — Великобритании, Франции, Италии — в ливийской военной кампании, пусть и не под флагом ЕС, скомпрометировало Европу и послужило обоснованием ее вины за развал некогда стабильной страны. <...> *В-третьих*, лидеры ЕС в последнее десятилетие были сосредоточены главным образом на Иране и его ядерной программе и не уделяли должного внимания Сирии. <...> Наконец, последнее и, возможно, самое главное. Практический опыт миротворчества ЕС — участие в 25 миротворческих операциях — свидетельствует не только о потенциале этой организации, но и о ряде серьезных проблем» (Арбатова Н. Цена вопроса // "Коммерсантъ" №59 от 06.04.2017, с. 8).

Формально данная статья посвящена Форуму международных доноров, который состоялся в Брюсселе, и на котором было решено увеличить поддержку Сирии. На самом деле, автор ставит в центр статьи причины, которые вынуждают ЕС пойти на такие меры. Благодаря компоновке фактов и их объективной, безоценочной («хорошо/плохо») подаче автор убеждает читателя в правильности своего вывода касательно намерений ЕС: в связи с кризисом отношений с НАТО руководство ЕС вынуждено принять участие в политическом разрешении конфликта в Сирии, чтобы в дальнейшем иметь право голоса в послевоенном развитии страны.

Аналогичный прием убеждения читателя при сохранении требований объективности и, соответственно, безэмоциональности в подаче материала, встречается в статье «Оппозицию снимают с довольствия» в «Коммерсанте» №131 от 21.07.2017. Речь в ней идет об утечках информации в газету «Вашингтон пост» о решении Дональда Трампа прекратить поддержку сирийской оппозиции. Автор отталкивается от произошедших событий, чтобы найти их истинные причины и представить их читателю в виде структурированного набора фактов: «Дональд Трамп, проведя ревизию

сирийской стратегии с точки зрения здравого смысла, решил, по-видимому, вернуться от идеализма к прагматизму. А прагматизм диктовал и диктует совсем иные приоритеты. *Во-первых*, сконцентрироваться на борьбе с главным противником — ИГ (организация запрещена в РФ) и другими террористическими группами. *Во-вторых*, сделать ставку не на мифических «умеренных», а на единственную боеспособную проамериканскую силу в Сирии — курдские отряды. И наконец, *в-третьих*, снять с повестки дня лозунг неперемогенного свержения Башара Асада, на чем настаивают лидеры ССА» (Юсин М. Оппозицию снимают с довольствия // "Коммерсантъ" №131 от 21.07.2017, с. 5).

Список рациональных причин для изменения позиции США по сирийскому вопросу выглядит убедительно и прагматично. Это позволяет автору подтолкнуть читателя к позитивному выводу: «Он (пересмотр стратегии США – прим.авт.) создал благоприятный психологический фон и показал Кремлю, что нынешняя администрация способна исправлять ошибки предыдущей» (Юсин М. Оппозицию снимают с довольствия // "Коммерсантъ" №131 от 21.07.2017, с. 5).

Однако далеко не всегда объективная тональность является подлинно объективной. Часто анализ говорит о том, что выразиться нейтрально для автора невозможно, т.к. даже неформальный разговор предполагает оказание воздействия на восприятие и структурирование мира другим человеком (Иссерс, 2008: 53). В таком случае правильнее говорить о **подчеркнутой объективности**, когда тексты не содержат явных сигналов оценочности, но фрагменты komponуются таким образом, чтобы передать оценку.

Подчеркнутая объективность реализуется автором при помощи следующих приемов: употребление нейтральных лексем, маскировка авторского я, «объективное» соотношение негативных и позитивных сторон в описании явления или события (Клушина, 2008: 173), что также является скрытым убеждением, замаскированным под «диалектический» поиск истины (Клушина, 2008: 176). Внешне нейтральный текст часто оканчивается

далеко не нейтральным завершением, через которые транслируется авторская точка зрения, доказываемая с помощью логики в самом тексте. Таким образом, подчеркнутая объективность текстов является способом скрытого убеждения.

Например, статья «Неподеленная победа» в газете «Коммерсантъ» №231 от 12.12.2017 посвящена спору, кто является победителем над Исламским государством (организация запрещена в РФ): «Пентагон и глава МИД Франции Жан-Ив Ле Дриан настаивают на том, что *Россия неоправданно приписала себе все лавры* уничтожения халифата и что на самом деле решающий вклад в разгром ИГ (организация запрещена в РФ) внесла сформированная Западом антитеррористическая коалиция. *В Москве с таким подходом не согласны*: МИД и Минобороны напоминают о роли российских ВКС и о неоправданных жертвах среди мирного населения при захвате западной коалицией столицы халифата Ракки» (Юсин М. Неподеленная победа // "Коммерсантъ" №231 от 12.12.2017, с. 3).

Оппозиция «свой/чужой» представлена в начале статьи эксплицитно. Выполнив задачу привлечения внимания читателя, автор меняет тональность текста при помощи одной фразы: «Итак, кто же прав? Как поделить победу над запрещенным в России ИГ?» (организация запрещена в РФ). Если посмотреть на вещи объективно, приходится признать: *в аргументах западных политиков и военных есть рациональное зерно*» (Юсин М. Неподеленная победа // "Коммерсантъ" №231 от 12.12.2017, с. 3). Использование риторических вопросов настраивает читателя на аналитическое, а не эмоциональное, восприятие информации. Готовность взглянуть на проблему со стороны оппонентов (при том, что автор подчеркнуто занимает позицию «своих» - то есть разделяет точку зрения России) «работает» на создание объективности. Мнения Москвы, Вашингтона и Парижа обосновываются, поясняются читателю при помощи фактов – обращению к статистике, действиям на фронтах, конкретным военным операциям и победам. Приводя аргументы за различные стороны,

автор ссылается на предыдущие статьи и новости, опубликованные в «Коммерсанте», что прибавляет веса его оценке, а также работает на формирование достоверности. Все это позволяет автору сделать миролюбивый вывод: «Не думаю, что победу над общим врагом вообще стоит делить. Важен итог — то, что у халифата в результате совместных, пусть и не всегда скоординированных, усилий двух коалиций больше нет своего псевдогосударства, с территории которого было легче готовить теракты» (Юсин М. Неподеленная победа // "Коммерсантъ" №231 от 12.12.2017, с. 3). Однако на этом автор не останавливается, в последнем абзаце все же подчеркивая высокую значимость роли России в окончании конфликта: «А что касается России, то она вообще *одержала в Сирии двойную победу*. И способствовала разгрому халифата, и спасла (совместно с Ираном) дружественный ей светский режим Башара Асада, о свержении которого больше не говорят ни американцы, ни турки, ни саудовцы» (Юсин М. Неподеленная победа // "Коммерсантъ" №231 от 12.12.2017, с. 3).

Интерпретация медиасобытия автором реализуется также в тексте при помощи **пресуппозиций**. Пресуппозиция – это компонент смысла текста, который не выражается словесно. Это фоновое знание, то есть это знание реалий и культуры, которыми обладают и пишущий, и читающий (Автор и текст, 1996). Именно наличие таких фоновых знаний предоставляет адресату возможность правильно воспринять текст (Валгина, 2003: 6). Пресуппозиция возникает при чтении предшествующего текста или оказывается за пределами текста как результат знания и опыта автора (Валгина, 2003: 6).

Н.И. Клушина писала о существовании «фонда публицистических пресуппозиций», который состоит из фразеологизированных публицистических стандартов: «стертых» метафор и устойчивых словосочетаний терминологического характера, обладающих публицистическими коннотациями (Клушина, 2008: 129). Они выполняют две функции: номинативную - как концептуальная лексика, и характеризующую - как метафоры.

Фонд публицистических пресуппозиций активно используется журналистами и в текстах информационных жанров, обычно с целью создания компрессии текста, т.к. в семантике этих пресуппозиций отражается сразу целое событие, или предмет, или имя. Кроме того, за фразеологизированными публицистическими стандартами закреплены оценочные коннотации, а значит, и культурно-исторический фон, что позволят эффективно выразить авторскую позицию (Клушина, 2008: 129).

В фонд публицистических пресуппозиций входят универсальные и этноспецифические пресуппозиции. Первая категория сформировалась в политической журналистике, в частности – посвященной международной политике. Вот почему в текстах газеты «Коммерсантъ», посвященных сирийскому конфликту, универсальные публицистические пресуппозиции занимают большое место. Для успешного декодирования сообщения от читателей требуется лишь некий уровень понимания смысла словосочетаний. Например:

- «*Сирийская тройка*»: Россия, Турция и Иран – группа стран, осуществляющая контроль над установлением перемирия в Сирии: «Высказывания первых лиц в Тегеране, судя по всему, стали полной неожиданностью для двух других членов "*сирийской тройки*" — России и Турции, инициировавших приглашение в Астану представителей новой администрации в Белом доме» (Строкань С., Юсин М. Иран лишает США слова на переговорах // "Коммерсантъ" №9 от 19.01.2017, с. 1).

- «*Гуманитарные окна*»: перерывы в военных действиях, необходимые для доставки гуманитарной помощи населению: «Создание «*гуманитарных окон*» призвано обеспечить условия для доставки в город медикаментов, продовольствия и предметов первой необходимости» (Строкань С. В сирийской войне объявлены трехчасовые перерывы // "Коммерсантъ" №146 от 12.08.2016, с. 5).

К числу часто встречающихся в «Коммерсанте» пресуппозиций также можно отнести:

- «*Нормандская четверка*»: группа представителей Германии, России, Украины и Франции по урегулированию конфликта на востоке Украины. Была введена в журналистский словарь во время войны на Донбассе, однако используется также для описания действий по урегулированию конфликта в Сирии. Кроме того, часто применяется журналистами для проведения исторических параллелей между различными коалициями.

- «*Нормандский формат*»: переговорный метод урегулирования конфликтов, когда в процессе переговоров участвуют представители нескольких стран.

- «*Гибридные войны*»: противостояния, построенные на скрытых тактиках ведения войны, например, диверсиях, кибервойнах, скрытых операциях.

- «*Гуманитарный коридор*»: маршрут для выхода мирных жителей из зоны боевых действий.

- «*Эр-риядская*», «*каирская*» и «*московская*» «*платформы*»: нейтральная территория для проведения переговоров между сирийским правительством и представителями оппозиции.

- «*Мягкая сила*»: внешнеполитическая стратегия, построенная на добровольном участии, симпатии и привлекательности, а не на принуждении.

- «*Силовой сценарий*»: путь решения конфликтов с применением силы, а не путем мирных переговоров.

- «*Умеренная оппозиция*»: часть сирийской оппозиции, наиболее активно идущая на контакт с Западом.

На основе базовых публицистических пресуппозиций формируются новые оценочные публицистические стандарты. Нередко они являются наднациональными. Н.И. Клушина приводила следующий пример такого образования: «*империя зла*» (США о Советском Союзе) — «*точка зла*» (США об Ираке) — «*ось зла*» (США о странах мусульманского мира). Данная пресуппозиция встречается в текстах «Коммерсанта»:

- «... два ключевых гаранта сирийского мира Россия и Иран в уходящем году были включены Вашингтоном в новую мировую «ось зла»» (Строкань С., Федуненко Е. Война и мир Сирии // "Коммерсантъ" №244 от 29.12.2017, с. 10).

- «...фактически достигнутая в Сирии победа над новым *мировым злом* в лице исламского терроризма позволяет тройке союзников по антиигиловской коалиции почувствовать себя в роли победителей в главной войне XXI века, продолжавшейся шесть лет» (Строкань С. Сочинская коалиция // "Коммерсантъ" №217 от 22.11.2017, с. 6).

В фонд публицистических пресуппозиций входят не только универсальные, но и этноспецифические пресуппозиции. Они передают информацию, которая известна всем членам этнокультурного сообщества. Это могут быть обращения к прецедентным высказываниям политиков, прецедентным текстам, именам, событиям. Без знания этноспецифических публицистических пресуппозиций правильное декодирование и понимание смысла журналистского текста невозможно. С помощью этноспецифических пресуппозиций автор вовлекает читателя в языковую игру (Клушина, 2008: 132).

Например, в заголовке статьи «Вероломное совпадение» в газете «Коммерсантъ» №190 от 12.10.2017 скрыта реминисценция, намек на известные исторические события: нападение фашистской Германии на Советский Союз, которое и было признано вероломным. Таким образом, автор проводит параллель между коварством фашистской Германии и современных США, делая акцент на невозможности установить доверительные отношения.

Пресуппозиции бывают авторскими. Они представляют собой «зоны пересечения индивидуальных когнитивных пространств (фондов знаний) коммуникантов, включая и представления коммуникантов о ситуации» (Красных, 1998: 181). Иными словами, авторская пресуппозиция — это скрытый смысл, вычитываемый между строк (Клушина, 2008: 190).

Возможность сгладить, скрыть агрессию коммуникативного намерения журналиста по изменению представлений о мире у читателя делает авторскую пресуппозицию мощным орудием для воздействия на сознание (Клушина, 2008: 189). Авторская пресуппозиция действует на подсознательном уровне, «блокирует» аналитическое мышление читателя, воспринимается как аксиома. Естественность в подаче, тот факт, что пресуппозиции не называются, а остаются «за кадром», придают им высокую силу воздействия (Клушина, 2008: 190).

Например, в статье «Полуночные хроники» в газете «Коммерсантъ» №33 от 27.02.2016, посвященной проблематике объявления перемирия в Сирии, автор умело ставит вопрос: «В Дамаске все спокойно?» (Тарасенко П., Кузнецова О. Полуночные хроники» // «Коммерсантъ» №33 от 27.02.2016, с. 1). В данной фразе заложена авторская пресуппозиция: спокойствие в городе мнимо, эфемерно, шатко.

Авторские пресуппозиции часто строятся на логических уловках, например, на манипуляции с причиной и следствием. Обычно ожидается, что с точки зрения временного соотношения причина находится раньше следствия. Однако в случае с логическими уловками данная система умышленно нарушается:

- *«Где кончается порядок, начинается авиация. Вчера российские самолеты нанесли первые удары по позициям исламских радикалов в Сирии»* (Сафронов И., Юсин М., Черненко Е., Дудина Г., Ефимова М., Кузнецова О. Военно-воздушные — Сирии // «Коммерсантъ» № 180 от 01.10.2015, с. 1). Фраза *«Где кончается порядок, начинается авиация»* является многозначной. В прямой трактовке она означает, что ситуацию в Сирии, где закончился порядок, можно разрешить только с помощью военной авиации. Однако на самом деле фраза является парафразом присказки, известной со времен окончания Великой Отечественной войны: «где начинается авиация, там кончается порядок», родившейся в связи с плохой дисциплиной в

авиации в первые послевоенные годы. Таким образом, смысл фразы меняется полностью.

Пресуппозиция находится в основе стратегии номинации. Она поддерживает идею, заложенную в тексте, и усиливает его прагматический потенциал, так как встраивается в индивидуальную картину мира адресата уже с заданной авторской оценкой. Пресуппозиция способствует реализации интенции убеждения читателя при помощи авторской стратегии номинации.

Нарративность служит одним из самых важных приемов интерпретации медиасобытия в немецкой качественной прессе. Цитация как прием интерпретации также обладает повышенным прагматическим и когнитивным эффектом.

Для немецкой газеты «Die Zeit» не характерен прием создания текста при помощи чередования экспертных мнений. Нарративная организация статей встречается в «Die Zeit» достаточно редко. Вместо этого превалирует нарратив автора. Его голос отчетливо слышен в каждом журналистском произведении.

Авторы «Die Zeit» часто вставляют фрагменты текста с очевидными чертами очерковой зарисовки. Например, таким фрагментом открывается статья «Heute Flüchtling, morgen Arbeitsloser?» (Rudzio K. Heute Flüchtling, morgen Arbeitsloser? // DIE ZEIT Nr. 36/2015, 3. September 2015. S. 17-18) («Сегодня беженец, завтра безработный?») из газеты «Die Zeit» №36 от 03.09.2015: «Der Mann vom Arbeitsamt setzt sich auf ein Bett, legt Formulare vor sich auf einen Tisch und sagt: «Mein Name ist Andre, ich komme von der Agentur für Arbeit – äh, versteht ihr mich?» Sieben junge Männer drängen sich in dem engen Zimmer, im Hintergrund läuft leise ein Fernseher. Es ist völlig klar, dass die meisten hier ihn nicht verstehen. Deshalb ist ein Sozialarbeiter der Caritas da, der Arabisch spricht und Andre Kostovs Worte übersetzt. Die jungen Männer kommen aus Syrien und Marokko, das Dresdner Sozialamt hat sie in dieser Plattenbauwohnung einquartiert. Kostov fragt die Männer nach ihren Berufen, dann formuliert er seine wichtigste Botschaft: «Was ihr unbedingt braucht, bevor

ihr arbeiten könnt, ist ein Deutschkurs!» Er wiederholt das ein halbes Dutzend Mal. Deutsch. Deutsch. Deutsch. Und jedes Mal fügt er hinzu: »Ich kann aber nichts für euch tun, wir haben keinen Deutschkurs« («Человек из бюро по трудоустройству садится на кровать, кладет формуляры на стол перед собой и говорит: «Меня зовут Андре, я из Агентства по трудоустройству, вы понимаете меня?»). Семеро молодых людей собрались в узкой комнате, где в фоновом режиме тихо играет телевизор. Понятно, что большинство здесь его не понимают. Вот почему есть социальный работник из «Каритас», говорящий по-арабски и переводит слова Андре Костова. Молодые люди приехали из Сирии и Марокко, Дрезденский офис социального обеспечения разместил их в этом жилом квартале. Костов спрашивает мужчин об их профессиях, затем формулирует свое главное сообщение: «То, что вам абсолютно необходимо, прежде чем вы сможете работать, - это курс немецкого языка!» Он повторяет это полдюжины раз. Немецкий. Немецкий. Немецкий. И каждый раз он добавляет: «Я ничего не могу сделать для вас, у нас нет курсов немецкого»).

Небольшая зарисовка в сильной позиции текста позволяет передать авторскую оценку ситуации с трудоустройством беженцев: ситуация сложная и отчасти безнадежная. Нарратив эксперта – сотрудника агентства по трудоустройству – в данном случае работает «против него», т.к. настойчивое повторение одного и того же требования выучить немецкий в сочетании с отсутствием конструктивных предложений, создает деструктивный образ стоящей за ним организации.

- «So beginnt für viele Flüchtlinge die erste Begegnung mit dem deutschen Arbeitsamt. Es ist eine *frustrierende Erfahrung*. Denn *Deutschland ist bisher nicht darauf vorbereitet, Hunderttausende Flüchtlinge aufzunehmen* – auf Dauer, als Einwanderer, die irgendwann auch arbeiten wollen. Die Aufgabe, 800 000 Menschen mit einem Schlafplatz zu versorgen, mit Essen und Kleidung, ist gewaltig. Viele Kommunen sind damit überfordert» (Rudzio K. Heute Flüchtling, morgen Arbeitsloser? // DIE ZEIT Nr. 36/2015, 3. September 2015. S. 17-18)

(«Так начинается для многих беженцев первая встреча с немецким бюро по трудоустройству. *Это фрустрирующий опыт.* Потому что Германия еще не готова принять сотни тысяч беженцев – иммигрантов, которые в конечном счете захотят где-то работать. Задача обеспечить 800 000 человек ночлегом, едой и одеждой огромна. Многие муниципалитеты перегружены ее решением» - прим. авт.).

Далее в тексте (кстати, композиционно не разделенном на структурные части с соответствующими подзаголовками) автор погружается в проблему, оценивает ее на более глубоком уровне: проблема кроется не только в отсутствии языковых курсов и неподготовленности немецкого рынка к наплыву рабочей силы, а в низком уровне образования беженцев. Это доказывается с помощью частого обращения к статистическим данным официальных организаций: «Eine Untersuchung des Instituts für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung (IAB) belegt dies auch für Asylbewerber <...>: Von ihnen waren im Jahr 2013 fast 60 Prozent Ungelernte» (Rudzio K. Heute Flüchtling, morgen Arbeitsloser? // DIE ZEIT Nr. 36/2015, 3. September 2015. S. 17-18) («Исследование Института исследований занятости (IAB) также подтверждает <...>: среди прибывших в 2013 году беженцев почти 60 процентов были неквалифицированными»).

Обращение к экспертам становится аргументом в пользу правоты автора, убеждающего читателей, что именно образовательные цели должны заслуживать наибольшего внимания. Автор также проводит параллели с мигрантами из Болгарии: «Sie sind damit auch im Vergleich zu Rumänen weit häufiger Hilfeempfänger, dabei kommen sie unter den gleichen Bedingungen nach Deutschland. «Wir wissen nicht genau, woran das liegt», sagt Herbert Brücker, Migrationsexperte beim Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung. «Aber ein Faktor dürfte sein, dass unter diesen Einwanderern besonders viele Geringqualifizierte sind». Das Beispiel zeigt, dass es offenbar einen großen Unterschied macht, wer kommt. Bei den Flüchtlingen macht Hoffnung, dass viele von ihnen sehr jung sind. Ihre Ausbildung ist noch nicht abgeschlossen, und sie

könnten sich weiterentwickeln. Dazu müssten sie allerdings hierzulande in den Kitas, in den Schulen und Universitäten intensiv gefördert werden – in einem Bildungssystem, von dem es ja oft heißt, es würde kläglich dabei versagen, unterschiedliche Startvoraussetzungen auszugleichen. Das kann sich Deutschland nun nicht mehr leisten und sicher auch nicht, was Thüringens SPD-Chef Andreas Bausewein vergangene Woche vorgeschlagen hat: Flüchtlingskinder von der Schulpflicht auszunehmen, bis über ihren Asylantrag entschieden sei. Die Schulen seien überlastet. Wenn die Flüchtlinge eine Zukunft haben sollen, kann in den Schulen nicht mehr gespart, sondern es muss investiert werden. Selbst hoch qualifizierte Asylbewerber müssen hier oft noch einmal neu lernen» (Rudzio K. Heute Flüchtling, morgen Arbeitsloser? // DIE ZEIT Nr. 36/2015, 3. September 2015. S. 17-18) («Таким образом, они (болгары – прим. авт.) чаще получают помощь по сравнению с румынами, хотя приезжают в Германию на одних и тех же основаниях. «Мы точно не знаем, почему так происходит, - говорит Герберт Брюкер, специалист по миграции в Институте исследований занятости. «Одним из факторов может быть то, что среди этих иммигрантов особенно много низкоквалифицированных специалистов». Пример показывает, что тот факт, кто именно приезжает, имеет большое значение. Беженцы надеются на то, что многие из них очень молоды. Их образование будет продолжено, они смогут развиваться. Однако для этого им требуется поддержка в детских садах, школах и университетах - в образовательной системе, о которой часто говорят, что она не может компенсировать разные стартовые условия. Германия больше не может позволить себе сохранять такую ситуацию, и, конечно же, не может пойти по пути, предложенному на прошлой неделе лидером СПД в Тюрингии Андреасом Баузейном: исключить детей-беженцев из системы обязательного образования до тех пор, пока решение о предоставлении им убежища не будет принято. Школы перегружены. Если беженцам нужно будущее, школы больше не могут сэкономить деньги, им нужны инвестиции. Даже высококвалифицированные просители убежища часто вынуждены переучиваться»).

Автор завершает статью, еще раз указывая, что на образовательные цели необходимо выделять дополнительное финансирование. «Die Probleme sind *groß*, wahrscheinlich sind sie trotzdem *lösbar*» (Rudzio K. Heute Flüchtling, morgen Arbeitsloser? // DIE ZEIT Nr. 36/2015, 3. September 2015. S. 17-18) («Проблемы *велики* (оценка), но они, вероятно, все еще *разрешимы* (оценка)» - прим.авт.), пишет он.

Оценочность и тональность текста формируется благодаря не количеству, а качеству цитат, а также **выбору журналистом нарративов**. Предпочтение отдается цитатам очевидцев. В текстах «Die Zeit» часто встречаются фрагменты с образными средствами языка. К примеру:

- «"Der Sieg in Aleppo", das verkündete unlängst der Vizekommandant der Revolutionsgarden, General Hossein Salami, "wird den Weg für die Befreiung Bahrains ebnen", wie auch den für die Befreiung des jemenitischen Volkes und der Einwohner in der irakischen Stadt Mossul. "*Das ist Gottes Wille.*"» (Böhm A., Thumann M. Und der Sieger heißt: Iran // DIE ZEIT Nr. 4/2017, 19. Januar 2017. S. 6) («Победа в Алеппо, - заявил заместитель командующего Революционной гвардией генерал Хоссейн Салами, - проложит путь к освобождению Бахрейна», а также к освобождению йеменского народа и жителей иракского города Мосул. «*Это божья воля*»). Использование концепта *воля* само по себе добавляет высказыванию драматичности. *Божья воля* передает его экспрессивный потенциал, раскрывает экспертную оценку события: победа и освобождение народов неизбежны, так как зависят не от человеческого желания, а от высшего, не подвластного разуму замысла.

- «Unter Aufbietung des Propheten Mohammed und mittelalterlicher Gelehrter erklären die Anführer ihren Kämpfern, dass schiitische Moscheen, christliche Kirchen und alle Schreine anderer Minderheiten unbedingt zerstört werden müssen, um zu verhindern, "dass irgendetwas die Gläubigen vom Monotheismus abbringt". Die Erde müsse "gereinigt" werden. "Die Welt wurde heute in zwei Lager geteilt, ein drittes gibt es nicht: das Lager des Islams und das Lager von Unglauben und Heuchelei" (Böhm A., Musharbash Y., Svensson B.

...und morgen die Weltherrschaft // DIE ZEIT Nr. 34/2014, 14. August 2014. S. 4) («Обращаясь к пророку Мухаммеду и ученым средневековья, лидеры объясняют своим войнам, что шиитские мечети, христианские церкви и святыни других меньшинств обязательно должны быть разрушены, чтобы не допустить «отвлечения верующих от единобожия». *Земля должна быть «очищена»* (экспрессия). *«Мир сегодня был разделен на два лагеря (пресуппозиция), третьего не дано: лагерь ислама и лагерь неверия и лицемерия (ярлык)»*). Экспрессивные речевые средства усиливают драматизм ситуации, подчеркивают чрезмерный радикализм высказывания.

- « Die "Kampagne" gegen den "Islamischen Staat" (IS) werde Jahre dauern, sagt Obama. Das Wort "Krieg" meidet er» (Bittner J., Thumann M. Es beginnt wieder, aber anders // DIE ZEIT Nr. 39/2014, 18. September 2014. S. 3) («Кампания" против "Исламского государства" (организация запрещена в РФ) будет длиться годы, говорит Обама. Он избегает слова «война»). Автор заостряет внимание читателей на том, что президент Америки в своих выступлениях использует эвфемизм «военная кампания» вместо слова «война» и таким образом стремится манипулировать политическими оппонентами.

В статье «Wir warten auf das Ende» («Мы ждем конца») из газеты «Die Zeit» №50 от 01.12.2016 интерес представляет следующий фрагмент: «Abdulkafi Alhamdo ist auf dem Weg zu seiner Frau und seiner Tochter, als ihn unsere WhatsApp-Nachricht erreicht. Der 31-Jährige unterrichtete Englisch in einer Schule, deren Betrieb in den vergangenen vier Jahren trotz Belagerung und Luftangriffen aufrechterhalten wurde. Die Schule sei für Ost-Aleppos Kinder *"eine Flucht aus dem Krieg"*, hatte er bei unserem letzten Gespräch vor sechs Wochen gesagt. *"Wenn die Bomben fallen, gehen wir alle gemeinsam in den Keller."* Danach mache man mit dem Unterricht weiter. *Die Kinder seien hungrig nach Wissen»* (Böhm A. Wir warten auf das Ende // DIE ZEIT Nr. 50/2016, 1. Dezember 2016. S. 4). «Абдулкафи Альхамдо был на пути к жене и дочери, когда получил наше сообщение в WhatsApp. Он - 31-летний преподаватель

английского в школе, которая работала в течение последних четырех лет, несмотря на осады и воздушные налеты. Школа для детей Восточного Алеппо единственное бегство от «войны» (лексема «война» имеет негативную коннотацию), - сказал он в нашем последнем разговоре шесть недель назад, - «*когда бомбы падают, мы все вместе идем в подвал. Там уроки продолжаются: дети жаждут знаний*»).

Автор не случайно выбирает для текста цитату очевидца событий А. Альхамдо. Она служит для создания компрессии события. С ее помощью автор передает ужасы войны и надежды мирного населения на лучшее будущее: школа продолжает работать, так как педагоги верят в то, что знания пригодятся детям в мирное время. Создается детализация события; оно обретает эмоциональную окраску.

Оценка очевидцев всегда работает на достоверность журналистского текста. В целом, достоверность зависит от нескольких факторов:

- надежности источника, предоставляющего информацию,
- соотношения категорий «субъективность» – «объективность», «информативность» – «интерпретативность»,
- искренности, истинности и доверия (Панченко, 2010а: 14).

Слова очевидцев воспринимаются как истинные, его оценки – как объективные, форма выражения мнения – как искренняя.

В газете «Die Zeit» также часто встречается такой прием интерпретации, как авторская оценка высказываний очевидцев. Приведем пример из той же статьи «Wir warten auf das Ende» из «Die Zeit» №50 от 01.12.2016: «Zouhir al-Shimale, den 25-jährigen Journalisten, erreichen wir am Montag und dann noch einmal am Dienstagvormittag. Al-Shimale hat auf ZEIT Online mehrfach über die Lage in Ost-Aleppo geschrieben. *Jetzt ist seiner Stimme die physische Erschöpfung anzuhören.* Er habe, sagt er, fast nichts mehr zu essen. "Die Bombenangriffe gehen pausenlos weiter; sie setzen auch Chlorgas ein..."» (Böhm A. Wir warten auf das Ende // DIE ZEIT Nr. 50/2016, 1. Dezember 2016. S. 4). «Нам удалось связаться с Зухиром аль-Шимале, 25-летним журналистом, в понедельник и затем еще

раз во вторник утром. Аль-Шимале несколько раз писал для «ZEIT Online» о ситуации в Восточном Алеппо. Сейчас *в его голосе слышится физическое истощение*. По его словам, ему почти нечего есть: «Бомбежка продолжается без остановки, они также используют газообразный хлор...»)

Журналист умышленно вставляет предположение о том, что физическое истощение имеет некое звуковое проявление (слышится в голосе). Так он придает больший вес комментарию, а также усиливает эмоциональное воздействие на читателя.

Журналисты «Die Zeit» также способны построить весь текст статьи вокруг одной цитаты, многократно оценивая ее и интерпретируя. К примеру, в статье «Der Iran braucht mehr Druck» («Ирану требуется большее давление») из газеты «Die Zeit» №45 от 27.10.2016: «So klingt *Misserfolg auf ganzer Linie* in Diplomatensprache: Man habe sich dafür ausgesprochen, dass "*der politische Prozess*" für eine Beendigung des Krieges "so bald wie möglich beginnen soll", sagte der russische Außenminister Sergej Lawrow kürzlich nach einer erneuten Runde *gescheiterter Gespräche* in Lausanne über eine Waffenruhe in Syrien. Immerhin aber seien einige Ideen vorgebracht worden "von Ländern, die wirklich Einfluss auf die Situation haben". Das sollte vielleicht *beruhigend* klingen, fast so, *als wollte Lawrow sagen*: Nur ein bisschen Geduld, die wirklich Großen, also Russland und die USA, werden sich am Ende schon auf eine Lösung einigen. *Doch das ist falsch*» (Tempel S., Stein S. Der Iran braucht mehr Druck // DIE ZEIT Nr. 45/2016, 27. Oktober 2016. S. 5.). «Вот как звучит *полный провал* (устойчивое выражение, яркая негативная коннотация) на дипломатическом языке. «*Политический процесс*», необходимый для прекращения войны, должен начаться как можно скорее», - заявил недавно министр иностранных дел России Сергей Лавров после очередного раунда *провальных переговоров*, прошедших в Лозанне и посвященных прекращению огня в Сирии. В конце концов, некоторые идеи были выдвинуты «странами, которые действительно влияют на ситуацию». Это может звучать *обнадеживающе*, как если бы Лавров хотел сказать: наберитесь терпения, действительно большие страны

Россия и США, в конце концов, найдут совместное решение. *Только это не так*».

Автор интерпретирует цитату С. Лаврова, старается найти в ней скрытый смысл, отразить ее тональность. Затем он открыто выражает свою собственную оценку: «*Только это не так*». Весь текст статьи построен так, чтобы дать возможность автору привести различные факты, доказывающие, что С. Лавров ошибается, а журналист прав в своих оценках происходящего.

В статье «Mit Bomben und Chlorgas» («Бомбами и хлорным газом») из газеты «Die Zeit» №37 от 10.09.2015 автор придерживается нейтрального тона обращения к читателю, а авторский нарратив превалирует над нарративом экспертов. Однако ссылки на их комментарии позволяют автору добиться больше достоверности.

В частности, при оценке исхода ряда военных операций, автор ссылается на комментарии представителя Организации Объединенных Наций. Он обращается к мнениям сторонних экспертов, которые имеют особенную убедительность. Для немцев слова экспертов ООН имеют большой вес, так как организация не отстаивает интересы каких-либо отдельных стран, а в своей деятельности преследует миротворческие цели.

Устами дипломата Стаффана де Мистуры передается экспертная оценка события: «Dabei ist Baschar al-Assad – so paradox es klingt – militärisch am Ende. Die Armee ist bis auf die Luftwaffe kaum noch existent, das Regime kontrolliert nicht einmal mehr ein Viertel des Landes, der Krieg rückt immer näher an die Assad-Hochburgen, die Mittelmeer-Städte wie Latakia. Das, so warnte der UN-Sondergesandte Staffan de Mistura vor wenigen Tagen, könnte einen Exodus von bis zu einer Millionen Menschen auslösen» (Böhm A. Mit Bomben und Chlorgas // DIE ZEIT Nr. 37/2015, 10. September 2015. S. 7) («К тожу же Башар аль-Асад - как это ни парадоксально – в конце концов, военный. Армии почти нет (за исключением ВВС), режим вообще не контролирует четвертую часть страны, война приближается к оплотам Асада, средиземноморским городам – таким, как Латакия. Несколько дней назад специальный посланник

ООН Стаффан де Мистура предостерег, что это может привести к бегству до одного миллиона человек»)

Статья «Die Geschäfte des Kalifen» («Дело халифа») из газеты «Die Zeit» №49 от 27.11.2014 посвящена внутреннему устройству террористической группировки ИГ (организация запрещена в РФ). Ключевая идея коллектива авторов: ИГ (организация запрещена в РФ) – это не государство, а мафиозная организация, функционирующая по законам, аналогичным законам преступного мира. Данная мысль последовательно доказывается, в том числе посредством нарратива очевидцев и экспертов.

Одной из первых авторы приводят цитату очевидца, видевшего, как в Сирии происходит похищение людей. 43-летняя женщина рассказывает свою историю: «Susanna erzählt: "Da stand ein Bus, und jemand befahl uns, einzusteigen. Alles was wir dabei hatten – Geld, Ausweise, Schmuck – wurde uns abgenommen. Ich bin mit meinem Mann und den Kindern eingestiegen, mein Jüngstes trug ich auf dem Arm. Da sagte ein Bärtiger: ›Gib mir das Kind‹, und kehrte mit meiner Tochter zurück in die Ambulanz. Ich bin hinterhergelaufen und flehte ihn an, mir mein Kind zurückzugeben. Ein weiterer IS-Kämpfer trat hinzu und sagte, wenn ich nicht sterben wolle, sollte ich sofort in den Bus steigen. Da bin ich eingestiegen, was sollte ich machen?" Drei Jahre alt ist das entrissene Kleinkind» (Burcak Belli O., Böhm A., Bühler A. Die Geschäfte des Kalifen // DIE ZEIT Nr. 49/2014. S. 6-8) («Сюзанна рассказывает: «Там стоял автобус, и кто-то приказал нам сесть в него. Все, что у нас было - деньги, удостоверения личности, драгоценности – у нас забрали. Я села в автобус вместе с мужем и детьми, младший был у меня на руках. Один бородач сказал: «Отдай мне ребенка» пошел с моей дочерью в сторону машины скорой помощи. Я побежала за ним, умоляя его вернуть моего ребенка. Вошел другой боец ИГ (организация запрещена в РФ) и сказал, что если я не хочу умирать, я должна немедленно сесть в автобус. Я села – что еще мне было делать?»)

Второе доказательство преступных деяний бойцов ИГИЛа (организация запрещена в РФ) находится в цитате другого очевидца. На сей

раз – журналиста Навзата Халила, которому удалось бежать из родного Мосула: «Vergnügungen fast jeder Art sind jetzt verboten. Sogar das Dominospiel. "Früher", erinnert sich Nawzat Khalil, "war es das Größte, im Stadtpark bei voller Lautstärke die Lieder von Umm Kulthum zu hören – alles vorbei" <...> Permanent patrouillieren die Banden aus IS-Kämpfern durch die Stadt, niemand fühlt sich mehr sicher. "Die IS-Leute sind wie Geister", sagt Khalil. Überall und nirgendwo» (Burcak Belli O., Böhm A., Bühler A. Die Geschäfte des Kalifen // DIE ZEIT Nr. 49/2014. S. 6-8) («Любые развлечения сейчас запрещены. Даже игра в домино. «В свое время, - вспоминает Навзат Халил, - можно было на полную громкость слушать в парке песни Умм Кульсума, но все это позади» <...> Группы бойцов ИГИЛ (организация запрещена в РФ) постоянно патрулируют город, никто больше не чувствует себя в безопасности. «Люди из ИГ (организация запрещена в РФ) похожи на призраков», - говорит Халил. Они повсюду и нигде»)

Третья история принадлежит бельгийцу Димитрию Бонтинку, сын которого был завербован ИГИЛ (организация запрещена в РФ), а затем принят за шпиона и отправлен в тюрьму: «"Es war meine Schuld, dass sie ihn daraufhin eingesperrt haben", sagt Bontinck heute, "denn von da an dachten sie, Jejoen sei ein Spion." Wieso hat er das geschrieben? Weil er verzweifelt war. "Ich habe in Antwerpen jüdische Freunde. Ich dachte, vielleicht hilft das"» (Burcak Belli O., Böhm A., Bühler A. Die Geschäfte des Kalifen // DIE ZEIT Nr. 49/2014. S. 6-8) («Я виноват в том, что его посадили в тюрьму, - говорит сегодня Бонтинк, - потому что они подумали, что Джеджоэн был шпионом». Почему он написал ему (смс – прим.авт.)? Потому что был в отчаянии. «У меня есть друзья-евреи в Антверпене, и я подумал, что это может помочь»).

Таким образом, при помощи нарратива очевидцев авторам удастся развернуть перед читателями масштабную картину разнообразных преступлений ИГИЛ (организация запрещена в РФ) и имплицитно доказать свой исходный тезис о том, что ИГИЛ (организация запрещена в РФ) – это не государство, а мафия. Цитаты очевидцев, во-первых, вызывают у

читателей эмоциональный отклик, во-вторых, значительно повышают достоверность текста.

Выражение авторской оценки тесно связано с **тональностью** текстов. Существует три вида тональности: агрессивная, мелиоративная и объективная.

Мелиоративная тональность традиционно выражается при помощи речевого одобрения, «сладкого» контекста, комплимента, мелиоративных лексем и т.д. Ее ключевая цель – одобрение «своих». Возможно, в связи с тем, что журналисты «Die Zeit» обычно занимают очень критичную позицию по отношению к политике властей Германии, ни одного текста с мелиоративной тональностью на страницах газеты в 2014-2017 годах не встретилось.

Агрессивная тональность ставит целью дискредитацию образа «чужих». Она может встречаться в текстах, в которых упоминается режим Асада в Сирии, режим Эрдогана в Турции, а также политика российских властей в рассматриваемом вооруженном конфликте. Негативная роль упомянутых сторон при этом преподносится как общее место, нечто, всем известное и не требующее доказательств.

- «Allerdings war der Westen nicht auf die Wiederkehr der Geschichte vorbereitet. *Nun merken die Friedfertigen, dass sie nicht Tennis spielen können, wenn ihre Gegner Granaten zurückschlagen.* Gegen Putin muss der Westen Verhandlungsbereitschaft mit Abschreckungspolitik paaren. Der *Terror* lässt sich nicht besänftigen, weil die *Apokalypse* nicht verhandelbar ist. Der Westen lernt gerade, dass Gewalt Widerstand erfordert, um die kostbarsten aller Geschenke zu schützen: den *Frieden und die Freiheit*» (Joffe J. Die Schwäche der Weltenzünder // DIE ZEIT Nr. 1/2016, 30. Dezember 2015. S. 1) («Однако Запад не был готов к возвращению истории. Теперь миротворцы понимают, что *не могут играть в теннис, когда их противники отбивают гранаты* (сравнение, метафора). Запад должен сочетать готовность вести переговоры с Путиным с политикой сдерживания. *Terror* (ярлык) не может быть смягчен, потому что

апокалипсис (ярлык) не подлежит обсуждению. Запад понимает, что насилие требует сопротивления, чтобы защитить самые ценные дары: *мир и свободу* (слова с позитивной коннотацией)»).

- Der Siegeszug des IS und der neue *Imperialismus* Russlands beherrschten die Weltpolitik. Unaufhaltsam scheint die Doppelloffensive gegen die Staatenordnung zu sein – hier das "Kalifat", das Nahost unterwerfen will, dort die gewaltsame Verschiebung der Grenzen in Europa – zum ersten Mal seit 1945. *Ist das die Zukunft?* Die Antwort ist Nein. *Warum diese kühne, ja leichtsinnige Prophezeiung zum Jahreswechsel?* (Joffe J. Die Schwäche der Weltenzünder // DIE ZEIT Nr. 1/2016, 30. Dezember 2015. S. 1) («Триумфальный марш ИГИЛ (организация запрещена в РФ) и новый *империализм* России доминировали в мировой политике. Неудержимым кажется двойное наступление против государственного заказа: здесь - «халифат», который хочет покорить Ближний Восток, там - насильственное изменение границ в Европе, впервые после 1945 года. Это будущее? Ответ - нет. К чему это смелое, даже *безрассудное пророчество* на рубеже года?)

Несмотря на то, что в немецких текстах авторское «я» звучит во много раз сильнее, чем в текстах российских журналистах, превалирующей тональностью остается тональность объективная. Она реализуется при помощи последовательной доказательной позиции авторов, компоновки и привидения фактов, обращения к экспертным мнениям и описаниям очевидцев.

«Warum schickt Trump plötzlich Soldaten nach Syrien?» (Musharbash Y. Warum schickt Trump plötzlich Soldaten nach Syrien? // DIE ZEIT Nr. 13/2017, 23. März 2017. S. 9) («Почему Трамп начал неожиданно отправлять солдат в Сирию?») является примером журналистского текста, в котором соблюдается объективная тональность. Автор задается вопросом, вынесенным в заголовок статьи, и вместе с читателем ищет на него ответ. Он рассказывает о нынешнем положении дел, о том, какое количество американских войск было отправлено в Сирию и с какой целью это было сделано:

«In Mossul steht der IS nun kurz vor der Niederlage. Der Beginn der Schlacht um Rakka wird für April erwartet. Die Rolle des US-Kontingents wird spürbar sein» (Musharbash Y. Warum schickt Trump plötzlich Soldaten nach Syrien? // DIE ZEIT Nr. 13/2017, 23. März 2017. S. 9) («ИГ (организация запрещена в РФ) в Мосуле близко к поражению. Начало битвы за Ракку ожидается в апреле. Роль американских формирований при этом будет ощутима»)

Автор задается также вопросами относительно будущего региона и дает опережающую оценку событий: «De facto bestehen also zwei parallele Pläne zur Einnahme Rakkas, die sich kaum in Einklang bringen lassen werden. Wenn Washington und Ankara sich nicht einigen, droht eine tiefe Verwerfung zwischen den Nato-Alliierten» (Musharbash Y. Warum schickt Trump plötzlich Soldaten nach Syrien? // DIE ZEIT Nr. 13/2017, 23. März 2017. S. 9) («Де факто существует два параллельных плана по взятию Ракки, которые вряд ли будут согласованы. Если Вашингтон и Анкара не найдут общий язык, есть угроза глубокого раскола между союзниками по НАТО»).

Статья «Krieg gegen den Terror» («Война против террора») из газеты «Die Zeit» №40 от 25.09.2014 посвящена вступлению американских военных в конфликт в Сирии. Постепенно, шаг за шагом описывая события, авторы рисуют перед читателями масштабную картину причин и последствий данного вмешательства.

Первая часть статьи передает ощущение удивления и даже восхищения: после столь длительного ожидания и многих обещаний Америка наконец вступает в борьбу и делает это вполне успешно: «Vielleicht konnte der US-Präsident tatsächlich keinen besseren Ort finden, um seine wichtigste Botschaft an den Mann zu bringen: "Das ist nicht Amerika gegen den ›Islamischen Staat‹, das sind die Staaten der Region gegen den ›Islamischen Staat‹, das ist die Welt gegen den IS." So hat Obama seine Strategie beschrieben, vor erst zwei Wochen, und so wiederholt er sie in New York. Tatsächlich hat es sein Außenminister John Kerry geschafft, eine nicht nur breite, sondern auch eine

überraschend entschlossene Koalition gegen den IS zu schmieden. Saudi-Arabien, Katar, Jordanien, Bahrain und die Vereinigten Arabischen Emirate haben an den Luftangriffen auf Syrien teilgenommen» (Bittner J., Böhm A., Musharbash Y., Thumann M., Topcu O. Krieg gegen den Terror, Teil 2 // DIE ZEIT Nr. 40/2014, 25. September 2014. S. 2-3) («Вполне вероятно, что президент США не смог бы найти лучшего места для выражения своего послания человечеству: «Это не Америка против Исламского государства (организация запрещена в РФ), то есть не государство против Исламского государства (организация запрещена в РФ), это Мир против ИГ (организация запрещена в РФ)». Так Обама описал свою стратегию всего две недели назад, и так же повторяет ее в Нью-Йорке. Фактически его госсекретарь Джон Керри сумел создать не только широкую, но и удивительно решительную коалицию против ИГ (организация запрещена в РФ). Саудовская Аравия, Катар, Иордания, Бахрейн и Объединенные Арабские Эмираты участвовали в воздушных ударах по Сирии»)

Затем авторы статьи упоминают о том, что вмешательство США, несмотря на его успешность, противоречит многим международным нормам. Что Германия пока не торопится с положительными оценками случившегося. Что в самой Сирии нет доверия американским войскам. Наконец, что ООН пока не проявляет активности. Таким образом, успех американцев в Сирии постепенно превращается из вопроса решенного в вопрос спорный. Авторы последовательно приводят аргументы и подводят читателей к главному выводу:

«Wahrscheinlich wird Amerika den "Islamischen Staat" erfolgreich zurückschlagen. Aber ihn zu "vernichten", wie Obama das gern hätte, wird wohl nicht gelingen. <...> Niemals werde die Weltgemeinschaft eine Lösung für diese Region finden, wie sie für den Balkan oder Osteuropa gefunden worden sei» (Bittner J., Böhm A., Musharbash Y., Thumann M., Topcu O. Krieg gegen den Terror, Teil 2 // DIE ZEIT Nr. 40/2014, 25. September 2014. S. 2-3) («Вероятно, Америке удастся дать отпор «Исламскому государству» (организация

запрещена в РФ). Но «уничтожить» его, как хотел бы Обама, у него не получится. <...> Мировое сообщество никогда не найдет решения для этого региона, как это было в случае с Балканами или Восточной Европой»)

На страницах газеты «Die Zeit» также встречаются тексты с подчеркнута объективной тональностью.

К примеру, статья «Geschlagen, aber nicht besiegt» («Побиты, но не побеждены») из газеты «Die Zeit» №5 от 29.01.2015 посвящена захвату стратегически важного города под названием Кобани. На первый взгляд, тональность текста объективная: автор использует нейтральные лексемы, использует минимальное количество экспрессивных средств, авторское «я» замаскировано. Читателю предоставляется рассказ об осаде города, а также его последующем завоевании. Тем не менее истинной темой статьи представляется роль американской армии в военных действия в Сирии: «Kobani – der Name war schon fast wieder aus den Schlagzeilen gerutscht. Mitte September vergangenen Jahres war der "Islamische Staat" siegessicher auf die kurdische Stadt im äußersten Norden Syriens vorgerückt. Internationale Kamerateams auf der türkischen Seite der Grenze übertrugen live den scheinbar aussichtslosen Abwehrkampf. *Der Fall der Stadt schien nur noch eine Frage von Tagen, da tauchten am Himmel amerikanische Kampfbomber auf. Die USA griffen erstmals militärisch in den Krieg in Syrien ein – nicht gegen das Regime von Baschar al-Assad, sondern gegen das Kalifat des Abu Bakr al-Bagdadi*» (Böhm A. Geschlagen, aber nicht besiegt // DIE ZEIT Nr. 5/2015, 29. Januar 2015. S. 9) («Название этого города – «Кобани» - практически исчезло из заголовков. В середине сентября прошлого года Исламское государство (организация запрещена в РФ) с уверенностью продвигалось к курдскому городу на крайнем севере Сирии. Международные съемочные группы на турецкой границе передавали в прямом эфире, казалось бы, безнадежный оборонительный бой. *Падение города казалось лишь вопросом дней, когда в небе появились американские боевые бомбардировщики. Впервые США предприняли военные действия в Сирии* - не против режима Башара Асада, а

против халифата Абу Бакра аль-Багдади»). Автор рисует картину безнадежности, а затем – практически чудесного спасения города благодаря своевременному появлению американских военных сил.

Пресуппозиции - как универсальные, так и этноспецифические – также характерный прием для качественной немецкой прессы. Чаще всего на страницах «Die Zeit» встречаются:

- Putins Russland (Путинская Россия): «Russland bleibt ein Drittweltland mit Erste-Welt-Waffen. <...> "Zurück in die Zukunft" ist ein Irrweg für ein Land, das am Preis von Öl und Gas hängt» (Joffe J. Die Schwäche der Weltenzünder // DIE ZEIT Nr. 1/2016, 30. Dezember 2015. S. 1) («Россия остается страной третьего мира с оружием первого мира. <...> Политика «Назад в будущее» является ошибкой для страны, которая зависит от цены на нефть и газ»).

- Assad-Regime (Режим Асада): «Spitzt sich diese Entwicklung zu, dann stünden die USA und ihre Verbündeten im Kampf gegen den IS wieder vor dem Dilemma, um das sie sich seit Monaten herumdrücken: Wie will man in Syrien erfolgreich den IS bekämpfen, wenn man gleichzeitig die Gräueltaten des Assad-Regimes ignoriert?» (Böhm A. Geschlagen, aber nicht besiegt // DIE ZEIT Nr. 5/2015, 29. Januar 2015. S. 9) («В случае дальнейшего развития событий США и их союзники в борьбе с ИГ (организация запрещена в РФ) снова столкнутся с дилеммой, с которой они боролись в течение многих месяцев: как успешно справиться с ИГ (организация запрещена в РФ) в Сирии, если игнорируются зверства режима Асада?»).

- Hybrider Krieg (Гибридная война): «Was hybrider Krieg bedeutet, erfahren die Ukrainer noch immer schmerzlich» (Bota A. Immer ist es Putin // DIE ZEIT Nr. 52/2016, 15. Dezember 2016. S. 1) («Что такое гибридная война, украинский народ понимает все более отчетливо»). Гибридные войны – это вид конфликтов, когда победа достигается путем не открытых военных действий, а скрытых манипуляций, диверсий, кибератак и т.д.

- Arabellionen (Арабская весна): «Das Mindeste ist, zu benennen, was da vor den Augen der Welt zerstört worden ist: zuallererst ein Sinnbild für den Beginn

der Arabellionen, an den sich heute kaum einer mehr erinnern mag» (Böhm A. Hölle auf Erden // DIE ZEIT Nr. 52/2016, 15. Dezember 2016. S. 1) («Как минимум, следует признать то, что на глазах у всего мира там было разрушено: в первую очередь - это символ начала арабской весны, о которой сегодня уже вряд ли кто вспомнит») Арабская весна – волна протестов в арабских странах в 2011 году.

Этноспецифические пресуппозиции несут информацию, знакомую всем членам этнокультурного сообщества: прецедентные высказывания политиков, прецедентные тексты, имена, события. Их использование позволяет авторам реализовывать функцию интриги, оказывать на читателей максимальное эмоциональное воздействие, действенное влияние на их восприятие и оценку событий, а в конечном итоге – провоцировать изменения в существующей у реципиентов информации картине мира. Например:

- «Große Satan» (Lau J., Joffe J. Hat er denn die Welt verbessert? // DIE ZEIT Nr. 18/2016, 21. April 2016. S. 6) («Великий Сатана») – уничижительное высказывание иранских политиков о США, ставшее устойчивым.

- «Pennsylvania Avenue» (Lau J., Joffe J. Hat er denn die Welt verbessert? // DIE ZEIT Nr. 18/2016, 21. April 2016. S. 6) («Пенсильвания-авеню») - улица в Вашингтоне, соединяющая Белый дом и Капитолий. Используется для обозначения центра принятия важнейших политических решений в мире.

В данном случае можно говорить об устойчивой для медиадискурса политической и публицистической метонимии. В российском медийном дискурсе примерами устойчивых метонимий могут послужить «Кремль», «Москва» или «Белый дом». В немецком – к примеру, «Пенсильвания-авеню». Они не выполняют прагматической функции, однако в некоторых случаях могут использоваться для интерпретации, что интересно, так как это происходит незаметно для адресата.

Умелая постановка вопроса – один из высокочастотных приемов интерпретации событий, связанных с войной в Сирии. Например:

- «Kriege gewinnen? Hat Trump nicht bei jeder Gelegenheit die gescheiterten Kriege seiner Vorgänger im Mittleren Osten kritisiert und behauptet, sie hätten dort alles nur schlimmer gemacht? Was bedeutet es, wenn er nun selber Kriege "gewinnen" will?» (Lau J., Thumann M. Was, wenn er zuschlägt? // DIE ZEIT Nr. 12/2017, 16. März 2017. S. 3) («Выигрывать войны? Разве Трамп не критиковал каждый раз своих предшественников за неудачи в военных кампаниях на Ближнем Востоке и не утверждал, что они только усугубляют ситуацию? Что это значит, если теперь он сам хочет «выигрывать» войны?»).

Автор размышляет о мечте Дональда Трампа выиграть войну. Задаваясь рядом вопросов, он подводит читателей к цели о несостоятельности данной цели, а также общей нелогичности заявлений, которые делает президент США.

- «Ein Gedankenspiel: Mal angenommen, Sie sind ein homosexueller muslimischer Mann oder eine jüdische Frau. In welchem Land der Welt könnten Sie frei leben?» (Lauder R. Menschenrechthaberei // DIE ZEIT Nr. 25/2016, 9. Juni 2016. S. 11) («Игра для ума: Предположим, вы мусульманин-гомосексуалист или еврейка-лесбиянка. В какой стране мира вы сможете жить свободно?»). Сама постановка вопроса автором подводит к тому, что подобных стран мало либо нет совсем. Метафора *Gedankenspiel* – «игра ума» или «игра для воображения» - усиливает идею автора: чтобы найти такое государство, в котором национальные и сексуальные меньшинства не встречаются с ущемлениями, нужно поломать голову.

- «Erst Donald Trump, dann Angela Merkel: Kann der Kreml wirklich die Wahlen im Westen manipulieren? Wladimir Putin muss der mächtigste Mann der Welt sein. Wie sonst sollte er in der Lage sein, in Syrien brutale Fakten zu schaffen, in Amerika Syri den Präsidenten zu installieren, in Deutschland der AfD bei der Bundestagswahl 2017 zu helfen und in Frankreich – abwarten! – Marine Le Pen an die Staatsspitze zu bringen?» (Bota A. Immer ist es Putin // DIE ZEIT Nr. 52/2016, 15. Dezember 2016. S. 1) («Сначала Дональд Трамп, потом Ангела Меркель: Действительно ли Кремль может манипулировать выборами на

Западе? Владимир Путин, должно быть, самый могущественный человек в мире. В противном случае, каким образом он в состоянии организовать в Сирии жесткие действия, помочь партии AfD на федеральных выборах 2017 года в Германии и, внимание! - поставить во главу Франции Марин ле Пен?»). Постановка вопросов подводит читателей к выводу, что тот факт, что президент России Владимир Путин оказывает большое влияние на мировую политику и вмешивается в дела отдельных стран, очевиден и не требует каких-либо доказательств.

- «Ist es naiv, im Horror die Hoffnung zu suchen? Nicht zu beklagen, was ist: die Bomben, die Toten; sondern zu sehen, was sein wird, irgendwann? <...> Vielleicht ist es die einzige Möglichkeit, nicht wahnsinnig zu werden» (Agarwala A. "Wenn es so weit ist" // DIE ZEIT Nr. 47/2016, 10. November 2016. S. 81) («Насколько это наивно – искать надежду посреди ужаса? Не жаловаться на происходящее: на бомбы, трупы, а уметь видеть, что будет на этом месте в будущем, когда-нибудь? <...> Возможно, это единственный способ, как не сойти с ума.»).

Противопоставление в вопросах концептов «надежда» / «ужас», применение нескольких вопросов вместо одного усиливают эмоциональное воздействие на читателя и подводит его к желаемому выводу: такое поведение – способ людей сохранить здравый рассудок во время войны.

Ирония также является высокочастотным средством интерпретации событий в газете «Die Zeit».

- «Erst erwägt Donald Trump, die Krim als russisch anzuerkennen. Dann fordert er, dass Moskau die Halbinsel den Ukrainern zurückgibt. Das passt nicht zusammen? So ist es» (Bota A., Kohlenberg K. Dich bring ich ganz groß raus. // DIE ZEIT Nr. 9/2017, 23. Februar 2017. S. 6) («Сначала Дональд Трамп рассматривает вопрос о признании Крыма российским. Затем требует, чтобы Москва вернула полуостров украинцам. Что, не сходится? Так оно есть»)

Умело компоная факты и задаваясь вместе с читателем логичным вопросом об их соответствии друг другу, автор заостряет внимание читателя на полной нелогичности политики Дональда Трампа. А затем продолжает:

«In Moskau merken sie in diesen Tagen, dass Trumps Wahlsieg zwar wie ein Geburtstagsfest war, aber eines ohne Geschenke. "Wir haben drei Tage gefeiert, bis das Akkordeon hinüber war", scherzte der Kreml-Sprecher Dmitri Peskow. Die Medien hatten Trump als einen *Muschik*, einen echten Kerl, gefeiert. Donald Trump war ein Versprechen für eine neue Ära. Doch es kam anders» (Bota A., Kohlenberg K. Dich bring ich ganz groß raus. // DIE ZEIT Nr. 9/2017, 23. Februar 2017. S. 6) («В Москве отмечают, что победа Трампа на выборах – это как *день рождения*, но без подарков. «Праздновали три дня, порвали баян», - пошутил представитель Кремля Дмитрий Песков. СМИ назвали Трампа *Muschik (Мужиком)*, настоящим парнем. Дональд Трамп был *предвестником новой эры*. Но вышло иначе»). Автор иронизирует, передавая общее разочарование героев материала в ситуации. Для передачи авторской оценки используются разнообразные концепты, сравнения, прецедентные тексты, ярлыки и т.д.

- В статье «Wer bellt, muss beißen» («Кто лает, тот и кусает») из газеты «Die Zeit» №30 от 14.07.2016 автор размышляет о причинах, по которым президент Германии запретил депутатам немецкого парламента совершить официальный визит на авиабазу Инджирлик, и позволяет себе ироничное замечание: «Das Problem mit Drohungen ist nämlich, dass man sie womöglich wahr machen muss. Und in der Tat könnte man die Ansicht vertreten, dass es sich bei dem "Islamischen Staat" um einen Menschheitsfeind von solcher Dimension handelt, dass eine Abgeordneten-vor-Ort-Recherche nach ausgewogenen Speiseplänen und Freizeitangeboten auf der Militärbasis womöglich mal ein wenig zurückstehen könnte» (Bittner J. Wer bellt, muss beißen // DIE ZEIT Nr. 30/2016, 14. Juli 2016. S. 10) («Проблема с угрозами заключается в том, что в один момент они могут осуществиться. Можно с уверенностью утверждать, что «Исламское государство» (организация запрещена в РФ) является врагом

человечества таких масштабов, что выездное исследование депутатов на предмет, насколько сбалансированный у военных рацион питания и хватает ли на военной базе развлекательных мероприятий, немного теряет свою актуальность»).

В этом абзаце автор противопоставляет глобальную угрозу Исламского государства (организация запрещена в РФ) всему человечеству и ту малую роль, которую могут сыграть в борьбе с ним немецкие депутаты. Во время официальных визитов на военные базы действия, во многом, происходят «на камеру». Обсуждаются вопросы типа рациона питания или проведения свободного времени, которые представляются автору незначительными и даже ничтожными по сравнению с настоящими проблемами.

Большую роль в интерпретационных приемах также играют **детали**.

Например, автор статьи «Mit Bomben und Chlorgas» («Бомбами и хлористым газом») из газеты «Die Zeit» №37 от 10.09.2015 упоминает, что в один день в Сирии погибло два ребенка, трех и восьми лет. Первый утонул вместе с матерью, пытаясь бежать, второй умер во время бомбежки города Думу. Фото первого обошло все газеты, о смерти второго есть только запись в документах. Данные факты автор перечисляет, не давая им эмоциональной оценки. Ее он транслирует при помощи цитаты: «"Wenn die Staatschefs der Welt es nicht schaffen, diese Kinder zu retten", twitterte ein Aktivist aus Aleppo vergangene Woche, "sollten sie sich besser einen anderen Planeten zum Regieren suchen." Wie es im Moment aussieht, schaffen sie es nicht» (Böhm A. Mit Bomben und Chlorgas // DIE ZEIT Nr. 37/2015, 10. September 2015. S. 7) («Если лидеры государств ничего не делают, чтобы спасти этих детей, - написал на прошлой неделе в Твиттере один активист из Алеппо, - им лучше поискать другую планету, которой они могли бы управлять». Как мы видим на данный момент, они не делают ничего»)

Даже деперсонализированное упоминание источника информации работает на достоверность текста, а также повышает убедительность журналиста.

В статье «... und morgen die Weltherrschaft» («...а завтра – мировое господство») из газеты «Die Zeit» №34 от 14.08.2014 автор описывает то, как люди в Сирии покидают родные края:

«Auf der Hauptstraße von Erbil nach Dohuk kann man sie sehen: In Panik haben Tausende Menschen ihr Zuhause verlassen, jetzt schieben sie sich auf Autos, Lastwagen, Pick-ups, Jeeps, Motorrädern, Einzylinder-Tuk-Tuks und Fahrrädern über die Fahrbahn. Viele laufen auch zu Fuß, ganz egal, Hauptsache, weit weg. Menschen, denen nichts geblieben ist außer einer Plastiktüte mit Papieren und Dokumenten, Fotos und vielleicht einem Teddybären für die Kinder. Die Sonne brennt unerträglich. Es herrschen Temperaturen zwischen 40 und 45 Grad» (Andrea Böhm, Yassin Musharbash und Birgit Svensson. ... und morgen die Weltherrschaft. DIE ZEIT Nr. 34/2014, 14. August 2014) («Их можно увидеть на главной улице от Эрбиля до Дохука: тысячи людей в панике покинули свои дома, теперь они запихивают себя в автомобили, грузовики, пикапы, джипы, мотоциклы, одноцилиндровые тук-туки и велосипеды. Многие идут пешком – это неважно, лишь бы уйти далеко. Люди, у которых нет ничего, кроме пластикового пакета с бумагами и документами, фотографиями и, возможно, плюшевым мишкой для детей. Солнце жарит невыносимо. Температура от 40 до 45 градусов.»)

Автор создает эпичную картину исхода, рисует давку в толпе людей, пытающихся найти себе любой вид транспорта. Журналист подробно перечисляет виды транспорта, начиная от самого комфортного (автомобиля) и заканчивая тук-туками и велосипедами, подчеркивая таким образом социальное расслоение беженцев. Бедность подчеркивает тот факт, что у многих в руках только пластиковые пакеты с самым необходимым. Деталь в виде плюшевого мишки, впопыхах захваченного для ребенка, вызывает сильный эмоциональный отклик. Накал ситуации подчеркивает указание на температуру на улице: до 45 градусов. Таким образом, в целом рисуется картина ада.

Выводы

С точки зрения текстовых и композиционных приемов интерпретации наиболее высокочастотным приемом в газете «Коммерсантъ» служит обращение к комментариям экспертов и цитация. Экспертные мнения используются в качестве аргументации при реализации авторской интенции убеждения, а также служат реализации требования достоверности. Интерпретация проявляется в выборе цитат и их компоновке. Распространено использование цитат, содержащих образные художественные метафоры, тропов, универсальных публицистических пресуппозиций. Высокочастотны объективная или подчеркнута объективная тональность текстов.

В статьях из газеты «Die Zeit» распространено использование нарративов очевидцев и их цитация. Обращение к цитатам экспертам встречается реже, чем в газете «Коммерсантъ». Статьи, построенные только на авторском нарративе, без цитат, встречаются значительно чаще, как и эксплицитное выражение оценки медиасобытий. Распространена объективная или подчеркнута объективная тональность текстов.

2.4. Сопоставительный анализ интерпретации медиасобытия в российских и немецких СМИ

Все журналисты интерпретируют описываемую действительность. Отражаясь в авторском тексте, события затем преломляются в сознании читателей и являют собой интерпретацию, субъективное восприятие действительности (Доржиева, 2018: 35).

По мнению В.З. Демьянкова, автору нужно не просто выбрать «главную фигуру» (событие для освещения), но также «нарядить» ее в соответствии со вкусами читателей (Демьянков, 2004: 69). Интерпретация события выражается в самом выборе события для освещения, в структурных особенностях текста, в его стилистике.

В рамках исследования было изучено 200 статей: 100 статей, опубликованных в российской газете «Коммерсантъ» и 100 статей,

опубликованных в немецкой газете «Die Zeit». Все статьи объединяла общая тема – военный конфликт в Сирии, однако в центре внимания журналистов далеко не всегда находились военные действия. Разнообразие сторон конфликта, вызывающих интерес у журналистов и, соответственно, являющихся своеобразным ответом на запрос читательской аудитории, является отражением национальной картины мира. Она создается в качественной прессе страны по каждому срезу политических событий.

Журналисты газеты «Die Zeit», освещая войну в Сирии в 2014-2017 годах, акцентировали внимание на следующих темах: беженцы; международная политика по борьбе с ИГ (организация запрещена в РФ); внешняя политика Германии; внешняя политика России; внешняя политика Турции, Ирана, Израиля, США; международный терроризм; судьбы людей, живущих в ИГ (организация запрещена в РФ) или пострадавших от режима; исламизм и христианство, и другие.

Тематическое разнообразие статей в газете «Die Zeit» представлено на Рисунке 1.

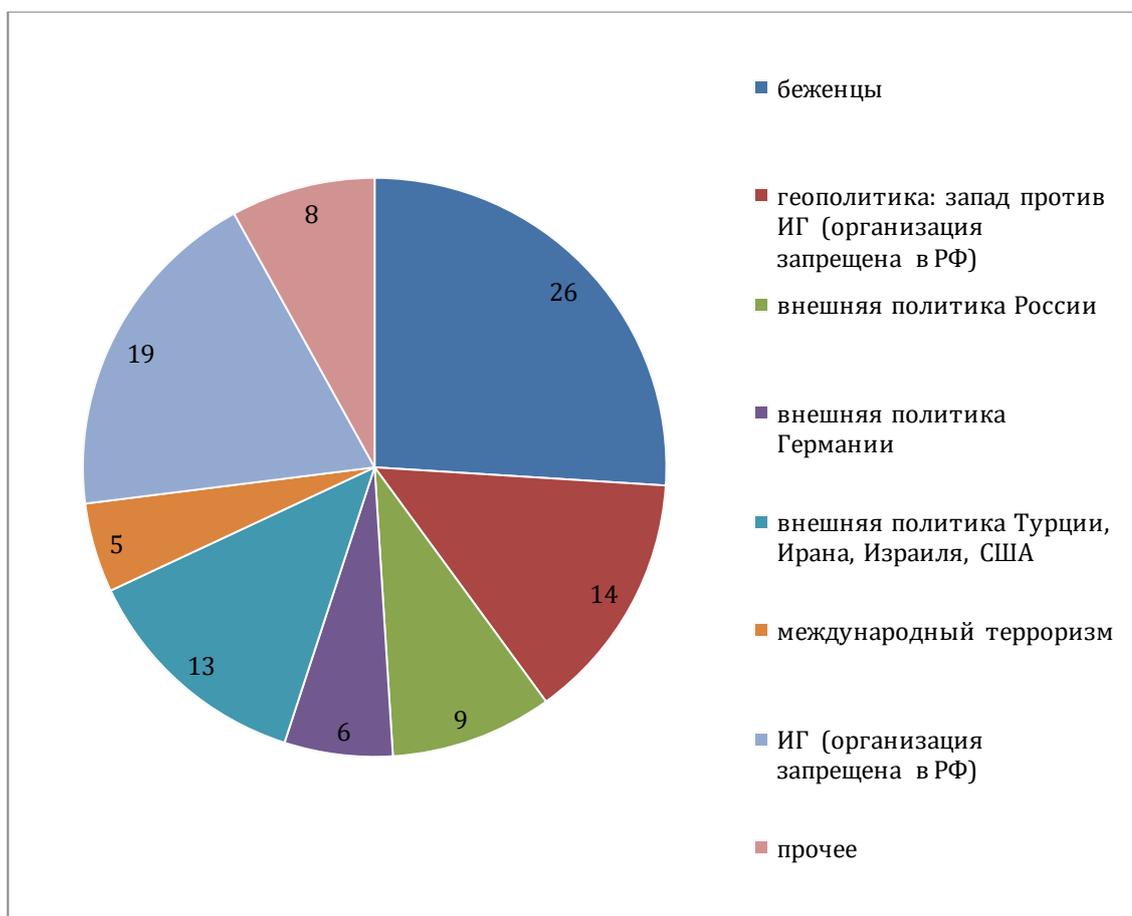

Рисунок 1 – Тематическое разнообразие статей в газете «Die Zeit»

В группу «ИГ» (организация запрещена в РФ) были объединены статьи, освещающие судьбы людей, живущих в Сирии и пострадавших от ИГ (организация запрещена в РФ), а также последствия военных операций для военных и мирного населения. В большинстве случаев журналисты сосредотачивали свое внимание на трагических судьбах конкретных людей, мирного населения.

В группу «Прочее» вошли статьи, посвященные религиозным противостояниям, разрушению и защите объектов культурного наследия в Сирии, философские размышления о причинах войны в Сирии.

Журналисты газеты «Коммерсантъ» в тот же временной отрезок концентрировали свое внимание на других сторонах конфликта: взаимоотношения России с США, Турцией, Ираном, Сирией; внешняя политика страны; участие России в миротворческом процессе и переговорах;

ход военных действий; судьбы российских военных; жизнь мирного населения в Сирии.

Тематическое разнообразие статей в газете «Коммерсантъ» представлено на Рисунке 2.

Рисунок 2 – Тематическое разнообразие статей в газете «Коммерсантъ»

Диаграмма наглядно демонстрирует, что наиболее значимыми с точки зрения освещения темами в газете «Коммерсантъ» в 2014-2017 годах были: освещение хода военных действий (29% выбранных для анализа статей), участие России в миротворческом процессе (25% статей), взаимоотношения России и США (13% статей).

Таким образом, статьи из газеты «Die Zeit» демонстрируют значительно большее тематическое разнообразие по сравнению со статьями из газеты «Коммерсантъ». Можно предположить, что это связано с тем, что Германия напрямую не участвовала в военных действиях в Сирии. Интересным также представляется факт, что сам ход военных событий практически не освещался немецкими журналистами. Они сразу поднимались до уровня

взаимоотношений стран, эффективности работы международных организаций, глобальной политики Запада против ИГ (организация запрещена в РФ), а также трактовались с точки зрения масштабных категорий: веротерпимости, гуманизма и толерантности.

При освещении конфликта каждая сторона создавала свой образ родины. Образ Германии в российских и немецких СМИ практически совпадает: авторы «Коммерсанта» и «Die Zeit» регулярно указывали на осторожную, выжидательную позицию Германии в конфликте. Тональность сообщений при этом была различной. Российские журналисты предпочитали объективную тональность, немецкие часто агрессивную: они открыто критиковали власти (особенно часто – лично канцлера Ангелу Меркель) за бездействие и даже обвиняли их в трусости.

Образ России в материалах авторов двух стран различается. С точки зрения журналистов «Die Zeit» Россия – это третья сила, осуществляющая поддержку диктаторских режимов Асада и Эрдогана с целью возвращения себе статуса великой державы, а также достижения сугубо меркантильных целей (доходы от продажи вооружений, заключение экономически выгодных договоренностей на будущее, и т.д.). В данном случае можно говорить о признаках *hate speech* - «языка вражды», речевой агрессии.

Журналисты «Коммерсанта» описывали Россию в войне как сильную державу, волевым образом принимающую непростые решения и выполняющую важную миротворческую функцию.

Анализ лингвостилистических приемов интерпретации медиасобытий в газетах «Коммерсантъ» и «Die Zeit» показал, что авторы используют один и тот же набор приемов, но применяют его по-разному. Обращаясь к фонду лингвостилистических приемов, журналисты выбирают подходящие для описания событий языковые средства. Выбор приемов интерпретации обусловлен авторской интенцией, а также прочими детерминантами журналистского творчества.

В 100% статей, опубликованных в газетах «Коммерсантъ» и «Die Zeit», присутствует концептуальная лексика. Ее использование обусловлено самой тематикой публикаций (военное дело, политика, дипломатия). Кроме того, концептуальная лексика позволяет журналистам с максимальной точностью передать суть описываемых явлений, что позволяет подчеркнуть объективность в изложении материала и служит реализации категории достоверности.

Для немецкой газеты «Die Zeit» использование образных средств в сильных позициях текста (в первую очередь, заголовках) не характерно. Авторы предпочитают максимально короткие и точные заголовки, которые выполняют функцию не интриги, а информирования. Кроме того, в отличие от российских журналистов, авторы «Die Zeit» выносят в заголовки аналитических статей цитаты экспертов или очевидцев. В российской качественной прессе этот прием обычно используется для жанра интервью.

Соотношение заголовков в газете «Die Zeit» представлено на Рисунке 3.

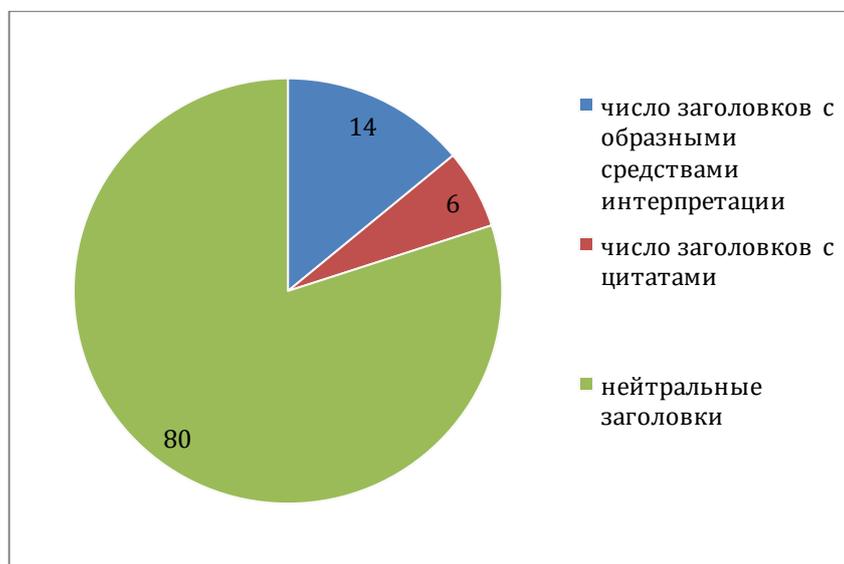

Рисунок 3 – Соотношение заголовков в газете «Die Zeit»

В тексте журналистских материалов в газете «Die Zeit» образные средства чаще всего встречаются в авторском нарративе, что заставляет авторское «я» громко звучать в материалах и «работает» на выражение как имплицитной, так и эксплицитной оценки медиасобытий.

Использование образных средств в различных нарративах в газете «Die Zeit» схематично представлено на Рисунке 4.

Рисунок 4 – Использование образных средств в различных нарративах в газете «Die Zeit»

В «Коммерсанте» распространена интерпретация при помощи лексико-семантических приемов, реализующаяся, в частности, в приеме использования тропов в сильных позициях текста (в первую очередь, в заголовках), что является приемом выражения имплицитной оценки.

Соотношение заголовков в газете «Коммерсантъ» представлено на Рисунке 5.

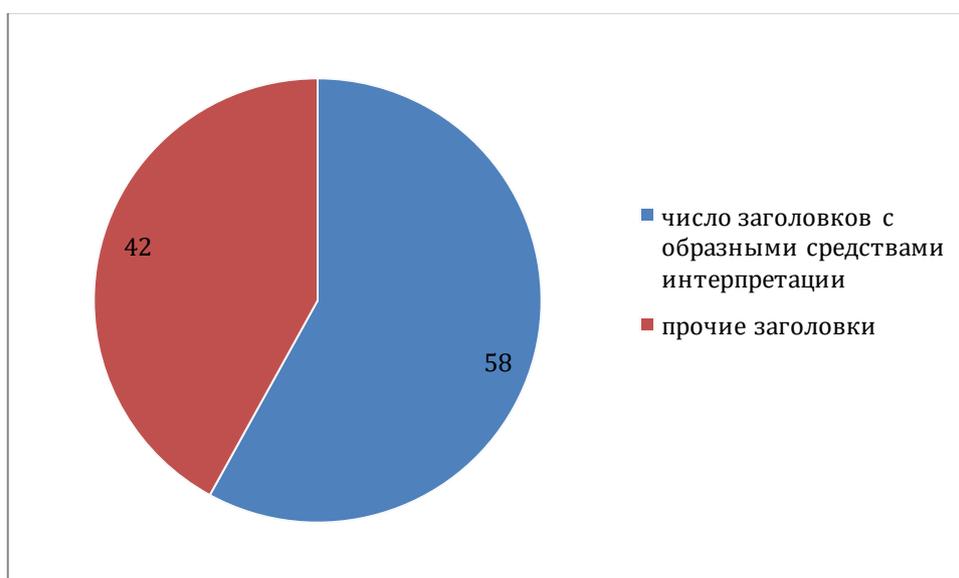

Рисунок 5 – Соотношение заголовков в газете «Коммерсантъ»

В текстах журналистских материалов в газете «Коммерсантъ» образные средства чаще всего встречаются в нарративе экспертов или очевидцев событий. Распространено не самостоятельное использование автором образных средств в тексте, а цитирование экспертов, в заявлениях которых содержатся образные художественные метафоры, тропы, универсальные публицистические пресуппозиции.

Использование образных средств в различных нарративах в газете «Коммерсантъ» схематично представлено на Рисунке 6.

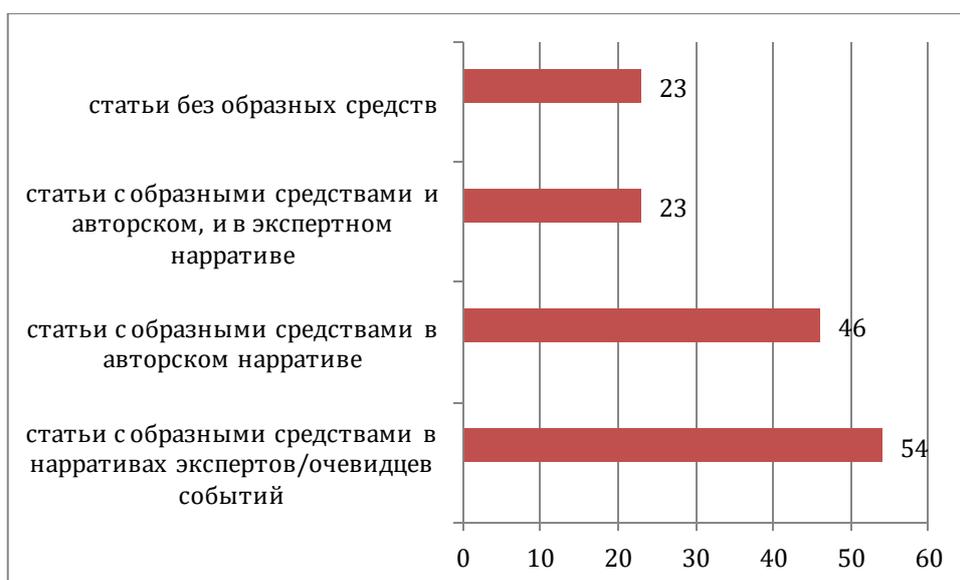

Рисунок 6 – Использование образных средств в различных нарративах в газете «Коммерсантъ»

Для российских и немецких авторов высокочастотным приемом интерпретации медиасобытия является использование метафор: образных, когнитивных, а также публицистических (традиционных для публицистического стиля), которые, в целом, играют в текстах когнитивную роль. В целях данного исследования мы условно причисляем публицистические метафоры к метафорам когнитивным. Они выполняют двойную функцию: как экспрессивную, так и когнитивную, так как работают на формирование понимания.

В немецкой газете «Die Zeit» в авторском нарративе часто встречаются когнитивные метафоры, которые также являются средством эксплицитной и

имплицитной интерпретации. Распределение видов метафор представлено на Рисунке 7.

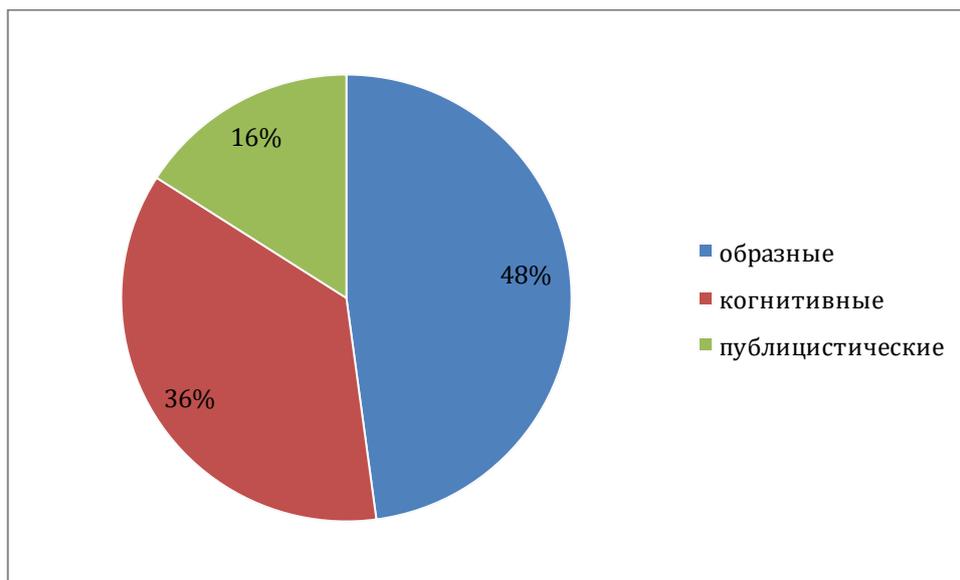

Рисунок 7 – Соотношение видов метафор в авторском нарративе в статьях из газеты «Die Zeit»

Диаграмма наглядно демонстрирует, что прием интерпретации при помощи образных метафор является наиболее высокочастотным приемом: образные метафоры в авторском нарративе встречаются в 48% проанализированных статей. Процент использования когнитивных метафор в газете «Die Zeit» выше, чем «Коммерсанте» (36% против 26%), а процент публицистических метафор ниже (16% против 33%).

В газете «Коммерсантъ» в авторском нарративе метафора встречается в 43% статей. Распределение видов метафор представлено на Рисунке 8.

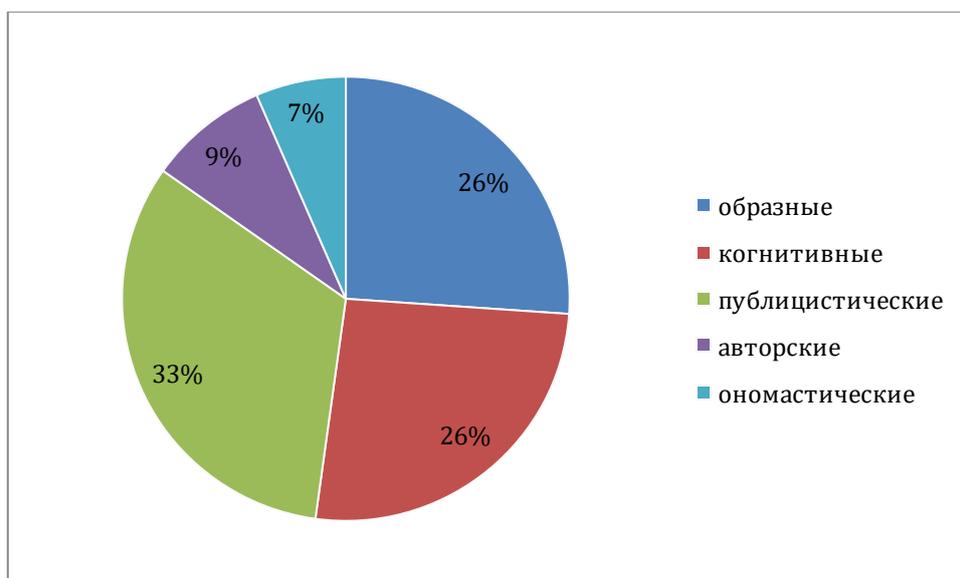

Рисунок 8 – Соотношение видов метафор в авторском нарративе в статьях из газеты «Коммерсантъ»

Из диаграммы видно, что в газете «Коммерсантъ» наиболее высокочастотным приемом служит прием интерпретации при помощи публицистических метафор (встречается в 33% проанализированных статей). Кроме того, распространен прием использования образных и когнитивных метафор (встречаются в 26% статей, соответственно).

С точки зрения текстовых и композиционных приемов интерпретации наиболее высокочастотным приемом в СМИ двух стран служит обращение к комментариям экспертов и цитация. Благодаря данному приему:

- вводится новая информация – выполняется функция информирования,
- оказывается воздействие на читателя – выполняется воздействующая функция, функция убеждения,
- сохраняется и поддерживается видимость объективности.

Экспертные мнения являются наиболее значимой аргументацией при реализации авторской интенции убеждения.

Данный прием интерпретации может иметь различные проявления.

- 1) Выбор цитат и их умелая компоновка является характерным приемом для российской качественной прессы. В прессе Германии он встречается реже.
- 2) Цитация позволяет российским и немецким журналистам соответствовать требованию объективности, однако одновременно придавать текстам необходимую экспрессию, передавать оценку, создавать тональность.
- 3) Интерпретация может проявляться также в интерпретации мнения другой стороны. При помощи данного приема авторы создают тональность текстов и выражают оценочность. Этот прием характерен для немецкой качественной прессы. Он проявляется в том, что весь журналистский материал может выстраиваться вокруг интерпретации одной цитаты эксперта или очевидца событий.

Подача событий в российских и немецких газетах также отличается типами нарративов.

В текстах «Die Zeit» обращения к экспертам встречаются в 51% статей. Вместо цитат экспертов используются цитаты очевидцев: они встречаются в 35% статей. Таким образом, преобладает оценка глазами очевидцев, а не экспертная оценка.

В газете «Коммерсантъ» обращение к экспертным мнениям встречается в 94% статей, что говорит о сильных традициях экспертной журналистики в России. Для сравнения, процент статей с использованием цитат очевидцев составляет 6%.

Обращение к различным типам нарративов обуславливает разные подходы к интерпретации со стороны российских и немецких журналистов.

Для качественной прессы Германии характерна более эмоционально насыщенная подача. Эмоциональный компонент ярко выражен, заметен читателю. Журналисты делают ставку на «картинку» события, на образность.

В качественной прессе России акцент делается на выборе аргументов и объяснении читателям информационной картины мира с последующим включением ее в индивидуальную картину.

Соотношение использования цитат экспертов и очевидцев в газетах «Коммерсантъ» и «Die Zeit» представлено на Рисунке 9.

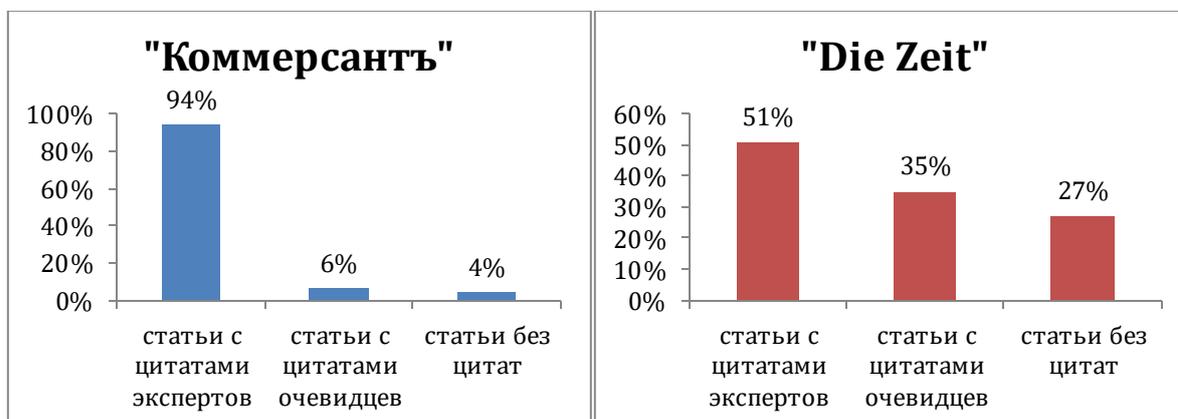

Рисунок 9 – Соотношение использования цитат экспертов и очевидцев в газетах «Коммерсантъ» и «Die Zeit»

В использовании приема цитации отражаются разные подходы авторов к убеждению. Для немецкой прессы характерны эмоциональные приемы (в большей степени), для российской – рациональные, логические. Эмоциональные приемы убеждения традиционно эффективнее воздействуют на массового читателя.

В выборе и порядке приведения цитат проявляется система мировоззрений, идеология, а также стилистическая концепция изданий. Как частный случай нарративности цитация имеет мощное прагматическое воздействие и помогает журналистам реализовать глобальную интенцию убеждения. При этом в газете «Die Zeit» гораздо чаще, чем в газете «Коммерсантъ», встречаются статьи, построенные исключительно на авторском нарративе, без цитат (27% против 4%). Таким образом, для трактовки медиасобытия читателю достаточно только авторской интерпретации. Подкрепление экспертными мнениями не требуется.

Превалирующей формой выражения оценки в обеих газетах является имплицитная оценка (хотя в количественном выражении эксплицитная

оценка в газете «Die Zeit» встречается чаще, чем в «Коммерсанте»: 33% против 13%).

Соотношение эксплицитной и имплицитной оценки в газетах «Коммерсантъ» и «Die Zeit» представлено на Рисунке 10.

Рисунок 10 – Соотношение эксплицитной и имплицитной оценки в газетах «Коммерсантъ» и «Die Zeit»

Что касается тональности, то наиболее распространена объективная или подчеркнута объективная тональность текстов. В газете «Коммерсантъ» она встречается в 87% статей, в газете «Die Zeit» – в 67% статей.

Интерпретация относится как к содержанию, так и к глубинному смыслу журналистского текста. Лингвостилистические способы интерпретации оказывают не только прагматический, но и когнитивный эффект: они позволяют включить измененную картину мира в когнитивную базу реципиента информации. В результате различных интерпретаций медиасобытия у читателей России и Германии формируется различная картина мира.

Выводы по второй главе

Набор лингвистических приемов является универсальным для различных культур. Фонд лингвостилистических приемов интерпретации медиасобытия служит экспликации категории достоверности, реализации глобальной интенции убеждения, а также формированию у читателя определенной картины мира.

В российской газете «Коммерсантъ» интерпретация при помощи лексико-семантических приемов реализуется в использовании тропов в заголовках. Высокочастотным приемом интерпретации медиасобытия является использование метафор. С точки зрения текстовых и композиционных приемов интерпретации наиболее распространены обращение к комментариям экспертов и цитация. Высокочастотны объективная или подчеркнута объективная тональность текстов.

В немецкой газете «Die Zeit» преобладает эмоционально насыщенная подача. Журналисты делают ставку на образность, в результате чего авторское «я» заметно в материалах и способствует выражению имплицитной и эксплицитной оценки медиасобытий. Высокочастотным приемом интерпретации является использование метафор, в первую очередь образных и когнитивных. Распространено использование нарративов очевидцев и их цитация. Обращение к цитатам экспертам встречается реже, чем в газете «Коммерсантъ». Высокочастотны объективная или подчеркнута объективная тональность текстов.

Интерпретация относится не только к содержанию, но и к глубинному смыслу текста. Стилистические средства интерпретации имеют прагматический и когнитивный эффект, позволяют включить измененную картину мира в когнитивную базу адресата.

В результате различных интерпретаций медиасобытий у читателей России и Германии формируется различная картина мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каждый журналист является интерпретатором описываемой действительности. Событие, отраженное в журналистском тексте, представляет собой авторскую интерпретацию, результат субъективного восприятия мира.

При описании медиасобытия журналисты применяют различные лингвостилистические приемы. С их помощью они достигают неречевой цели или глобальной авторской интенции – убедить читателей в правильности своего мировосприятия. Журналисты качественной прессы при этом принимают во внимание «гипотезу об адресате» М.М. Бахтина, по умолчанию считая, что обращаются к серьезному, вдумчивому читателю, обладающему широкими фоновыми знаниями, достаточными для декодирования смысла и правильного понимания авторского сообщения.

С точки зрения адресанта интерпретация представляет собой когнитивный процесс и одновременно результат познавательной деятельности; процесс создания и оформления смысла. С точки зрения адресата – это когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и неречевых действий, понимание предлагаемого смысла с последующим включением его в индивидуальную картину мира.

Характер интерпретации медиасобытия журналистов проявляется в ряде категорий: 1) в самом выборе медиасобытия для освещения; 2) в стилистическом оформлении медиатекста; 3) в текстовых и структурных особенностях медиатекста.

В лексической составляющей находит свое выражение воздействующий потенциал медиатекста, его способность убеждать читателя в правильности трактовки реальности. Индивидуальная картина мира адресата зависит от выбора стилистических средств адресантом.

Ввиду глобализации различные национальные журналистские институты обретают сегодня немало общих черт. Кроме того, во всем мире к

журналистскому мастерству предъявляются практически одинаковые требования. Данные тенденции находят свое отражение в языке журналистских материалов: не только в обогащении его терминами и концептами, но и в способах подачи материала, а также приемах интерпретации медиасобытия. Таким образом, набор лингвистических приемов является универсальным для различных культур.

Все лингвостилистические приемы интерпретации являются средствами реализации категории достоверности. Требование достоверности является одним из важнейших детерминантов журналистского творчества в качественной прессе, которое накладывает отпечаток на выбор журналистом интерпретационных приемов: выбор стилистических и лингвистических средств, нарративную организацию медиатекста, выбор деталей, расстановку акцентов, цитацию. При этом прочие детерминанты (среди которых – личностные особенности журналиста, характеристики издания, культурный контекст, общественная идеология в стране и т.д.) влияют на то, что журналисты в разных странах выбирают различные приемы интерпретации и используют их с разной частотностью. Вокруг важнейших событий в разных странах формируются различные нарративы, а в результате – различные варианты истории.

Анализ статей, посвященных вооруженному конфликту в Сирии и опубликованных в газете «Коммерсантъ» в 2014-2017 гг., демонстрирует широкий диапазон тем. Журналисты освещали ход военных действий и миротворческий процесс: тема «война в Сирии» соответствовала категории «свой» для «Коммерсанта» и его читателей.

Вовлеченность России в военные действия, непосредственная связь конфликта с внешней политикой государства наложили отпечаток на выбор журналистами и интерпретационных приемов. Наиболее востребованными оказались приемы использования концептуальной лексики в корпусе статей, образных средств в заголовках, широкое применение публицистических

метафор в авторском нарративе, общая нейтральная тональность сообщений, имплицитная оценка, а также нарративная организация статей.

Важно, что в статьях в газете «Коммерсантъ» в большинстве случаев приводятся цитаты экспертов. Сильные традиции экспертной журналистики в России уходят корнями в аналитические статьи советской эпохи. Журналист «Коммерсанта» обращается через текст к образованному, интеллектуальному читателю, способному понять логические и причинно-следственные связи и, более того, ожидающего от материалов качественной прессы содержательной глубины и доказательности. Вот почему в статьях, опубликованных в газете «Коммерсантъ», акцент делается на выборе аргументов и объяснении читателям информационной картины мира с последующим включением её в индивидуальную картину. В целом, для российской качественной прессы характерны рациональные, логические, а не эмоциональные приемы убеждения читателя.

Проведенный сопоставительный анализ текстов показал, что, несмотря на различия в интерпретациях, журналистов «Коммерсанта» и немецкой качественной прессы объединяет одинаковое восприятие многих концептуальных моментов. Во-первых, это негативное отношение к войне, равнодушие к страданиям мирного населения. Во-вторых, стремление к скорейшему заключению мира. Несмотря на разные оценки роли России и Германии в миротворческом процессе, журналистские материалы в газетах объединяет одна мысль: мир должен быть заключен как можно скорее, политические моменты могут быть улажены позже. В-третьих, журналистов объединяет восприятие терроризма как абсолютного зла, с которым необходимо бороться сообща. Данные концептуальные моменты являются универсальными, надгосударственными и могут послужить поводами для сближения и объединения на основании общечеловеческих ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

На русском языке

1. Автор и текст: Сб. статей. Вып. 2/ Под. ред. В.М. Марковича и Вольфа Шмида. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 470 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Проблемы когнитивно-семиологического исследования языка // Слово-сознание-культура: сб. научных трудов / сост. Л.Г. Золотых. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 31-41.
3. Арнольд И.В. Проблемы интертекстуальности / И.В. Арнольд // Вестник СПбГУ. – 1992. – № 4. – С. 53-61
4. Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты. / под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1991. – С. 21-30.
5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
7. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): Автореф. дис. ...докт. филол. наук. – М., 1990.
8. Баранов А.Н., Паршин Б.П. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. – М., 1986.
9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
10. Беглова Е.И. Особенности заголовка в современной газетно-журнальной публицистике // Медиалингвистика. Выпуск 4. Профессиональная речевая коммуникация и массмедиа / научн. ред. Л.Р. Дускаева; отв. ред. Н.С. Цветова. – СПб.: СПбГУ; Институт

- «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», 2015а. – С. 151–154.
11. Беглова Е.И. Стилистические средства создания экспрессии текста современной газеты. // Стилистика сегодня и завтра. Материалы IV-ой международной научной конф. (г. Москва, 28–30 апреля 2016 г.) / отв. ред. С.Ф. Барышева. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2016. – С. 66-67.
  12. Беглова Е.И. Фразеологизмы и паремии как средство оценки и акцентуации смысла в современных печатных СМИ // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования. Материалы II-ой международной научно-практ. конф. (г. Пенза, 26–28 октября 2017 г.) / под ред. Г.И. Канакиной, И.Г. Родионовой. – Пенза: Пензенский гос. университет, 2017. – С. 257–261.
  13. Беглова Е.И. Языковая презентация актуальных проблем в современной российской газете // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015б. – № 2. (Часть 2). – С. 339–343.
  14. Бельчиков Ю.А. Из наблюдений над стилевыми модификациями текстов жанра информационной заметки в современных печатных СМИ // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной конференции (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 г.) / Под общ. ред. М.Н. Володиной, М.Л. Ремнёвой. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 90-91.
  15. Бессарабова Н.Д. Журналистика и слово. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2015. – 261 с.
  16. Бессарабова Н.Д. Политические метафоры в СМИ // Язык СМИ и политика / Под ред. Г.Я. Солганика. – М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. – С 407-422.

17. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Современная версия. – М.: Эксмо, 2006. – 672 с.
18. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
19. Валгина Н.С. Теория текста. Учебное пособие. Рецензенты: доктор филологических наук, профессор А.А. Беловицкая доктор филологических наук, профессор Н.Д. Бурвикова. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
20. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. Часть 1 / Отв. ред. М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 9-31.
21. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова.— М.: Прогресс, 1988
22. Гаспарян О.Т. Интенциональные стратегии современного рекламного дискурса : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.10. Место защиты: МГУ имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2017. – 27 с.
23. Григорьева О.Н. Цвет и запах власти (семантика ощущений в языке СМИ) // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной конференции (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 г.) / Под общ. ред. М.Н. Володиной, М.Л. Ремнёвой. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. С 37-39.
24. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблема прецедентности. – М.: ИТДГК «Гнозис», 1999
25. Дейк Т.А. ван, Язык, познание, коммуникация. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

26. Демьянков В.З. Загадки диалога и культуры понимания // Текст в коммуникации. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1991. – С.109-116.
27. Демьянков В.З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // «Вопросы филологии». – М., 1999. – № 2. – С. 5-13.
28. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. – М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. – С.116-133.
29. Демьянков В.З. Исследование текста и дискурса СМИ методами контрастивной политологической лингвистики // Язык СМИ и политика / Под ред. Г. Я. Солганика. – М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. – 952 с. – С. 77-120.
30. Демьянков В.З. Понимание // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С.124-126.
31. Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. – М., 1983а. – № 6. – С.58–67.
32. Демьянков В.З. Семиотика событийности в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. Часть 2 / Отв. редактор М.Н. Володина. – М.: Изд-во Московского университета, 2004. – С. 68-83.
33. Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // – Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1983б. – Т. 42. – № 4. – С.320-329.
34. Демьянков В.З. Событийность в языке средств массовой информации // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной конференции

- (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 г.) / Под общ. ред. М. Н. Володиной, М. Л. Ремнёвой. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 59-60.
35. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты : колл. Монография / под. ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. 2-е изд. стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 268 с.
36. Дмитриева О.Л. Штамп и ярлык - языковой тормоз // Мы сохраним тебя, русская речь! – М., 1995.
37. Добросклонская Т.Г. Социозначимые свойства медиа-речи // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной конференции (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 г.) / Под общ. ред. М.Н. Володиной, М.Л. Ремнёвой. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 144 с. С. 13-15.
38. Долинин К.А. Интерпретация текста: Французский язык: Учебное пособие. Изд. 4-е. — М.: Изд-во «КомКнига», 2010. – 304 с.
39. Доржиева, Д.Ц. Специфика газетных текстов с позиций функциональной и коммуникативно-прагматической стилистик (на материале аналитических статей немецких качественных газет Frankfurter Allgemeine Zeitung, Süddeutsche Zeitung, Frankfurter Rundschau): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Доржиева Долорма Цырендашиевна. – М., 2018. – 220 с.
40. Дроняева Т.С. Информационный подстиль // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М 2003, – 291 с.
41. Дубровская Т.В., Кожемякин Е.А. Конструирование межнациональных отношений в СМИ: специфика репрезентаций // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 27. – № 18. – С. 111-125.
42. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.

43. Кайда Л.Г. Авторская позиция в публицистике: Дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1992.
44. Кайда Л.Г. Позиция автора в публицистике. Стилистическая концепция // Язык современной публицистики: Сб. статей / Под ред. Г.Я. Солганика. – М., 2005.
45. Калмыков А.А. Программно-методическое обеспечение переподготовки преподавателей вуза (на примере преподавания в Интернет): дис. ... канд. пед. наук. – М., 2002.
46. Клушина Н.И. Власть, СМИ и общество (стратегии и тактики формирования общественного мнения) // Язык СМИ и политика / Под ред. Г. Я. Солганика. – М. : Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012а. – 952 с.
47. Клушина Н.И. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме // Медиаскоп – 2012б. – №4.
48. Клушина, Н.И. Медиастилистика: как устроен современный медиастиль // Русская речь. – 2015. – № 3. – С.55-60.
49. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. – М.: МедиаМир, 2008. – 244 с.
50. Клушина Н.И. Трансформация стилистических и типологических характеристик российского медиадискурса новейшего времени // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1.
51. Конрад Н.И. О «языковом существовании» // Японский лингвистический сборник. М.: Изд-во вост. лит., 1959.
52. Коньков В.И. Медиаречь: Содержание понятия и принципы анализа // Мир русского слова. – 2016. – № 3. – С. 58-63.
53. Коньков В.И. Стиль и структура коммуникативной ситуации // Коммуникативные исследования. – 2017. – № 4. – С. 39-50.
54. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. 2-е изд. – М.: Флинта, 2008.
55. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М., 1979. – 267 с.

56. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? – М., 1998.
57. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
58. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учебное пособие для студентов педагогических институтов. – Л.: Просвещение, 1979. 327 с.
59. Леонтьев А.А. Образ события в СМИ и возможность его искажения // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной конференции (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 г.) / Под общ. ред. М.Н. Володиной, М.Л. Ремнёвой. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 144 с. С. 39-41
60. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. – СПб., 2004. – С. 150-391.
61. Луман Н. Реальность массмедиа, пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – Москва, 2012.
62. Мельник Г.С. Основы творческой деятельности журналиста: конспект лекций и практикум / Г.С. Мельник, К.Е. Виноградова, Р.П. Лисеев. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2013. – 210 с.
63. Мельник Г.С. Основы творческой деятельности журналиста / Г.С. Мельник, А.Н. Тепляшина. – СПб.: Питер, 2006. – 272 с.
64. Москвин В.П. Каламбур: приемы создания и языковая основа // Русская речь. – Издательство: Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука» (Москва) – 2011. – №3. – С. 35-42.
65. Негрышев А.А. Референтное событие и референтная база новостного медиатекста // Медиалингвистика. – № 2 (8). – 2015.

66. Николаева Т.М. «Лингвистическая демагогия» // Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: Наука, 1988.
67. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Панченко Надежда Николаевна; [Место защиты: Волгогр. гос. пед. ун-т]. – Волгоград, 2010а. – 44 с.
68. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория : Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19 / Панченко Надежда Николаевна; [Место защиты: Волгогр. гос. пед. ун-т]. – Волгоград, 2010б. – 400 с.
69. Панченко Н.Н. Когнитивные категории «истинность» и «достоверность»: общее и различное // Знание. Понимание. Умение. Научный журнал Московского гуманитарного университета. – Москва, 2009. – № 1. – С. 132–136
70. Пастухов А.Г. К вопросу о повторяемости, воспроизводимости и анализе медийной репрезентации коммуникативного события // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2016. – №21(242), вып.31. – С. 130-143
71. Петренко В.Ф. Психосемантический аспект массовых коммуникаций // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной конференции (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 г.) / Под общ. ред. М. Н. Володиной, М. Л. Ремнёвой. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 144 с. С. 44-45
72. Полонский А.В. Медиалект: язык в формате медиа // Научные ведомости БелГУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2018. – № 37 (2). – С. 230-240.
73. Полонский А.В. Медиа и их текстовая реальность // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 27. – № 18. – С. 17-24.

74. Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы: коллективная монография / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. – Белгород: ИД «Белгород», 2016. – 244 с.
75. Солганик Г.Я. Интерпретационная стилистика // Вестник Московского университета. Серия 10 «Журналистика». – 2015 – № 6. – С.113-120
76. Солганик Г.Я. Стилистика текста. Учебное пособие. 3-е изд. – М.: ФЛИНТА, Наука. 2001. – 256 с.
77. Солганик Г.Я. О языке и стиле газеты // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Под ред. М.Н. Володиной. Ч. 1. – М., 2003. – С. 261-268.
78. Степанов В.Н. Смысл силы : Очерки немецкой философской традиции / Валентин Николаевич Степанов. — Ярославль: Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ), 2016а. — 160 с.
79. Степанов В.Н. Трансгрессивность как сущностная характеристика современного медиатекста в мировой сети / В.Н. Степанов // Актуальные проблемы стилистики. – 2016б. – № 2. – С. 149-158.
80. Хочунская Л.В. Концепция адресата в контексте публицистики // Философские проблемы массовых информационных процессов. – М., 1991.
81. Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 200 с.
82. Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации: на материале немецкого языка: дис. ... доктора филологических наук : 10.02.04 / Чернявская Валерия Евгеньевна. – СПб., 2000. – 422 с.
83. Чернявская В.Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017 – № 4. – С. 83-93.

84. Чудинов А.П. Финансовая метафора в современной политической речи. Известия Уральского гос. пед. ун-та. Лингвистика. Вып. 7. – Екатеринбург, 2001.
85. Шейгал Е.И. Язык СМИ и политика в семиотическом аспекте // Язык СМИ и политика / Под ред. Г. Я. Солганика. – М. : Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. – 952 с. – С 121-161.
86. Шестак Л.А. Политическая лингвистика: фрейм события и фейк-ньюс // Cross Cultural Studies: Education and Science. – 2018. – № 3. – С. 194-199.
87. Шишкин А. Государство должно бороться с технологией «фейк-ньюс» [Электронный ресурс] / А. Шишкин // Primamedia.ru. – 2017. – 13 декабря. Режим доступа: <https://primamedia.ru/news/654008/> (дата обращения 14.12.2017)
88. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. — 224 с.
89. Шмелев Д.Н. Эвфемизм//Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979. – С. 879.
90. Язык СМИ и политика / Под ред. Г.Я. Солганика. – М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. – 952 с.
91. Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов/ Под ред. М.Н. Володиной. – М.; Академический Проект; Альма Матер, 2008, 760 с. – С. 27-47.
92. Яусс Г.Р. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория. Антология / Сост. И.В. Кабанова. – М., 2004.

На иностранном языке

93. Bucher H.-J., Straßner E. *Mediensprache, Medienkommunikation, Medienkritik.* – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1991.
94. Burger H., Luginbühl M. *Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien.* – Berlin, 2014. – 532 с.
95. Fix U. *Stil – ein sprachliches und soziales Phänomen.* – Berlin, 2007.
96. Häusermann J. *Journalistisches Texten.* 3. Aufl. – UVK, Konstanz, 2011.
97. Hunt E. *What is fake news? How to spot it and what you can do to stop it.* [Электронный ресурс] / E. Hunt // *The Guardian.* – 2016. – 17 декабря. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/media/2016/dec/18/what-is-fake-news-pizzagate> (дата обращения 20.12.2016)
98. Jakobs E.-M. *Textvernetzung in den Wissenschaften. Zitat und Verweis als Ergebnis rezeptiven, reproduktiven und produktiven Handelns.* – Tübingen, 1999. – 230 с.
99. Jäckel M. *Medienwirkungen.* – Wiesbaden, 1999.
100. Kallmeyer W. *Perspektiven auf Mediensprache und Medienkommunikation // Beiträge der Konferenz „Mediensprache als Objekt interdisziplinärer Forschungen“ 25-27 Oktober 2001.* Institut für Deutsche Sprache. – Mannheim, 2005.
101. Kallmeyer W. *Sprache und neue Medien.* – W. de Gruyter, 2000.
102. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by.* – Chicago, 1980.
103. Luhmann N. *Die Realität der Massenmedien.* – Opladen, 1996.
104. Matheson D. *Media Discourses: Analysing Media Texts.* – Berkshire Open University, 2005.
105. McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man.* – London, 1962.
106. Pürer H. *Medien und Journalismus zwischen Macht und Verantwortung.* – Berlin, 2003.
107. Riesel E., Schendels E. *Deutsche Stilistik.* – Moskau: Hochschule, 1975.
108. Schenk M. *Medienwirkungsforschung.* – Tübingen: Mohr, 1987.

109. Stilistik der deutschen Sprache: в 2 ч. Ч. 1: Теория: учебное пособие / Л.Ю. Щипицина; Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: Поморский университет, 2009. – 144 с.
110. Thurgood G. The historical development of the Akha evidentials system / Graham Thurgood // Proceedings of the Seventh Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. – Berkeley, 1981. – 295 с.
111. Weinrich H. Linguistik der Lüge. Verlag C.H.Beck. Auflage: 8 – 2016. – 90 с.

Источники языкового материала из газеты «Коммерсантъ»

112. Арбатова Н. Цена вопроса // «Коммерсантъ» №59 от 06.04.2017, с. 8.
113. Барабанов И., Сафронов И., Черненко Е. Разговор по прямому поводу // «Коммерсантъ» №172 от 21.09.2015, с. 1.
114. Джорджевич А., Сафронов И. Задачи выполнены на все 101 // «Коммерсантъ» №120 от 06.07.2017, с. 3.
115. Дудина Г. Приложением дюжинных усилий // «Коммерсантъ» №197 от 24.10.2015, с. 1.
116. Дудина Г. Сирии нашлось место под Анталей // «Коммерсантъ» №215 от 20.11.2017, с. 1.
117. Ефимова М. Сирийская оппозиция не хочет открывать второй фронт // «Коммерсантъ» №146 от 14.08.2015, с. 5.
118. Ефимова М. У Израиля назрели просирийские вопросы // «Коммерсантъ» № 172 от 19.09.2015, с. 1.
119. Колесников А. Башар Асад совершил налет на Сочи // «Коммерсантъ» № 217 от 22.11.2017, с. 1.
120. Колесников А. Бой с темой Газета // «Коммерсантъ» №210 от 13.11.2017, с. 1.
121. Колесников А. Огонь на упреждение // «Коммерсантъ» №180 от 01.10.2015, с. 1.

122. Колесников А. По трем ближневосточкам // «Коммерсантъ» №231 от 12.12.2017, с. 1.
123. Колесников А. Русская Монтрёшка // «Коммерсантъ» № 215 от 27.11.2014, с. 1.
124. Коростиков М. Россия ограничила круг задач в Сирии // «Коммерсантъ» №196 от 23.10.2015, с. 7.
125. Коростиков М., Сафронов И. Лозанние по канату // «Коммерсантъ» №192 от 15.10.2016, с. 1.
126. Кузнецова О. Башар Асад идет на третий срок // «Коммерсантъ» №94 от 03.06.2014, с. 6.
127. Кузнецова О. Исламисты сделали Сирию ближе к соседям // «Коммерсантъ» №171 от 23.09.2014, с. 8.
128. Кузнецова О. Курдская автономия просит офисного признания // «Коммерсантъ» № 193 от 20.10.2015, с. 1.
129. Кузнецова О. Сирийские власти и оппозиция стали на 12 пунктов ближе // «Коммерсантъ» № 64 от 11.04.2015, с. 3.
130. Кузнецова О. Сирийские курды не отступают на позиции Турции // «Коммерсантъ» № 26 от 16.02.2016, с. 6.
131. Кузнецова О. Сирийскую оппозицию затянуло в саудовские пески // «Коммерсантъ» № 227 от 09.12.2015, с. 6.
132. Кузнецова О., Юсин М., Сафронов И. Сирийский конфликт вырос до греческого неба // «Коммерсантъ» № 163 от 08.09.2015, с. 6.
133. Макеева А. Российский опыт отучения пойдет на экспорт // «Коммерсантъ» №65 от 14.04.2017, с. 3.
134. Мурадов М., Макеева А. Российских детей ищут на чужой войне // «Коммерсантъ» №149 от 16.08.2017, с. 3.
135. Сафронов И. Россия прошла боевое сокращение // «Коммерсантъ» №5 от 13.01.2017, с. 3.
136. Сафронов И. Свои на Ближнем // «Коммерсантъ» №244 от 29.12.2017, с. 6.

137. Сафронов И., Джорджевич А. Бомбардировщик оказался не в том положении // «Коммерсантъ» №189 от 11.10.2017, с. 1.
138. Сафронов И., Дудина Г., Кривошеев К. Без шума Ракки не бывает // «Коммерсантъ» №107 от 17.06.2017, с. 3.
139. Сафронов И., Строкань С. Со всеми наступающими // «Коммерсантъ» № 239 от 25.12.2015, с. 2.
140. Сафронов И., Юсин М., Черненко Е., Дудина Г., Ефимова М., Кузнецова О. Военно-воздушные — Сирии // «Коммерсантъ» № 180 от 01.10.2015, с. 1.
141. Сергеев Н., Соковнин А. За потерю оружия осудят автоматом // «Коммерсантъ» №59 от 06.04.2017, с. 6.
142. Скорлыгина Н. Сирия ждет русский свет // «Коммерсантъ» №130 от 23.07.2015, с. 9.
143. Степанов Г., Строкань С., Юсин М., Сафронов И. Американской авиации очертили бесполетную зону // «Коммерсантъ» №108 от 20.06.2017, с. 1.
144. Степанов Г., Юсин М., Сафронов И. "Исламское государство" (организация запрещена в РФ) получило поддержку с воздуха // «Коммерсантъ» №172 от 19.09.2016, с. 1.
145. Строкань С. Алеппо как сирийское Дебальцево // «Коммерсантъ» №26 от 16.02.2016, с. 6.
146. Строкань С. В сирийской войне объявлены трехчасовые перерывы // «Коммерсантъ» №146 от 12.08.2016, с. 5.
147. Строкань С. «Женева-2» недосчиталась Ирана // «Коммерсантъ» №8 от 22.01.2014, с. 6.
148. Строкань С. Коалиция раскалывается о "Щит Евфрата" // «Коммерсантъ» №159 от 31.08.2016, с. 6.
149. Строкань С. Сирийское урегулирование продвинулось не дальше Башара Асада // «Коммерсантъ» № 210 от 16.11.2015, с. 1.

150. Строкань С. Сирийскому урегулированию подбирают расширенный формат // «Коммерсантъ» №197 от 26.10.2015, с. 6.
151. Строкань С. Сочинская коалиция // «Коммерсантъ» №217 от 22.11.2017, с. 6.
152. Строкань С., Ефимова М. Израиль разворачивается к сирийскому фронту // «Коммерсантъ» №108 от 23.06.2015, с. 6.
153. Строкань С., Сафронов И. Пальмира первенства // «Коммерсантъ» № 51 (5801) от 28.03.2016, с. 1.
154. Строкань С., Сафронов И, Тарасенко П. Операцию в Сирии подвергли атаке // «Коммерсантъ» № 181 от 02.10.2015, с. 3.
155. Строкань С., Федуненко Е. Война и мир Сирии // «Коммерсантъ» №244 от 29.12.2017, с. 10.
156. Строкань С., Черненко Е., Кривошеев К., Хвостик Е. В напряженной и женевской обстановке // «Коммерсантъ» №221 от 28.11.2017, с. 1.
157. Строкань С., Юсин М. Бесполетные усилия // «Коммерсантъ» №182 от 03.10.2016, с. 1.
158. Строкань С., Юсин М. Иран лишает США слова на переговорах // «Коммерсантъ» №9 от 19.01.2017, с. 1.
159. Строкань С., Юсин М. Многосирийский детектив // «Коммерсантъ» №41 от 14.03.2016, с. 6.
160. Строкань С., Юсин М. Совбез ООН выправил документ для Алеппо // «Коммерсантъ» № 236 от 20.12.2016, с. 6.
161. Тарасенко П. НАТО грозит России потерями в Сирии // «Коммерсантъ» № 186 от 09.10.2015, с. 7.
162. Тарасенко П. Россия и США поделили борьбу с терроризмом // «Коммерсантъ» № 180 от 01.10.2015, с. 2.
163. Туманов Г., Коробов П. Враг должен быть обозначен // «Коммерсантъ» №181 от 02.10.2015. с. 3.

164. Тарасенко П., Кузнецова О. Полуночные хроники // «Коммерсантъ» №33 от 27.02.2016, с. 1.
165. Черненко Е. Сергей Лавров ответил за год // «Коммерсантъ» №12 от 27.01.2016, с. 6.
166. Черненко Е. Схватка за порядок // «Коммерсантъ» №20 от 06.02.2015, с. 5.
167. Юсин М. Неподеленная победа // «Коммерсантъ» №231 от 12.12.2017, с. 3.
168. Юсин М. Оппозицию снимают с довольствия // «Коммерсантъ» №131 от 21.07.2017, с. 5.
169. Юсин М., Степанов Г. Границы ИГ (организация запрещена в РФ) стали короче // «Коммерсантъ» № 244 от 30.12.2016, с. 11.
170. Юсин М., Строкань С. Огонь на окружение // «Коммерсантъ» № 143 от 09.08.2016, с. 1.
171. Юсин М., Строкань С., Степанов Г. Башар Асад отвоевывает нефть // «Коммерсантъ» №153 от 22.08.2017, с. 6.

Источники языкового материала из газеты «Die Zeit»

172. Agarwala A. Wenn es so weit ist // DIE ZEIT Nr. 47/2016, 10. November 2016. S. 81.
173. Bittner J. Wer bellt, muss beißen // DIE ZEIT Nr. 30/2016, 14. Juli 2016. S. 10.
174. Bittner J., Böhm A., Musharbash Y., Thumann M., Topcu O. Krieg gegen den Terror, Teil 2 // DIE ZEIT Nr. 40/2014, 25. September 2014. S. 2-3.
175. Bittner J., Thumann M. Es beginnt wieder, aber anders // DIE ZEIT Nr. 39/2014, 18. September 2014. S. 3.
176. Böhm A. Geschlagen, aber nicht besiegt // DIE ZEIT Nr. 5/2015, 29. Januar 2015. S. 9.

177. Böhm A. Henker des eigenen Volkes // DIE ZEIT Nr. 7/2017, 9. Februar 2017. S. 1.
178. Böhm A. Hölle auf Erden // DIE ZEIT Nr. 52/2016, 15. Dezember 2016. S. 1.
179. Böhm A. Mit Bomben und Chlorgas // DIE ZEIT Nr. 37/2015, 10. September 2015. S. 7.
180. Böhm A. Wir Feiglinge // DIE ZEIT Nr. 20/2016, 4. Mai 2016. S. 1.
181. Böhm A. Wir warten auf das Ende // DIE ZEIT Nr. 50/2016, 1. Dezember 2016. S. 4.
182. Böhm A., Musharbash Y., Svensson B. ...und morgen die Weltherrschaft // DIE ZEIT Nr. 34/2014, 14. August 2014. S. 4.
183. Böhm A., Thumann M. Und der Sieger heißt: Iran // DIE ZEIT Nr. 4/2017, 19. Januar 2017. S. 6.
184. Bota A. Immer ist es Putin // DIE ZEIT Nr. 52/2016, 15. Dezember 2016. S. 1.
185. Bota A., Kohlenberg K. Dich bring ich ganz groß raus. // DIE ZEIT Nr. 9/2017, 23. Februar 2017. S. 6.
186. Brost M., Von Randow G., Ulrich B. Europa ist nicht im Krieg. Im Frieden aber auch nicht // DIE ZEIT Nr. 38/2014, 11. September 2014. S. 3
187. Burcak Belli O., Böhm A., Bühler A. Die Geschäfte des Kalifen // DIE ZEIT Nr. 49/2014. S. 6-8.
188. Coen A., Henk M. Im Reich des Löwen // DIE ZEIT Nr. 49/2016, 24. November 2016. S. 15-17.
189. Finger E. Vor aller Augen // DIE ZEIT Nr. 9/2015, 26. Februar 2015. S. 1.
190. Henk M., Sußebach H. Der Exodus von Tel Goran // DIE ZEIT Nr. 52/2015, 23. Dezember 2015. S. 17-19.
191. Hildebrandt T., Ulrich B. Im Auge des Orkans // DIE ZEIT Nr. 38/2015, 17. September 2015. S. 2-3.

192. Joffe J. Fluch der Ideologie // DIE ZEIT Nr. 3/2015, 15. Januar 2015. S. 6.
193. Joffe J. Die Schwäche der Weltenzünder // DIE ZEIT Nr. 1/2016, 30. Dezember 2015. S. 1.
194. Joffe J. Putins Paukenschlag im Krieg um Syrien // DIE ZEIT Nr. 13/2016, 17. März 2016. S. 1.
195. Lau J. Fetisch Gewalt // DIE ZEIT Nr. 26/2016, 16. Juni 2016. S. 1.
196. Lau J. Letztes Gefecht // DIE ZEIT Nr. 39/2015, 24. September 2015. S. 1.
197. Lau J. Möge die Macht mit dir sein! // DIE ZEIT Nr. 2/2016, 7. Januar 2016. S. 8.
198. Lau J., Joffe J. Hat er denn die Welt verbessert? // DIE ZEIT Nr. 18/2016, 21. April 2016. S. 6.
199. Lau J., Thumann M. Was, wenn er zuschlägt? // DIE ZEIT Nr. 12/2017, 16. März 2017. S. 3.
200. Lauder R. Menschenrechthaberei // DIE ZEIT Nr. 25/2016, 9. Juni 2016. S. 11.
201. Musharbash Y. Warum schickt Trump plötzlich Soldaten nach Syrien? // DIE ZEIT Nr. 13/2017, 23. März 2017. S. 9.
202. Rudzio K. Heute Flüchtling, morgen Arbeitsloser? // DIE ZEIT Nr. 36/2015, 3. September 2015. S. 17-18.
203. Saviano R. Waffen, Männer, Geld und Tod // DIE ZEIT Nr. 15/2016, 31. März 2016. S. 2.
204. Schulz M. Der Fuß // DIE ZEIT Nr. 44/2016, 20. Oktober 2016. S. 3
205. Tempel S., Stein S. Der Iran braucht mehr Druck // DIE ZEIT Nr. 45/2016, 27. Oktober 2016. S. 5.
206. Thumann M. Zur Not auch Partner // DIE ZEIT Nr. 42/2015, 15. Oktober 2015. S. 1.